

Роберт Антон Уилсон, Роберт Шей
Золотое яблоко

Иллюминатус! – 2

«Иллюминатус! Часть 2. Золотое яблоко»: Издательский дом "София"; Киев; 2005
ISBN ISBN 5-9550-0833-0

Аннотация

Культовая андеграундная трилогия «Иллюминатус!» написана в 1969-1971 годах Робертом Джозефом Шеем, автором ряда исторических повестей, и Робертом Антоном Уилсоном, создателем знаменитой «Квантовой психологии». Признанный одним из лучших романов о всемирных заговорах, «Иллюминатус!» послужил образцом для гораздо более поздних бестселлеров «Маятник Фуко» и «Код да Винчи». Во второй части трилогии раскрывается много тайн. Читатель узнает, каким образом иллюминаты собираются «имманентизировать Эсхатон» во время крупнейшего в истории рок-концерта, почему погибла Атлантида, в чем суть любой магии и что находится внутри Пентагона. Становятся известны имена четырех Первоиллюминатов, стоящих за всеми тайными обществами Земли. Кто же пятый? Проницательный читатель, вас ждет «Золотое Яблоко» — кульминационная часть легендарной эпопеи.

Роберт А. УИЛСОН, Роберт ШЕЙ ЗОЛОТОЕ ЯБЛОКО

Человек имеет право жить по своему собственному закону — жить так, как он желает: работать, как он желает; играть, как он желает; отдыхать, как он желает; умирать, когда и как он желает.

Человек имеет право есть то, что он желает; пить, что он желает; жить, где он желает; перемещаться, как он желает, по всей земле.

Человек имеет право думать, что он желает; говорить, что он желает; писать, что он желает; рисовать, заниматься живописью, вырезать, гравировать, ваять; одеваться, как он желает.

Человек имеет право любить, как он желает.

Человек имеет право убить тех, кто препятствует исполнению этих прав.

**«Равноденствие: журнал научного
иллюминизма» (под ред. Алистера Кроули)**

Посвящается Арлен и Ивонне

Предисловие редактора

Два нью-йоркских детектива, Сол Гудман и Барни Малдун, начинают расследование дела о взрыве в редакции ультралевого журнала «*Конфронтэйшн*» и исчезновении его редактора Джо Малика. Вскоре они обнаруживают, что Малик вел журналистское расследование ряда громких убийств (в том числе братьев Кеннеди и Мартина Лютера Кинга) и интересовался деятельностью тайного общества *иллюминатов* («просветленных»). Разбирая оставшиеся после Малика материалы, детективы вдруг осознают, что стоят на пороге смертельно опасной тайны. Но выбор сделан: скрывшись от преследующих их по пятам агентов ФБР (или самих иллюминатов?), ветераны полиции бросаются с головой в паутину жутких всемирных заговоров.

А тем временем молодого репортера «*Конфронтэйшн*» Джорджа Дорна, посланного Маликом в техасский город Мэд-Дог (оплот ультраправых сил), арестует за хранение марихуаны местный шериф Картрайт. Дорна бросают в тюрьму и начинают «прессовать» как физически, так и психически, поместив в одну камеру с уголовником-извращенцем. Внезапно группа странных террористов взрывает тюремную стену и похищает молодого репортера. Вскоре он оказывается на борту невиданной золотой подводной лодки «*Лейф Эрикссон*». Ее изобретатель и капитан, загадочный Хагбард Челине, — лидер секты *дискордианцев*, поклоняющихся Эриде, древнегреческой богине раздора и хаоса. Как объясняет Хагбард Джорджу, дискордианцы испокон веков ведут борьбу с иллюминатами — кукловодами, дергающими за ниточки всех остальных (подставных) всемирных заговоров и тайных обществ. Поклонники Эриды — единственные, кого иллюминаты никогда не смогут подчинить себе. Кроме экипажа «*Лейфа Эриксона*», в мире есть и другие дискордианские группы.

Иллюминаты планируют «имманентизировать Эсхатон» (что в практическом смысле означает массовые человеческие жертвоприношения) и использовать высвободившуюся при этом психическую энергию для собственного «трансцендентального просветления», или «окончательной иллюминизации» (что в практическом смысле означает бессмертие и всемогущество). Они пробуют развязать мировую ядерную войну из-за революции на африканском острове Фернандо-По и устроить утечку мощнейшего биологического оружия с секретной базы близ Лас-Вегаса, но, похоже, это лишь отвлекающие маневры. Главный удар по человечеству будет нанесен в немецком городе Ингольштадте, колыбели исторического

общества «Баварских Иллюминатов», основанного Адамом Вейсгауптом в XVIII веке. Там должен состояться грандиознейший рок-фестиваль, названный «европейским Вудстоком». Время удара — Вальпургиева ночь. Хагбард форсирует инициацию своих новобранцев и готовится к бою.

Таково краткое содержание первой части трилогии «Иллюминатус!», которая называется «Глаз в пирамиде» и издана отдельным томом. И все, что было нами сказано до сих пор, сказано для тех, кто не читал «Глаза в пирамиде». Тех же, для кого настоящая книга, «Золотое Яблоко», — долгожданное продолжение, мы хотим попросить: пожалуйста, пока вы не прочтете всей трилогии, не торопитесь выносить суждений. Легко сравнивать «Иллюминатуса!» с «конспирологическими» романами следующих поколений (в частности, с «Маятником Фуко» и пресловутым «Кодом да Винчи»). Легко прочесть в Интернете о том, что «Иллюминатус!» — это вообще всего лишь пародия на все и всяческие «теории заговоров». Реальность, как всегда бывает, гораздо сложнее сравнений и ярлыков. В этом произведении действительно очень много «фирменного» уилсоновского юмора, пародий на американские культурные иконы и политической сатиры (к сожалению, русскому читателю, особенно молодому, не всегда с ходу понятной, — но вот тут-то как раз и поможет Интернет; мы стремились свести объем комментариев к самому необходимому минимуму). Но «Иллюминатус!» — это не просто «прикол» объемом в восемьсот страниц; это и героическая сага о новых викингах, и священное предание, и учебное пособие по теории когнитивного диссонанса, и трактат по экономике анархизма, и много чего еще. В том числе и много пронзительно трагичных эпизодов. Так что желаю вам *разнообразного* чтения. Встретимся в Части Третьей. Да здравствует Дискordia!

Андрей Костенко

Книга третья Unordnung

Не верь ни единому слову, написанному в «Честной Книге Истины» Лорда Омара, и ни единому слову из «Principia Discordia» Малаклипса Младшего, ибо все, что там сказано, — вредная и вводящая в заблуждение правда.

Мордехай Малигнатус, Х. Н. С. «Послание Епископам», «Нечестная книга лжи»

Трип шестой, или ТИФАРЕТ

Предпочесть порядок беспорядку или беспорядок

порядку — значит решиться испытать и созидательное, и разрушительное. Предпочесть же созидательное разрушительному — значит принять испытание абсолютным созиданием, в котором есть и порядок, и беспорядок.

Малаклипс Младший, Х. С. Х. «Проклятие Серолицего и введение в негативизм», Principia Discordia

Утро 25 апреля Джон Диллинджер начал с беглого просмотра «*Нью-Йорк тайме*»; как он заметил, фнордов было больше обычного. «Верьмо допало в пентильатор», — мысленно ухмыльнулся он, включая восьмичасовые новости, — и, как нарочно, попал на сообщение о происшествии в особняке Дрейка: еще один плохой знак. В Лас-Вегасе, в залах, где никогда не выключался свет, никто из игроков не заметил, что уже наступило утро. Кармел, возвращаясь из пустыни, где похоронил Шерри Бренди, съехал с дороги, чтобы оглядеть дом доктора Чарли Мочениго в надежде увидеть или услышать что-нибудь полезное. Он услышал револьверный выстрел и быстро укатил прочь. Оглянувшись, увидел столб пламени, подскочивший до небес. Над Атлантическим океаном Р. Бакминстер Фуллер посмотрел на стрелки трех пар своих часов и увидел, что в самолете сейчас два часа ночи, в Найроби, куда он летел, полночь, а дома в Карбондэйле (штат Иллинойс) уже шесть утра. В самом Найроби Нкрумах Фубар, изготовитель кукол вуду, причинявших головную боль президенту Соединенных Штатов, готовился ко сну, с нетерпением ожидая завтрашней лекции мистера Фуллера в университете. (Мистер Фубар с его сложным примитивизмом, как и Саймон Мун с его примитивистской сложностью, не считал, что магия противоречит математике.)

В Вашингтоне часы пробили пять; «фольксваген», украденный Беном Вольпе, притормозил у дома сенатора Эдварда Коука Бейкона, самого известного американского либерала и главной надежды всех молодых людей, еще не вступивших в «Моритури».

— Одна нога здесь, одна там, — лаконично скомандовал Бен Вольпе своим спутникам, — «приковбойте».

Сенатор Бейкон перевернулся в постели на другой бок (Альберт «Учитель» Штерн стреляет в Голландца) и пробормотал: «Нью-арк». Лежавшая рядом жена проснулась: ей послышался шум в саду {«Мама, мама, мама», — бормочет Голландец}. «Мама», — слышит она голос сына и опять засыпает. Но град пуль выбрасывает ее из сна в море крови; в одной вспышке она видит умирающего рядом мужа, сына, плачущего двадцать лет назад над сдохшей черепашкой, лицо Менди Вейсса и пятящихся из комнаты Бена Вольпе и двух других.

В 1936 году, когда Роберт Пашни Дрейк вернулся из Европы, собираясь стать вице-президентом отцовского банка в Бостоне, полиция уже знала, что на самом деле Голландца застрелил отнюдь не Альберт Учитель. Однако лишь немногие, вроде Эллиота Несса, обладали информацией, что его заказали мистер Счастливчик Лучано и мистер Альфонс Капоне (из тюремного заключения в Атланте) через Федерико Малдонадо. И никто за пределами Синдиката не ведал имен настоящих убийц — Джимми Землеройки, Чарли Жука и Менди Вейсса. Никто, кроме Роберта Патни

Дрейка.

1 апреля 1936 года в доме Федерико Малдонадо зазвонил телефон. Когда Малдонадо поднял трубку, некто с интеллигентным бостонским выговором произнес: «Мама это лучший выбор. Не дайте Сатане тянуть вас слишком быстро». И повесил трубку.

Малдонадо думал об этом весь день, а вечером поделился с одним очень близким другом:

— Сегодня мне позвонил какой-то псих и произнес часть той тирады, которую Голландец выдал копам перед смертью. И что забавно: он повторил именно то, что могло бы нас всех погубить, если бы хоть кто-то в полиции или ФБР понял смысл.

— Бывают такие психи, — изрек в ответ мафиозный дон, элегантно пожилой джентльмен, похожий на одного из соколов Фридриха Второго. — Они умеют *настраи́ваться*, как цыгане. Телепатия, понимаешь? Однако, в отличие от цыган, у них в голове все перепутывается, потому что они психи.

— Да, наверное, ты прав, — согласился Малдонадо. — Он вспомнил своего сумасшедшего дядюшку, который среди бессвязной чепухи о том, как священники «это самое» со служками в алтаре или как Муссолини прятался на пожарной лестнице, иногда вдруг произносил такой секрет Братства, о котором никак не мог знать. — Они *настраиваются* — как и Глаз, а?

И он расхохотался.

На следующее утро телефон зазвонил снова, и тот же голос с новоанглийской интонацией произнес: «Грязные крысы настроились. Порция свежей бобовой похлебки». Малдонадо бросило в холодный пот; тогда-то он и решил, что его сын, священник, будет каждое воскресенье служить мессу за упокой души Голландца.

Малдонадо думал об этом весь день: «Бостон... акцент ведь явно бостонский... Когда-то там были ведьмы. Порция свежей бобовой похлебки. Боже, ведь Гарвард совсем рядом с Бостоном, а Гувер набирает федералов в Гарвардском юридическом институте. Неужели среди юристов тоже есть ведьмы? Приковбойте сукина сына, приказал я, и они нашли его в мужском сортире. Вот чертов Голландец. Пуля в брюхе, но успел выболтать все, что можно, о *Segreto*[1] Проклятые *tedeschi*[2]...»

В тот вечер Роберт Патни Дрейк ужинал омаром «Ньюберг» с одной юной леди из малоизвестной ветви Фамилии Морганов. Затем они сходили в кино на «*Табачную дорогу*». В такси, по пути в отель, Дрейк всерьез обсуждал с ней страдания бедняков и мастерство Генри Халла, сыгравшего роль Джитера. После этого он трахал ее в своем номере до самого завтрака. В десять утра, после того как юная леди удалилась, Дрейк вышел из душа — тридцатитрехлетний, богатый, привлекательный голый самец, ощущающий себя здоровым и счастливым хищным млекопитающим. Оглядывая свой пенис и вспоминая змей из мескалиновых видений в Цюрихе, он накинул на себя купальный халат, стоивший столько, что на эти деньги голодающая семья из близлежащих трущоб могла бы кормиться в течение полугода. Потом он закурил толстую кубинскую сигару и сел возле телефона — счастливый хищник-самец. Набирая номер и прислушиваясь к щелчкам в трубке, Дрейк вспоминал аромат духов матери, склонившейся над его детской кроваткой однажды вечером тридцать два года назад, и запах ее груди, а также свой первый гомосексуальный эксперимент в Бостонском Парке — бледный опустился перед ним в туалетной кабинке, запах мочи и лизола, а на двери выцарапано: «Элеонора Рузвельт сосет»... и промелькнувшая на миг

фантазия, что перед его горячим твердым членом, как в церкви, преклонил колени не какой-то педик, а жена самого Президента...

— Да? — слышался в трубке раздраженный звенящий голос Бананового Носа Малдонадо.

— Когда я зашел в сортир, парень вышел на меня, — сказал Дрейк, растягивая слова и ощущая, как эрекция усиливается. — А как остальные шестнадцать? — Он быстро положил трубку.

(— Блестящий анализ, — сказал о его статье, посвященной разбору предсмертных слов Голландца Шульца, профессор Тохус в Гарварде. — Особенно удачно то, что один и тот же образ вы в одном месте трактуете по Фрейду, считая его отражением сексуальности, а в другом месте — по Адлеру, как отражение жажды власти. Весьма оригинальный подход.

Дрейк засмеялся и сказал:

— Боюсь, маркиз де Сад опередил меня на полтора столетия. Для некоторых мужчин сексуальность — это и есть Власть и Обладание.)

Способности Дрейка не остались незамеченными в юнговском кругу в Цюрихе. Однажды, когда Дрейк под мескалином совершал с Паулем Клее и друзьями то, что они называли «своим Путешествием на Восток», он стал предметом долгого и сложного обсуждения в кабинете Юнга.

— Мы не видели ничего подобного с тех пор, как здесь бывал Джойс, — заметила одна женщина-психиатр.

— У него блестящий ум, да, — печально произнес Юнг, — но испорченный. Настолько испорченный, что я потерял надежду его понять. Мне даже интересно, что бы сказал о нем старик Фрейд. Этот человек не хочет убить отца и обладать матерью; он хочет убить Бога и обладать Космосом.

На третье утро в доме Малдонадо раздались два телефонных звонка. Первый был от Луиса Лепке, огорошившего резким вопросом:

— В чем дело, Банановый Нос?

Оскорбительное употребление этой клички в качестве обращения было умышленным и почти непростительным, но Малдонадо простил.

— Ты засек, что за тобой следят мои мальчики, да? — добродушно спросил он.

— Я засек твоих солдат, — Лепке подчеркнул это слово, — а это значит, ты хотел, чтобы я их засек. Так в чем дело? Ты же знаешь, если тронут меня, тронут и тебя.

— Никто тебя не тронет, *caro mio* [3], — сердечно ответил дон Федерико. — У меня возникла сумасшедшая идея по поводу одной утечки, которая, как я подумал, могла исходить изнутри, и я решил, что единственный, кто достаточно знал, чтобы это сделать, был ты. Но я ошибся. Я понял это по твоему голосу. Ведь если бы я оказался прав, ты мне не позвонил бы. Миллион извинений. Больше тебя никто не будет вести. За исключением разве что следователей Тома Дьюи, а? — расхохотался он.

— О'кей, — медленно сказал Лепке.

— Отзови своих бойцов, и я обо всем забуду. Но не вздумай меня снова запугивать. Когда я пугаюсь, я совершаю безумные поступки.

— Никогда в жизни, — пообещал Малдонадо.

Лепке положил трубку, а Малдонадо все хмурился у телефона. «Теперь я его должник, — размышлял он. — Надо бы грохнуть кого-нибудь из тех, кто ему досаждал: это будет очень учтивое и уместное извинение. Но, Дева Мария, если это не Мясник, то кто же? Настоящая ведьма?»

Снова зазвонил телефон. Перекрестившись и мысленно призвав в помощь Богородицу, Малдонадо снял трубку.

— Пусть он сначала тебе покорится, а уж потом докучает, — с удовольствием процитировал Роберт Патни Дрейк. — Веселиться так, веселиться!

Он не повесил трубку.

— Послушайте, — сказал дон Федерико, — кто это?

— Голландец умирал три раза, — могильным голосом произнес Дрейк. — Когда в него стрелял Менди Вейсс, когда в него стрелял призрак Винса Колла и когда в него стрелял отморозок Учитель. А Диллинджер ни разу не умер.

— Мистер, по рукам! — сказал Малдонадо. — Вы меня убедили. *Я встречу с вами где угодно. При свете дня. В Центральном парке. В любом месте, где вы чувствуете себя в безопасности.*

— Нет, прямо сейчас вы со мной не встретитесь, — холодно отозвался Дрейк. — Сначала вам придется обсудить это с мистером Лепке и мистером Капоне. Вы также обсудите это с... — и он перечислил еще пятнадцать имен. — После того как у каждого из вас будет время подумать, я снова с вами свяжусь.

Как всегда в напряженный момент, когда совершалась важная сделка, Дрейк выпустил газы и повесил трубку.

«Теперь, — сказал он себе, — страховка».

На гостиничном столе перед ним лежала фотокопия второго анализа последних слов Голландца Шульца, сделанного им лично для себя, а не для публичного разбора на кафедре психологии в Гарварде. Аккуратно сложив бумагу, он прикрепил к ней записку: «Еще пять копий хранится в сейфах пяти разных банков». Затем он вложил фотокопию в конверт, адресовав его Лучано. Выйдя из номера, Дрейк бросил конверт в гостиничный почтовый ящик.

Вернувшись в номер, он позвонил Луису Лепке (настоящее имя — Луис Бухалтер), представлявшему организацию, которую падкая на сенсации пресса впоследствии назвала «Корпорацией убийств». Когда Лепке снял трубку, Дрейк торжественно продекламировал очередную цитату из Голландца: «Мне дали месяц. Они это сделали. Давайте, Иллюминаты».

— Черт побери, кто это? — услышал Дрейк крик Лепке, аккуратно кладя трубку на рычаг.

Через несколько минут он завершил процедуру выписки из гостиницы и дневным рейсом улетел домой, чтобы посвятить пять утомительных суток реорганизации и модернизации отцовского банка. На пятый вечер он расслабился и сводил юную леди из семьи Лоджей потанцевать под оркестр Теда Уимса и послушать нового молодого певца Перри Комо. Потом всю ночь напролет он трахал юную леди так и эдак. На следующее утро он вытащил маленькую книжечку, в которой были аккуратно записаны все самые богатые семейства Америки, и напротив фамилии *Лодж*, как неделей раньше перед фамилией *Морган*, поставил галочку и вписал имя девушки. На очереди были Рокфеллеры.

Дневным рейсом он улетел в Нью-Йорк и целый день вел переговоры с представителями Треста Морганов. В тот вечер он увидел очередь безработных за бесплатным питанием на Сороковой улице, и это глубоко его взволновало. Вернувшись в отель, он сделал одну из своих редких записей в дневнике:

В любой момент может произойти революция. Если бы Хьюи Лонга не

застрелили в прошлом году, она бы уже свершилась. Если бы Капоне позволил Голландцу застрелить Дьюи, в качестве ответных мер Министерство юстиции обрело бы больше полномочий и смогло бы обеспечить безопасность государства. Если Рузвельт не изыщет способ ввязаться в начавшуюся войну, наступит полный крах. А до войны осталось не более трех или четырех лет. Если бы мы смогли вернуть Диллинджера обратно, Гувер и юстиция укрепились бы, но Джон, кажется, в другом лагере. Возможно, мой план — это последний шанс, но Иллюминаты пока не выходят на связь, хотя должны уже были настроиться. О Вейсгаупт, что за бестолочи пытаются продолжать твоё дело!

Он нервно вырвал эту страничку, пукнул и сжег ее в пепельнице. Затем, по-прежнему взволнованный, набрал номер мистера Чарльза Лучано и тихо произнес: «Я тертый калач, Винифред. Министерство юстиции. Я получил это из самого министерства».

— Не вешайте трубку, — тихо сказал Лучано. — Мы ждали вашего звонка. Вы слушаете?

— Да, — сосредоточенно сказал Дрейк, плотно сжав губы и сфинктер.

— О'кей, — продолжил мистер Счастличик. — Вы знаете об Иллюминатах. Вы знаете, о чем пытался сообщить полиции Голландец. По-моему, вы даже в курсе насчет «*Liberteri*» и Джонни Диллинджера. Что вы хотите?

— Всё, — ответил Дрейк. — И вы непременно мне это дадите. Но еще не время. Не сегодня.

Он положил трубку.

(Колесо времени, как знали еще древние майя, вращается в трех ритмах: Земля крутится вокруг собственной оси, одновременно вращаясь по орбите вокруг Солнца и при этом вместе с Солнцем совершая долгий путь вокруг центра галактики; и это колесо завершает один круг, когда Дрейк кладет телефонную трубку, другой — когда Груад Серолицый рассчитывает траекторию кометы и говорит своим последователям: «Видите? Даже небесные тела подчиняются закону, и даже сам ллойгор, так не должны ли мужчины и женщины тоже ему подчиняться?», и третий, поменьше, — когда Семпер Куний Лингус, центурион на забытых богами задворках Империи, со скукой слушает увлеченный рассказ субалтерна: «Тот мужик, которого мы распяли в прошлую пятницу... Люди по всему городу клянутся, что видели, как он бродит по окрестностям. Один парень даже утверждает, что вставлял ему руку меж ребер!» Семпер Куний Лингус цинично смеется: «Расскажешь это гладиаторам», — говорит он. А Альберт Штерн включает газ, впрыскивает последнюю дозу морфия и в состоянии полной эйфории медленно умирает с сознанием того, что навсегда останется в людской памяти тем человеком, который убил Голландца Шульца, не подозревая, что через пять лет Эйб Рилз раскроет правду.)

Во время второго путешествия Джо на «*Лейфе Эриксоне*» они отправились в Африку, где у Хагбарда состоялось важное совещание с пятью гориллами. Это он сказал, что важное; Джо не мог об этом судить, поскольку беседа велась на суахили.

— Они немного говорят по-английски, — объяснил Хагбард, когда вернулись на лодку, — но я предпочитаю суахили: этим языком они владеют свободнее и могут передать больше смысловых оттенков.

— Ко всему прочему ты еще и первый человек, научивший обезьяну разговаривать? — спросил Джо.

— Нет, что ты, — скромно отозвался Хагбард. — Ладно уж, открою тебе дискордианский секрет. Первым человеком, общавшимся с гориллой, был дискордианский миссионер, которого звали Малаклипс Старший; он родился в Афинах, но был изгнан за сопротивление мужской диктатуре, когда афиняне создали патриархат и заперли женщин в домах. Потом он странствовал по всему древнему миру, узнавал разные тайны и оставил в память о себе бесценную коллекцию умопомрачительных легенд. Он был тем «безумцем», который спел Конфуцию о Фениксе [4]; он же, известный как Кришна, изложил эту славную библию революционной этики, «*Бхагавад-Гиту*», Арджуне в Индии. И совершил еще много других подвигов. Кажется, ты встречался с ним в Чикаго, когда он выдавал себя за христианского Дьявола.

— Но как же вам, дискордианцам, удалось скрыть тот факт, что гориллы разговаривают?

— Мы привыкли держать язык за зубами, а уж если пускаем его в ход, так только для того, чтобы кого-то разыграть или свести с ума.

— Я это заметил, — сказал Джо.

— Да и сами гориллы слишком умны, чтобы болтать с кем попало: они общаются только с другими анархистами. Видишь ли, все гориллы — анархисты, и они проявляют здоровую осмотрительность насчет людей в целом и правительственных чиновников в частности. Одна горилла мне как-то сказала: «Если станет известно, что мы умеем разговаривать, то консерваторы половину из нас истребят, а остальных заставят *арендовать* землю, на которой мы живем. А либералы начнут учить нас токарному делу. На хрен нам сдалось работать у станка?» Им нравится их пасторальный, эристический уклад жизни, и лично я не хочу им мешать. Но мы с ними общаемся, как и с дельфинами. Оба эти вида достаточно разумны и понимают, что, помогая горстке людей-анархистов, пытающихся прекратить или хотя бы притормозить всемирную анэристическую бойню, они помогают самим себе, как части земной биосферы.

— Я все еще немного путаюсь в ваших теологических — или психологических? — терминах. Анэристические силы, особенно Иллюминаты, помешаны на структуре и хотят навязать свое понимание «порядка» всему миру. Но я до сих пор не могу разобраться, в чем разница между эридианцами, эридистами и дискордианцами. Не говоря уже о ДЖЕМах.

— *Эридизм* — это противоположность анэридизма, — терпеливо начал Хагбард, — и, значит, они тождественны друг другу. Как Шалаяй и Валяй. К примеру, такие писатели, как де Сад, Макс Штирнер и Ницше, — это эридисты; гориллы тоже. Эридисты стоят за абсолютное господство индивидуальности и полностью отрицают коллективизм. Это не обязательно «война всех против всех», как представляют анэристические философы, но в условиях стресса возможно и такое развитие событий. Чаще всего эридисты-пацифисты, как и наши волосатые друзья там, в джунглях. Теперь *эридианство*. Это более умеренная позиция. Эридианцы признают, что анэристические силы — это тоже часть всемирного театра, от которой невозможно полностью избавиться. Эридианство нужно для того, чтобы восстановить равновесие, потому что за время эпохи Рыб человеческое общество слишком уж отклонилось в сторону анэридизма. Мы, *дискордианцы*, — активисты эридианского движения, люди действия. Чистые *эридианцы* работают более тонко, по даосскому принципу *увэй*, то есть эффективного *недеяния*. ДЖЕМы — это наше левое крыло. Они могли бы

стать анэридистами, если бы не особые обстоятельства, которые заставили их пойти в направлении полного свободомыслия и полной свободы действий. Но они, с их типично левацкой ненавистью, все запутали к чертям собачьим. Они не поняли «Гиту» и не научились искусству сражаться с любящим сердцем.

— Странно, — сказал Джо. — Доктор Игги из сан-францисской клики ДЖЕМов объяснял совсем по-другому.

— А чего ты ожидал? — ответил Хагбард. — Знание двоих *знающих* никогда не бывает одинаковым. Кстати, почему ты мне не сказал, что эти гориллы были людьми, переодетыми в шкуры горилл?

— Я становлюсь доверчивее, — ответил Джо.

— Очень жаль, — грустно констатировал Хагбард. — Ведь это действительно *были* люди, переодетые гориллами. Это был экзамен: я проверял, легко ли тебя разыграть, и ты его не выдержал.

— Эй, подожди! Они же воняли, как гориллы. Никакой это был не розыгрыш. Разыгрываешь ты меня *сейчас*.

— Верно, — согласился Хагбард. — Мне хотелось посмотреть, чему ты больше доверяешь: своим органам чувств или слову такого Прирожденного Лидера и Гуру, как я. Ты доверился собственным чувствам и сдал экзамен. Пойми, дружище, я разыгрываю тебя не ради шутки. Самая трудная задача для человека с геном доминирования и пиратской родословной, как у меня, заключается в том, чтобы не стать проклятой *властной фигурой*. Мне необходима любая информация и максимально возможная обратная связь — с мужчинами, женщинами, детьми, гориллами, дельфинами, компьютерами, любыми разумными организмами, — но никто, как тебе известно, не спорит с Властью. *Обмен информацией возможен только между равными*: это первая теорема социальной кибернетики и фундаментальная основа анархизма, поэтому мне приходится постоянно ломать человеческую зависимость от меня, чтобы не превратиться в чертового Великого Отца, который уже не сможет рассчитывать на получение точной информации извне. Когда дубоголовые Иллюминаты и их анэристические подражатели во всех правительствах, корпорациях, университетах и армиях мира поймут этот простой принцип, до них наконец дойдет, что происходит на самом деле, и тогда они перестанут проваливать все проекты, которые начинают. Я — Свободный Человек Хагбард Челине, а не какой-нибудь несчастный правитель. Когда ты полностью осознаешь, что я тебе ровня, что мое дерьмо воняет так же, как и твое, и что каждые несколько дней мне нужен секс, чтобы не становиться брюзгой и не принимать дурацких решений, и что есть Тот, Кому можно доверять больше, чем всем буддам и мудрецам, но найти Его ты должен сам, — только тогда ты начнешь понимать, что такое Легион Динамического Раздора.

— Тот, Кому можно доверять больше, чем всем буддам и мудрецам?... — повторил Джо, чувствуя, что еще больше запутался, хотя мгновение назад был так близок к абсолютному пониманию.

— Чтобы воспринимать свет, ты должен быть восприимчивым, — коротко и резко сказал Хагбард. — Думай сам, что это значит. Ну а тем временем возьми это с собой в Нью-Йорк и немного пораскинь мозгами.

— Он вручил Джо брошюру, на обложке которой значилось:

Хагбард Челине, С.Ч., Д. Г. Не свисти, когда писаешь: руководство по самоосвобождению

На протяжении следующих недель, пока Пат Уэлш из отдела журналистских расследований «*Конфронтэйшн*» проверяла информацию об иллюминатах, которую Джо получил от Хагбарда, Саймона, Диллинджера и доктора Игноциуса, он внимательно читал брошюру. Хотя местами она была великолепна, многое оставалось неясным, и он не нашел ни единого намека на то, кем же был *Тот, Кому можно доверять больше, чем всем буддам*. И вот однажды вечером, под гашишем «черный аламут», он начал над этим размышлять в состоянии расширенного и углубленного сознания. Малаклипс Старший? Нет, он был мудрым и в некотором смысле великодушным в своей обреченности, но, безусловно, доверия не заслуживал. Саймон? Несмотря на молодость и «двинутость», у него бывали вспышки озарения, но до уровня просветленности Хагбарда он явно не дотягивал. Диллинджер? Доктор Игноциус? Таинственный Малаклипс Младший, который исчез, оставив после себя лишь загадочную «*Principia Discordia*»!

«Боже, — подумал Джо, — какой же я мужской шовинист! Почему я не подумал о Стелле?» Ему вспомнилась старая шутка: «Ты видел Бога?» — «Да, и она чернокожая».

Конечно. Разве не Стелла проводила его посвящение в часовне доктора Игги? Разве не говорил Хагбард, что она займется инициацией Джорджа Дорна, когда Джордж будет готов? *Конечно.*

Джо навсегда запомнил то мгновение экстаза и уверенности, когда он многое понял об употреблении наркотиков и злоупотреблении ими, а также о том, почему иллюминаты пошли по ложному пути. Потому что это мгновение прошло, а понимание, которым его почти наделило сверхсознание, рассеялось под действием загрязняющего влияния бессознательного, стремящегося увидеть в каждой классной любовнице материнскую фигуру. Лишь много месяцев спустя, как раз накануне кризиса в Фернандо-По, он, вне всякого сомнения, открыл наконец Того, Кому можно доверять больше, чем всем Буддам и мудрецам.

(А Семпер Куний Лингус, устроивший разнос субалтерну за слишком серьезное отношение к местным суевериям, в тот же вечер проходил по оливковой роще и увидел Семнадцать... и с ними был Восемнадцатый, тот, кого они в последнюю пятницу распяли. «*Magna Mater*, — выругался он, подкрадываясь ближе, — неужто я схожу с ума?» Восемнадцатый, как-бишь-его, тот самый проповедник, крутил установленное горизонтально колесо, вокруг которого на земле были начертаны цифры. Он громко называл число, напротив которого останавливалась отметка на колесе, а Семнадцать что-то отмечали на дощечках для письма. Так повторялось, пока здоровенный парень, Симон, не крикнул «Бинго!» Потомок благородной семьи Лингусов развернулся и убежал... За его спиной светящаяся фигура сказала:

— Делайте так в память обо мне.

— Я полагал, что в память о Тебе мы должны причащаться вином и хлебом! — возразил Симон.

— Делайте и то, и другое, — согласился призрак. — Для некоторых людей причащение вином и хлебом слишком символично и загадочно. А такая игра приживется в народе. Поймите, ребята, если вы хотите вовлечь людей в Движение, начинайте процесс с того уровня, на котором находятся люди. Лука, не надо это записывать. Это часть *тайных* учений.)

(— Но как вы объясните поведение такого человека, как Дрейк?

— спросил один из гостей Юнга за чашкой воскресного *Kaffeeklatsch*[5] о странном молодом американце, вызывавшем у них огромный интерес. Юнг задумчиво пососал трубку, думая на самом деле о том, удастся ли ему когда-нибудь отучить своих коллег относиться к нему как к гуру, и наконец ответил:

— Тонкий ум схватывает идею, как стрела бьет в цель. Американцы до сих пор не породили такой ум, поскольку они слишком самонадеянны, слишком общительны. Они набрасываются на какую-нибудь идею, даже важную идею, как футбольные защитники на мяч. Поэтому они всегда выхолащивают ее и уродуют. У Дрейка именно такой ум. Он знает о власти все — больше, чем знает о ней Адлер, при всем его интересе к этой теме, — но он не знает о власти самого главного. Он не знает, как *уклониться* от власти. У него нет религиозного смирения, которое так ему необходимо, но, увы, скорее всего, он никогда до него не поднимется. Это невозможно в его стране, где даже интроверты большую часть времени проявляют качества экстровертов.)

Первый намек на то, что Мафия всегда называла *il Segreto*, Дрейку фактически дал знаменитый романист, впоследствии получивший Нобелевскую премию. Они беседовали о Джойсе и его несчастной дочери, и романист упомянул о попытках Джойса убедить себя, что на самом деле у нее не было шизофрении.

— Он сказал Юнгу: «В конце концов, я и сам творю такие же вещи, но только с языком». И знаете, что ему ответил Юнг, этот древний китайский мудрец, переодетый психиатром? «Вы ныряете, а она тонет». Хлестко, да; но все мы, кто пишет о том, что скрыто за ширмой натурализма, прекрасно понимаем скептицизм Джойса. Никто из нас никогда не знает наверняка, ныряет он или попросту тонет.

Дрейк вспомнил о своей статье, посвященной разбору последних слов мистера Артура Флегенхеймера, известного также под именем Голландца Шульца. Он подошел к письменному столу, вытащил из ящика стопку листов, дал ее романисту и спросил:

— Что скажете об авторе этой статьи: ныряет он или тонет? Романист читал медленно, и по мере чтения его интерес все возрастал; наконец он поднял голову и с любопытством взглянул на Дрейка.

— Это перевод с французского? — спросил он.

— Нет, — ответил Дрейк. — Автор — американец.

— Значит, это не бедняга Арто. А я было подумал... После поездки в Мексику он, как говорят англичане, сбрендил. Насколько мне известно, сейчас он занимается очень любопытными астрологическими картами, связанными с канцлером Гитлером.

Романист погрузился в молчание, а затем спросил:

— Какую строку вы считаете здесь самой интересной?

— «Мальчик никогда не плакал и не рвал тысячу ким»[6], — процитировал Дрейк, поскольку его больше всего беспокоила эта строка.

— О, образ такого ребенка трансперсонален, просто подавленный гомосексуализм, обычное дело, — нетерпеливо отозвался романист. — «Когда я зашел в сортир, парень вышел на меня». Я полагаю, что автор каким-то образом причинил этому ребенку вред. Здесь чувствуется нечто большее, чем обычная гомосексуальная вина.

«Господи, — подумал Дрейк, — Вине Коля. Он был достаточно молод, чтобы в глазах Шульца выглядеть мальчишкой. В том сортире в Ньюарке

Голландец решил, что в него стреляет призрак Колла».

— Смею предположить, что в настоящее время автор либо покончил жизнь самоубийством, либо находится в психиатрической клинике, — задумчиво добавил романист.

— Он мертв, — неохотно выдавил Дрейк. — Но больше подсказок не будет. Интересно понаблюдать, в состоянии ли вы справиться самостоятельно.

— Вот еще любопытное место, — сказал романист. — «Я это слышал, это слышал окружной суд, возможно, даже Верховный суд. Это расплата. Прошу вас, придерживайте дружков Китаецца и Командира Гитлера». Вы уверены, что автор был американцем?

— Вообще-то родом он из Германии, — сказал Дрейк, вспомнив юнговскую теорию генетической памяти. — Но канцлер Гитлер никогда бы с этим не согласился. Его предки не были арийцами.

— Он еврей? — воскликнул романист.

— А почему вас это так удивляет?

— Вряд ли за пределами внутреннего круга нацистской партии в целом мире найдется более двух-трех человек, которые поймут, что подразумевается под словами «Китаецца» и «Командир Гитлера». Должно быть, автор весьма глубоко изучал оккультную литературу, читал Элифаса Леви, или Людвига Принна, или же докопался до самых строго охраняемых розенкрейцерских секретов, а потом высказал совершенно удивительную догадку в верном направлении.

— О чем вы, черт побери, толкуете?

Романист смерил Дрейка долгим взглядом, а затем сказал:

— Мне даже не хочется это обсуждать. Некоторые вещи слишком ужасны. Как говорил ваш мистер Эдгар По, не позволяйте себе читать некоторые книги. Даже сам я многое зашифровываю в моей знаменитой работе, которой читатели совершенно неоправданно восхищаются. В поисках мистического я узнал вещи, которые предпочел бы забыть, и реальная цель герра Гитлера относится к таким вещам. Но вы должны мне сказать: кто этот загадочный автор?

(— Он только что мне звонил, — Лучано рассказывает Малдонадо, — и, по крайней мере, я понял, что он не шантажист. Это большой человек, который вынашивает далеко идущие планы. Я вытащил из постели моего адвоката, велел ему проверить все лучшие бостонские семьи и выяснить, в какой из них есть сын, проявляющий склонность к присвоению чужого. Держу пари, что это семейство банкиров. Я слышу хруст купюр в его голосе.)

Дрейк упорствовал, и наконец романист сказал:

— Как вы знаете, я отказываюсь жить в Германии из-за того, что там происходит. Тем не менее, это моя родина и мне действительно кое-что известно. Если я попытаюсь вам объяснить, вам придется перестать мыслить с точки зрения обычной политики. Когда я говорю, что у Гитлера на самом деле есть Хозяин, это вовсе не значит, что он подставное лицо в обывательском политическом смысле. — Романист помолчал. — Как бы мне рассказать, чтобы вы поняли? Вы же не немец... Разве вы можете понять народ, о котором справедливо говорят, что одной ногой он стоит на своей земле, а другой — на земле Туле? Вы когда-нибудь слышали о Туле? Это немецкое название легендарного царства, которое древние греки называли Атлантидой. Существовало ли когда-нибудь это царство, не столь важно; вера в него существует от начала истории, а верования побуждают к

действию. Нельзя понять поведение человека, пока не поймешь, во что он верит.

Романист снова помолчал, а затем начал рассказывать об обществе «Золотая Заря» в Англии 1890-х годов.

— Странные вещи написаны его членами. Например, Эджернон Блэквуд писал о разумных существах, которые населяли Землю до появления человечества. Можете ли вы отнестись к этой концепции всерьез? В состоянии ли понять смысл предостережений Блэквуда, зашифрованный в такой, например, фразе: «Каковы же были те великие силы или существа, о которых осталась лишь смутная память и которые сохранились в мифах и легендах как боги, демоны и чудовища?» А Артур Мейчен, рассказавший во время Великой войны об «ангелах Монса»? Вы знаете, что он опубликовал свой рассказ за два дня до того, как солдаты, участвовавшие в битве под Монсом и на самом деле видевшие «ангелов», подали рапорты о случившемся? Мейчен был членом «Золотой Зари» и ушел из нее, снова вернувшись в лоно католической церкви. Он предупреждал: «Есть святые таинства не только Добра, но и Зла». Уильям Батлер Йейтс тоже был членом «Золотой Зари», и вы наверняка знаете его замечательные строки: «Что за косматая тварь — Ее время пришло — Спускается на Вифлеем, чтобы родиться?» «Золотая Заря» была просто внешним порталом Мистерий. Того, что узнал Кроули, когда ушел из «Золотой Зари» и примкнул к «Ордену Восточного Храма», или ОТО[7]. Как известно, Гитлер запретил оба этих ордена. Сам он принадлежит к Обществу «Вриль», где хранятся настоящие внеземные секреты...

— Судя по всему, вы никак не подберете слова, чтобы подойти к сути дела, — заметил Дрейк.

— Есть вещи, к которым нельзя подходить напрямую, а лучше пользоваться намеками и даже аллегориями. Вы же пробовали мескалин с Клее и его друзьями, и всю ночь наслаждались Великими Видениями. Неужели я должен вам напоминать, что реальность не одномерна?

— Ладно, — сказала Дрейк. — За фасадом «Золотой Зари», и ОТО, и Общества «Вриль» скрывается тайная группа истинных Посвященных. Есть немецкая ветвь «Золотой Зари», и Гитлер был ее членом. Вы хотите, чтобы я понял, что святые таинства Зла и существ из Атлантиды нельзя воспринимать слишком упрощенно, считая их народными сказками. Верно?

— «Золотая Заря» была основана немкой, продолжавшей традицию, которая сотни лет существовала в Баварии. Что касается этих сил или существ из Туле, они существуют не так, как кирпичи или бифштексы. Физик, манипулируя фантастическими электронами — которые, смею вам напомнить, попадают из одного места в другое, не проходя через какое бы то ни было промежуточное пространство, словно это фея или призрак, — предъявляет реальное явление, воспринимаемое чувствами. Вот так же манипулируя существами или силами из Туле, определенные люди способны вызывать эффекты, которые тоже можно увидеть и ощутить.

— Что собой представляла «Золотая Заря»? — увлеченно спросил Дрейк. — Как она появилась?

— Она появилась очень давно, задолго до средневековья. Современную организацию основал в 1776 году человек, который ушел из ордена иезуитов, потому что считал себя атеистом, пока его исследования истории Востока не привели к поразительным результатам...

(— Это он! — крикнул Гитлер, — Он пришел за мной! — А потом, как

вспоминал Герман Раушнинг, «он скатился в бессвязное бормотание». — Сам босс, — стонал Голландец Шульц, — *О мама, мне не довести это дело до конца. Прошу. Давайте, откройте мыльные билеты. Трубочисты. Возьмитесь за меч. Заткнись. У тебя большой рот.*)

— У нас есть два возможных варианта, — сообщил адвокат мистера Лепке. — Но один из них бостонский ирландец, вы говорите, что слышали акцент коренного бостонца. Тогда второй человек, возможно, и есть тот, кого вы ищете. Его зовут Роберт Патни Дрейк.

Стоя спиной к дому на Бенефит-стрит, Дрейк видел на другом конце города вершину Сентинеллского холма и старую заброшенную церковь, которая в семидесятые годы девятнадцатого века приютила секту «Звездной Мудрости». Он повернулся лицом ко входу, приподнял старинное дверное кольцо {вспоминая, что и репортер Лиллибридж, и художник Блейк умерли, пытаясь что-то узнать об этой секте} и трижды сильно постучал.

Дверь открыл бледный, сухопарый и изможденный Говард Филипс Лавкрафт.

— Мистер Дрейк? — сердечно спросил он.

— Замечательно, что вы согласились со мной встретиться, — сказал Дрейк.

— Какая ерунда, — ответил Лавкрафт, вводя его в прихожую, обставленную в колониальном стиле. — Я всегда рад встрече с каждым любителем моих скромных рассказов. Их так мало, что я мог бы пригласить всех сюда на обед без особого убытка для продуктовых запасов моей тетушки.

«Возможно, он один из самых важных людей, живущих на Земле, — подумал Дрейк, — и совсем об этом не догадывается».

(— Сегодня утром он сел на поезд и покинул Бостон, — докладывал боевик Малдонадо и Лепке. — Он направлялся в Провиденс, штат Род-Айленд.)

— Конечно, я без колебаний готов это обсуждать, — сказал Лавкрафт, когда они расположились в старинном кабинете, стены которого были заставлены книжными полками, и миссис Гэмхилл принесла им чай. — Что бы ни ощущал ваш друг из Цюриха, я был и навсегда останусь неисправимым материалистом.

— Но вы были в контакте с *этими* людьми?

— О, безусловно, и какие же они нелепые, все эти люди! Все началось с того, что я опубликовал рассказ «Дагон», в... дайте-ка вспомнить, в 1919 году. Я читал Библию, и описание морского бога филистимлян, Дагона, заставило меня вспомнить легенды о морском змее и изображения динозавров, воссозданные палеонтологами. И тогда я начал фантазировать: предположим, Дагон был реальностью — не богом, а просто долгоживущим существом, состоявшим в отдаленном родстве с огромными ископаемыми ящерами. Я написал простой рассказ, желая развлечь тех, кто любит читать о потусторонних силах и готических ужасах. Представьте мое удивление, когда со мной начали связываться различные оккультные группы, спрашивая, к какой группе я принадлежу и на чьей я стороне. Они ужасно разозлились, когда я предельно четко заявил, что не верю в такую ерунду.

— Но тогда зачем, — спросил в недоумении Дрейк, — вы узнавали все больше и больше об этих тайных оккультных учениях и вводили их в последующие рассказы?

— Я художник, — сказал Лавкрафт, — боюсь, довольно посредственный

художник, и не убеждайте меня в обратном. Среди всех добродетелей я больше всего ценю честность. Мне бы хотелось верить в сверхъестественные миры, в мир социальной справедливости и в мою гениальность. Но здравый смысл велит смотреть фактам в лицо: мир состоит из слепой материи, порочные и жестокие всегда третировали и будут третировать слабых и невинных, а моя возможность создать в небольшом художественном пространстве жуткий мир, привлекательный для весьма ограниченной и весьма специфической читательской аудитории, почти микроскопична. Однако мне бы хотелось, чтобы все было иначе. Поэтому, пусть и в консервативной форме, я поддерживаю некоторые законодательные инициативы, которые могут улучшить социальные условия жизни бедноты, и хотя мой писательский дар более чем скромный, я стремлюсь повысить уровень моей жалкой прозы. Вампиры, привидения и оборотни себя изжили; они вызывают больше хихиканья, чем страха. Таким образом, когда после публикации «Дагона» я начал изучать древнее знание, то решил вводить его в мои рассказы. Вы даже не представляете, сколько часов я потратил в Мискатонике на чтение старых томов, пробираясь сквозь тонны макулатуры — Альхазреда, Леви и фон Юнцта, которые, вы же понимаете, были клиническими случаями, — чтобы выискать действительно неизвестные фантазии, которые могли вызвать у моих читателей неподдельный шок, и заставить их по-настоящему содрогнуться.

— И вы ни разу не получали угроз от какой-нибудь из оккультных групп за то, что в открытую писали в своих рассказах о Йог-Сототе или Ктулху?

— Только когда я написал о Хали, — ответил Лавкрафт с насмешливой улыбкой. — Нашлась добрая душа, которая напомнила, что произошло с Бирсом, когда он начал писать на эту тему слишком откровенно. Однако это было дружеское предупреждение, а вовсе не угроза. Мистер Дрейк, вы ведь банкир и бизнесмен. Разумеется, вы не воспринимаете все это всерьез?

— Позвольте мне ответить вопросом на вопрос, — осторожно произнес Дрейк. — Почему вы, решив превратить эзотерическое знание в экзотерическое, введя его в ваши рассказы, нигде не упоминаете о Законе Пятерок? Не совсем так, — поправил его Лавкрафт. — На самом деле я намекал на него довольно откровенно в рассказе «В горах безумия». Вы его не читали? Это самое длинное и, как мне кажется, самое лучшее мое произведение на сегодняшний день. — Он неожиданно побледнел.

— В «Жизни Чарльза Декстера Уорда», — настаивал Дрейк, — вы цитируете формулу из «Истории магии» Элифаса Леви. Но цитируете не полностью. Почему?

Лавкрафт сделал глоток чая, очевидно, стараясь получше сформулировать ответ. Наконец он сказал:

— Не обязательно верить в Санта-Клауса, чтобы понимать, что в канун Рождества люди будут обмениваться подарками. Не обязательно верить в Йог-Сототу, Пожирателя Душ, чтобы понять, как поведут себя люди, которые в него верят. У меня не было ни малейшего намерения сообщать в моих сочинениях сведения, которыми мог бы воспользоваться пусть даже один психически неуравновешенный читатель, чтобы поставить эксперименты, однозначно заканчивающиеся потерей человеческой жизни.

Дрейк встал.

— Я пришел сюда учиться, — сказал он, — но, судя по всему, мне придется вас учить. Позвольте напомнить вам слова Лао-цзы: «Говорящий не знает, знающий не говорит». Большинство оккультных групп относится к

первой категории, и вы совершенно справедливо считаете все их спекуляции абсурдными. Но от тех, кто относится ко второй категории, не так просто отмахнуться. Они оставили вас в покое потому, что ваши рассказы появляются только в журналах, которые кажутся интересными очень незначительному меньшинству. Однако эти же журналы в последнее время публикуют рассказы о ракетах, цепных ядерных реакциях и прочих вещах, которые относятся к величайшим технологическим достижениям. Когда такие фантазии начнут воплощаться в реальности — а это, вероятно, произойдет в течение ближайшего десятилетия, — к журналам, и в том числе к вашим рассказам, возродится более широкий и пристальный интерес. И тогда вы привлечете к себе крайне нежелательное для вас внимание.

Лавкрафт остался сидеть.

— По-моему, я понял, о ком вы говорите: я ведь тоже читаю газеты и умею делать выводы. Даже если они настолько безумны, чтобы пойти на это, у них не хватит средств. Им придется захватывать власть не в одном, а во многих государствах. Смею надеяться, что они будут слишком увлечены этим занятием, чтобы отвлекаться на всякие мелочи и беспокоиться по поводу тех или иных строк, появляющихся в рассказах, которые печатаются под рубрикой «фантастика». Я могу представить, что очередная война приведет к открытиям в области ракетостроения и ядерной энергетики, но я сомневаюсь, что даже она увеличит число людей, воспринимающих мои рассказы всерьез или способных увидеть связи между определенными ритуалами, которые я никогда подробно не описываю, и действиями, которые будут толковаться как типичные проявления деспотизма.

— До свидания, сэр, — официальным тоном сказал Дрейк. — Я должен ехать в Нью-Йорк, и ваше благополучие меня на самом деле не слишком заботит.

— До свидания, — сказал Лавкрафт, с колониальной учтивостью поднявшись с кресла. — Поскольку вы были столь любезны, что решили меня предупредить, я тоже окажу вам любезность. Мне кажется, ваш интерес к этим людям основан не на желании им противодействовать, а на желании им служить. Прошу вас, помните, как они относятся к слугам.

Оказавшись на улице, Дрейк впал в глубокое уныние. *«Он пишет о них около двадцати лет, а они так и не вошли с ним в контакт. Я возмущал их спокойствие на двух континентах, но они не вошли в контакт и со мной. Как заставить их раскрыться? И если я их не понимаю, то все мои планы насчет Малдонадо и Капоне нереальны. Я не могу иметь дело с Мафией, не вступив в сделку с ними. Что делать? Не помещать же объявление в газетах: „Не будет ли Всевидящее Око столь любезно взглянуть в мою сторону? Р. П. Дрейк, Бостон“».*

А когда Дрейк покинул Бенефит-стрит, направляясь обратно в центральную часть города, от тротуара возле соседнего дома отъехал «понтиак» (украденный час назад в Кингспорте) и продолжил за ним слежку. Дрейк не оглядывался, поэтому не видел, что случилось с этой машиной, но он обратил внимание на то, как старик, который шел ему навстречу, вдруг остановился и сильно побледнел.

— Боже праведный, — едва слышно пробормотал старик. Дрейк бросил взгляд через его плечо, но ничего, кроме пустынной улицы не увидел.

— Что? — спросил он.

— Не обращайтесь внимания, — сказал старик. — Вы все равно *никогда* бы мне не поверили, мистер. — Он сошел с тротуара и направился через улицу к

ближайшему бару.

(— Что это значит: «потерял четырех бойцов»? — кричал в трубку Малдонадо.

— То, что я сказал, — ответил Эдди Вителли, из тех Вителли, которые контролировали игорный, героиновый и бордельный бизнес в Провиденсе. — Мы обнаружили вашего Дрейка в отеле. Четверо наших лучших солдат начали его вести. Один раз они позвонили и сказали, что объект находится в доме на Бенефит-стрит. Я велел им взять его, как только он выйдет. Тут и сказочке конец. Все четверо как сквозь землю провалились. Я послал всех своих людей искать машину, в которой они были, но она тоже пропала.)

Дрейк отменил поездку в Нью-Йорк и вернулся в Бостон, где с головой окунулся в банковское дело, обдумывая следующий шаг. Через два дня к его столу приблизился вахтер, почтительно державший в руке фуражку, и спросил:

— Можно с вами поговорить, мистер Дрейк?

— Что случилось, Гетти? — раздраженно отозвался Дрейк. Он специально взял такой тон: наверняка вахтер пришел просить о повышении жалованья, поэтому его лучше сразу поставить в положение обороняющегося.

— Вот, сэр, — сказал вахтер, положив на стол визитную карточку.

Она была напечатана на каком-то неизвестном Дрейку виде пластика и переливалась всеми цветами радуги, напомнив ему цюрихские мескалиновые сеансы. Сквозь мерцание он увидел контуры тринадцатой ступенчатой пирамиды с красным глазом на вершине. Дрейк уставился на вахтера — и не заметил на его лице обычного подобострастия.

— Великий Магистр Восточных Соединенных Штатов готов с вами поговорить, — тихо сказал вахтер.

— Святая Клеопатра! — воскликнул Дрейк. Все кассиры в недоумении уставились на него.

— Клеопатра? — переспросил Саймон Мун через двадцать три года. — Расскажи ему о Клеопатре.

Стоял солнечный октябрьский денек, и шторы в столовой квартиры на семнадцатом этаже дома №2323 на Лэйк-Шор-драйв были раздвинуты. Из углового окна открывался вид на небоскребы делового района Чикаго и голубое озеро Мичиган, с белыми барашками волн. Джо сидел, развалившись в кресле, лицом к озеру. Саймон и Падре Педерастия сидели на кушетке под громадной картиной с названием «Клеопатра». Клеопатра здорово смахивала на Стеллу Марис и прижимала к груди змею. Несколько раз в иероглифах, начертанных на стене гробницы за ее спиной, встречался символ глаза в пирамиде. В кресле напротив картины сидел стройный смуглый мужчина с резкими чертами лица, каштановыми волосами до плеч, раздвоенной темной бородкой и зелеными глазами.

— Клеопатра, — сказал он, — была блестящей актрисой. Мгновенно заучивала роль. Останься жива, стала бы Полиматерью всего мира. Она чуть не свалила Римскую империю — во всяком случае, очень приблизила ее конец. Ведь она вынудила Октавиана установить такую сильную анэристическую власть, что империя раньше времени вошла в состояние бюрократии.

— Как мне вас называть? — спросил Джо. — Люцифер? Сатана?

— Зови меня Малаклипсом Старшим, — сказал раздвоеннобородый с улыбкой, которая, словно просвечивала сквозь густую вуаль чувства

собственного достоинства.

— Я что-то не пойму, — сказал Джо. — В первый раз, когда я вас увидел, мы все чуть с ума не сошли от страха. Хотя потом, когда вы наконец появились в облике Билли Грэма, я не знал, смеяться мне или блевать. Но знаю, что мне было страшно.

Падре Педерастия расхохотался.

— Ты так испугался, сын мой, что попытался прямым влезть в большое красное гнездышко нашей маленькой рыжеволосой красавицы. Так испугался, что твой здоровенный член, — он облизнул губы, — забрызгал весь ковер. Ох, как же ты испугался, сын мой. Да, ода!

— Вообще-то в тот момент, о котором ты говоришь, мне было не так страшно, — сказал с улыбкой Джо. — Мне стало страшно чуть позже, перед появлением вот этого нашего друга. Ты и сам испугался, Падре Педерастия. Вспомни, как ты все время вопил: «Приди не в этой форме! Приди не в этой форме!» А сейчас все мы сидим в этой столовой, ведем себя так, словно мы старые приятели, а это... это *существо* предается воспоминаниям о старых добрых временах с Клеопатрой.

— Это были ужасные времена, — сказал Малаклипс. — Крайне жестокие времена, весьма печальные времена. Непрерывные войны, пытки, массовые убийства, распятия. Плохие времена. — Я вам верю. И хуже того, я знаю, как трудно мне будет жить с мыслью о том, что вы существуете, если я окончательно поверю в ваше существование. Вот так сидеть и запросто с вами курить.

Откуда-то из пальцев Малаклипса вынырнули две зажженные сигареты. Одну из них он протянул Джо. Джо затащил; сигарета была сладковатой, явно с добавкой марихуаны.

— Банальный трюк, — заметил Джо.

— Это помешает тебе слишком быстро избавиться от твоих прежних представлений обо мне, — сказал Малаклипс. — Кто слишком быстро понимает, тот слишком быстро понимает неправильно.

Падре Педерастия сказал:

— В тот вечер, когда мы проводили Черную Мессу, я просто довел себя до состояния, в котором полностью поверил. В конце концов, это и есть магия. Люди, которые собрались в тот вечер, хорошо реагируют на «магию левой руки», миф о Сатане, легенду о Фаусте. Это был самый быстрый способ их увлечь. С тобой это тоже сработало, но теперь дело другое: мы нуждаемся в твоей помощи. Так что тебе больше не нужны ловушки.

— Вовсе не обязательно быть сатанистом, чтобы любить Малаклипса, — сказал Малаклипс.

— А лучше вообще им не быть, — заметил Саймон. — Сатанисты — ничтожества. Они сдирают шкуру с живых собак и занимаются прочим дерьмом в таком же роде.

— Потому что большинство сатанистов — христиане, — объяснил Джо. — А это весьма махозистская религия.

— Эй, минуточку, — возмутился, было, Падре Педерастия.

— Он прав, Педерастия, — осадил его Малаклипс. — Коли на то пошло, кто знает об этом лучше тебя... или *меня*!

— Вы когда-нибудь встречались с Иисусом? — спросил Джо, который ощущал благоговение, несмотря на весь свой скептицизм.

Малаклипс улыбнулся.

— Я *был* Иисусом.

Падре Педерастия всплеснул руками и подскочил на месте.

— Ты слишком много говоришь!

— По мне, доверие либо полное, либо его нет вообще, — сказал Малаклипс. — Мне кажется, я могу доверять Джо. Я не был настоящим Иисусом, тем, которого распяли. Но через несколько веков после того, как мне довелось испытать трансцендентальное просветление в Милосе, я проходил по Иудее в облике греческого купца. Как раз когда распинали Иисуса. В тот день, когда он умер, я встретил нескольких его последователей и разговаривал с ними. Если ты считаешь, что христианство в его нынешнем состоянии — это религия, замешанная на крови, то эта кровь — всего лишь капля по сравнению с тем, сколько ее могло бы пролиться, если бы Иисусу не удалось вернуться. Если бы семнадцать истинных апостолов — о пятерых из них потом уничтожили все письменные упоминания — были предоставлены сами себе, от ужаса и страха из-за смерти Иисуса они впали бы в ярость и начали бы мстить. Христианство было бы самым настоящим исламом, но только появившимся на семь столетий раньше. Вместо постепенного захвата Римской империи и сохранения большей части греко-римского мира нетронутым оно распространилось бы на Восток, уничтожило основы западной цивилизации и заменило его более деспотической теократией, чем при фараонах в Древнем Египте. Я остановил этот процесс при помощи нескольких магических трюков. Явившись в облике воскресшего Иисуса, я внушал им, что после моей смерти в их душах не должно быть ни ненависти, ни жажды мщения. Я даже пытался им объяснить, что жизнь — это игра, и для этого научил их играть в бинго. По сей день никто так ничего и не понял, а критики называют это элементом *коммерциализации* Церкви. Священное колесо Таро, вращающуюся Мандалу! Вот почему, несмотря на мои усилия, христианство ставит во главу угла *распятие* Христа — которое не имеет ни малейшего отношения к тому, чему он учил, пока был жив, — и остается разновидностью культа смерти. Когда Павел отправился в Афины и воссоединился с иллюминатами, которые использовали в качестве прикрытия платоновскую Академию, идеология Платона объединилась с мифологией Христа для нанесения нокаутирующего удара по языческому гуманизму и заложила основы современного мира сверхдержав. После этого я снова изменил внешность, взял себе имя Симона Волхва и довольно успешно занялся распространением идей, противоречащих христианству.

— Значит, вы можете по желанию изменять внешность, — полуспросил Джо.

— Естественно. Я не менее ловок по части создания мысленных проекций, чем любой другой.

Он задумчиво засунул мизинец в левую ноздрю и провернул его. Джо остолбенел. Ему не хотелось смотреть, как кто-то публично ковыряет в носу. Он решительно перевел взгляд за левое плечо Малаклипса.

— Сейчас, Джо, когда ты знаешь о нас столько, сколько знаешь, пора бы начинать с нами работать. Как тебе известно, в этом полушарии нервный центр иллюминатов находится в Чикаго, поэтому именно здесь мы испытываем АУМ, новый наркотик с потрясающими свойствами. Если специалисты из ЭФО не врут, он превращает неофобов в неофилов.

Тут Саймон хлопнул себя по лбу, воскликнул «Ух ты!» и рассмеялся. Педерастия удивленно присвистнул.

— У тебя озадаченный вид, Джо, — сказал Малаклипс. — Неужели никто

тебе не объяснил, что человеческая раса делится на два различных генотипа: *неофобов*, которые отмахиваются от новых идей и признают только то, что они знали всю свою жизнь, и *неофилов*, которые любят все новое, перемены, изобретения, новаторство? На протяжении первых четырех миллионов лет человеческой истории все люди были неофобами, и поэтому цивилизация не развивалась. Все животные — неофобы. Их может изменить только мутация. Инстинкт — это проявление естественного поведения неофоба. Около ста тысяч лет назад началась неофильная мутация, а тридцать тысяч лет назад она начала набирать скорость. Но в масштабах планеты неофилы — это капля в море. Сами иллюминаты возникли в результате одного из известных древнейших неофильно-неофобных конфликтов.

— Если я правильно понимаю, иллюминаты пытались задержать прогресс, — сказал Джо. — Это их основная цель?

— Ты все еще рассуждаешь как либерал, — заметил Саймон. — Да хрен с ним, с прогрессом!

— Верно, — подтвердил Малаклипс. — В данном случае они были новаторами. Все иллюминаты были — и остаются — неофилами. Даже сегодня они считают, что их деятельность ведет к прогрессу. Они хотят уподобиться богам. При выборе правильных методов люди могут стать богами, то есть перевести себя в поля чистой энергии, наделенные сознанием, которые будут существовать более или менее долговременно. Этот процесс называется *трансцендентальным просветлением* и отличается от постижения сути истинной природы человека и вселенной, которое называется *обычным просветлением*. Я пережил трансцендентальное просветление, и сейчас я, как ты, наверное, догадался, — существо, состоящее целиком из чистой энергии. Однако прежде чем превратиться в энергетические поля, люди часто впадают в гордыню. Действия таких людей причиняют страдания другим людям и делают их бесчувственными, нетворческими и иррациональными. Массовое человеческое жертвоприношение — это самый надежный способ достижения трансцендентального просветления. Разумеется, человеческие жертвоприношения могут искусно маскироваться под войны, голод и чуму. Образ четырех всадников Апокалипсиса, явленный Святому Иоанну, был на самом деле предвидением массового трансцендентального просветления.

— А как достигли его вы? — спросил Джо.

— Я был свидетелем массового вырезания мужчин Милоса, устроенного афинянами в 416 году до нашей эры. Ты читал Фукидида?

— Очень давно.

— Видишь ли, Фукидид все неправильно истолковал. Он представил эту резню как неопишное зверство, но ведь у афинян были смягчающие обстоятельства. Милосцы наносили удары в спину афинских солдат, подсыпали им яд, пускали в них тучи стрел из засады. Некоторые из них работали на спартанцев, а некоторые были на стороне афинян, но афиняне не знали, кому из них можно доверять. Они не горели желанием понапрасну убивать, но им хотелось вернуться в Афины живыми. Поэтому в один прекрасный день они согнали всех милосских мужчин на городскую площадь и разрубили их на куски. А женщин и детей продали в рабство.

— А что делали вы? — спросил Джо. — Были на стороне афинян?

— Да, но я никого не убивал. Я был капелланом. Разумеется, эридианской конфессии. Но я умел служить Гермесу, Дионису, Гераклу,

Афродите, Афине, Гере и другим олимпийским богам. Я чуть с ума не сошел от ужаса: не понимал, что Пангенитор — это Панфаг[8]. Я молил Эриду спасти меня, или спасти милосцев, или сделать хоть что-нибудь, и она мне ответила.

— Да здравствует та, что все это сделала, — сказал Саймон.

— Я почти вам верю, — сказал Джо. — Но то и дело в мою душу закрадывается подозрение, что вы просто разыгрываете из себя бессмертного, которому две тысячи лет, а из меня делаете обыкновенного идиота.

Малаклипс встал с едва заметной улыбкой.

— Подойди ко мне, Джо.

— Для чего?

— Просто подойди ко мне. — Малаклипс поднял руки в стороны, трогательно раскрыв ладони. Джо подошел и встал перед ним.

— Вложи руку в ребра мои, — произнес Малаклипс.

— Только этого не хватало, — сказал Джо.

Педерастия давился от смеха. Малаклипс продолжал смотреть на Джо с ласковой ободряющей улыбкой, поэтому он протянул руку и коснулся рубашки Малаклипса. Его рука ничего не почувствовала. Он закрыл глаза, чтобы проверить это ощущение. Но его рука по-прежнему не ощущала ни малейшего сопротивления. Воздух. Не открывая глаз, он потянулся рукой дальше. Когда Джо открыл глаза и увидел, что его рука по самый локоть утонула в теле Малаклипса, его чуть не стошнило. Джо отпрянул.

— Это не кино. Я бы с удовольствием назвал это движущейся голограммой, но иллюзия слишком натуральна. Вы смотрите на меня. Для моих глаз вы, бесспорно, здесь.

— Попробуй каратэ, — посоветовал Малаклипс.

Тремя взмахами руки Джо рассек воздух в тех местах, где находились талия, грудь и голова Малаклипса. В завершение Джо выпрямил руку и резко ударил его по макушке, но по-прежнему ничего не почувствовал, кроме движения воздуха.

— Пока воздержусь от оценок, — сказал Джо. — Возможно, вы действительно тот, за кого себя выдаете. Но в это слишком трудно поверить. Вы способны что-то чувствовать?

— При необходимости я могу создавать себе временные органы чувств. Я могу наслаждаться практическим всем, чем наслаждается и что ощущает человек. Но моя основная форма восприятия — это очень высокоразвитая форма того, что вы называете интуицией. Интуиция — это своеобразная чувствительность души к событиям и процессам; я же обладаю высокоразвитым интуитивным рецептором, деятельностью которого полностью управляю.

Джо отошел назад и сел, покачивая головой.

— Да, вам можно позавидовать.

— Как я говорил, именно в этом и кроется истинная причина человеческих жертвоприношений, — сказал Малаклипс. Он тоже сел, и сейчас Джо заметил, что мягкая обивка сиденья стула под ним не прогнулась. — Любая внезапная или насильственная смерть сопровождается выбросом сознательной энергии, которой можно *управлять*, как и любой другой энергией взрыва. Все иллюминаты хотят стать как боги. Они лелеют этот честолюбивый замысел очень долго. Слишком долго, я бы сказал.

— Но это означает, что они должны совершать массовые убийства, —

сказал Джо, вспоминая о ядерных бомбах, биологическом оружии, газовых камерах...

Малаклипс кивнул.

— Вот именно, хотя я осуждаю это не по моральным соображениям, поскольку мораль — это сплошная иллюзия. Просто сам я испытываю глубокое личное отвращение к таким методам. Впрочем, когда живешь так долго, как я, и теряешь такое множество друзей и любимых, невозможно не воспринимать человеческие смерти как естественный ход вещей. Так устроен мир. И поскольку сам я обрел бессмертие и дематериализовался в результате массового убийства, с моей стороны было бы лицемерием осуждать иллиминатов. Кстати, и лицемерие я тоже не осуждаю, хотя лично мне оно глубоко противно. Но я считаю метод иллиминатов глупым и разорительным, поскольку все мы изначально боги. Тогда зачем тратить время на пустяки? Абсурдно пытаться быть чем-то другим, если ничего другого нет.

— Эта логика за пределами моего понимания, — признался Джо. — Не знаю, возможно, это издержки инженерного образования. Но даже после частичного просветления в Сан-Франциско с доктором Игги все эти разговоры остаются для меня такими же бессмысленными, как Христианская Наука.

— Скоро ты начнешь понимать больше, — заверил Малаклипс. — Об истории человечества, об эзотерическом знании, которое существует в мире десятки тысяч лет. В итоге ты будешь знать абсолютно все абсолютно обо всем, заслуживающем знания.

(Тобиас Найт, агент ФБР, прослушивавший жучки в доме доктора Мочениго, услышал пистолетный выстрел одновременно с Кармелом. «Что за черт?» — пробормотал он, выпрямившись на стуле. Он слышал, как открылась дверь, затем послышался шум шагов, но вместо ожидаемого разговора... вдруг, без предупреждения, раздался выстрел. Затем он услышал, как чей-то голос сказал: «Простите, доктор Мочениго. Вы были великим патриотом, а это собачья смерть. Но я разделю ее вместе с вами». Затем снова послышались шаги и что-то еще... Найт узнал этот звук: плеск разливаемой жидкости. Шум шагов и плеск жидкости. Найт наконец вышел из состояния оцепенения и нажал кнопку интеркома.

— Найт? — отозвался голос Эсперандо Деспонда, специального агента по Лас-Вегасу.

— Дом Мочениго, — отчеканил Найт. — Немедленно наряд. Там что-то происходит. Как минимум, уже одно убийство.

Он отключил интерком и зачарованно слушал звуки шагов и плеск разливаемой жидкости, которые теперь сопровождались тихим насвистыванием. Человек занимался неприятной работой, но пытался сохранять хладнокровие. Затем снова заговорил:

— Я, генерал Лоуренс Стюарт Толбот, обращаюсь к ЦРУ, ФБР и всем остальным, кто прослушивает этот дом. Сегодня в два часа ночи я обнаружил, что несколько сотрудников, участвующих в нашем проекте «Антракс-лепра-пи», случайно подверглись контакту с вирусными культурами. Все они живут на базе, поэтому их легко изолировать на то время, пока сработает противоядие. Я уже отдал на этот счет соответствующие приказы. Доктор Мочениго, ни о чем не догадываясь, получил самую большую дозу и к моменту моего прибытия находился в тяжелейшем состоянии, практически на грани смерти. Понятно, что его дом должен быть взорван, и взорван вместе со мной, поскольку при осмотре

Мочениго, которого уже нельзя было спасти, я находился в непосредственной близости от него. Поэтому я застрелюсь, когда подожгу дом. Остается одна проблема. Я обнаружил улику, свидетельствующую о том, что совсем недавно в постели доктора Мочениго была женщина — вот к чему приводит разрешение ценным сотрудникам жить вне базы. Ее необходимо найти, дать ей противоядие и проследить все ее контакты. Само собой, это нужно сделать быстро, иначе страну охватит паника. Пусть Президент проследит, чтобы медаль за мой подвиг вручили супруге. Передайте ей: даже на последнем издыхании я продолжал настаивать, что она ошибается насчет той девицы в Ред-Лайоне, штат Пенсильвания. В завершение скажу: я твердо верю, что это величайшая страна в истории мира, и ее еще можно спасти, если Конгресс раз и навсегда прихлопнет этих чертовых студентешек! Боже, благослови Америку!

Найт услышал, как чиркнула — о Господи! — спичка о коробок и сразу заревел огонь. Генерал Толбот, похоже, попытался добавить постскрипtum, но не смог произнести ничего связного, потому что начал пронзительно кричать. Наконец послышался звук выстрела, и тогда крик прекратился. Найт поднял голову, стиснул зубы и сдержал скупую мужскую слезу, нахвнувшуюся на стальные глаза.

— Он был великим американцем, — громко произнес он.)

За сигарами и бренди, после того как Джорджу, отправленному в постель, помешала спать Тарантелла, Ричард Юнг прямо спросил:

— Насколько вы уверены, что эта дискордианская компания может справиться с иллюминатами? По-моему, игра зашла слишком далеко, чтобы перебегать в другой лагерь.

Дрейк открыл, было, рот, чтобы ответить, но передумал и повернулся к Малдонадо.

— Расскажи ему про Италию девятнадцатого века, — сказал он.

— Иллюминаты — это обычные мужчины и женщины, — любезно начал Малдонадо. — В сущности, даже больше женщины, чем мужчины. Ведь всю эту кашу заварил Ева Вейсгаупт; Адам лишь прикрывал ее, потому что люди привыкли получать приказы от мужчин. Все эти рассказы об Атлантиде — сплошной вздор. Каждый, кто вообще слышал об Атлантиде, тут же берется утверждать, что там находятся корни его семьи, клана или клуба. Некоторые из старых донов в Мафии даже пытаются проследить в Атлантиде корни *la Cosa Nostra*. Все это дерьмо собачье. Это как у всех белых-англосаксов-протестантов, кого ни спроси, предки приплыли в Америку на «Мэйфлауэре». На одного из тех, кто может это доказать, как, например, мистер Дрейк, приходится тысяча брехунов.

— Видишь ли, — с возрастающим напряжением продолжал Малдонадо, свирепо жуя сигару, — изначально иллюминаты были просто, как бы это сказать... чем-то вроде прикрытия для феминисток восемнадцатого века. За Адамом Вейсгауптом стояла Ева; За Гудвином, которой начал весь этот социализм и анархизм своей книгой *«Политическая справедливость»*, стояла его любовница Мэри Уоллстоункрафт, начавшая женскую революцию книгой, которую озаглавила, э...

— *«В защиту прав женщин»*, — помог ему Дрейк.

— Они заставили Тома Пэйна писать об освобождении женщин, и защищать их Французскую революцию, и пытаться импортировать ее сюда. Но все это провалилось и им не удавалось получить реальный контрольный пакет акций в США, пока они не одурачили Буди Вильсона, вынудив его

создать в 1914 Федеральный резервный банк. Именно так все всегда и происходит. В Италии у них была подставная организация «Высокая Вента», столь дьявольски секретная, что Маззини, который всю жизнь был ее членом, даже не догадывался, что она управляется из Баварии. Мой дед все мне рассказал о тех временах. Борьба была трехсторонней. В одном лагере находились монархисты, в другом — «Вента» и «Либертарии», то есть анархисты, а в центре была Мафия, которая пыталась не только выстоять, но и разобраться, где масло мажется на хлеб, понимаешь? Затем «Либертарии» поняли, что такое «Высокая Вента», и откололись, поэтому борьба стала четырехсторонней. Просмотри книги по истории, там обо всем этом сказано, но только не упоминается, кто руководил «Вентой». А затем — старый добрый Закон Пятерок — объявились фашисты, так что в борьбе уже участвовало пять лагерей. Кто победил? Не иллюминаты, это точно. Только в 1937 году, когда они манипулировали английским правительством, чтобы оно вмешалось в мирные планы Муссолини, и Гитлером, чтобы он вовлек Бенито в свою ось «Берлин — Токио», только тогда у иллюминатов появилось *какое-то* влияние в Италии. Но даже тогда это было очень косвенное влияние. Когда мы заключили сделку с ЦРУ — в те времена оно называлось Управлением стратегических служб, — Лучано вышел из тюрьмы, мы перевернули Италию и предали Муссолини смерти.

— А смысл всего этого? — сухо поинтересовался Юнг.

— А смысл в том, — отозвался Малдонадо, — что Мафия по времени дольше сражалась с иллюминатами, чем была на их стороне. Мы в полном порядке и даже сильнее, чем прежде. Поверь мне, они больше гавкают, чем кусаются. Все боятся иллюминатов, потому что они немножко владеют магией. Но у нас в Сицилии маги и *белладонны* — по вашему, ведьмы, — появились еще до того, как Парис возбудился на Елену. И поверь мне: пуля убивает их точно так же, как любого другого человека.

— Вообще-то иллюминаты *кусаются*, — заметил Дрейк, — но, по-моему, с окончанием Эпохи Рыб их время проходит. Мне кажется, что размаху Эпохи Водолея соответствуют дискордианцы.

— Да меня не интересует эта мистическая ерунда, — сказал Юнг. — Вы еще начните цитировать «*И-цзин*», как мой старик.

— Как большинство бухгалтеров, ты принадлежишь к анальному типу, — холодно прокомментировал Дрейк. — К тому же Козерог. Практичный и консервативный. Я не собираюсь тебя ни в чем убеждать. Но уверяю тебя, я не достиг бы своего нынешнего положения, если бы игнорировал важные факты только потому, что они не вписываются в мой балансовый отчет. Впрочем, на уровне дебета и кредита я, по некоторым соображениям, верю, что на текущий момент дискордианцы могут превзойти иллюминатов. И эти соображения возникли у меня за много месяцев до сегодняшнего появления этих чудесных статуй.

Позже, уже лежа в постели, Дрейк мысленно «прокручивал» ситуацию и оценивал ее с разных сторон. Ему вспомнились слова Лавкрафта: «Прошу вас, помните, как они относятся к слугам». То-то и оно. Он уже старик, уставший быть их слугой, или сатрапом, или приспешником. В тридцать три года он был готов с ними объединиться, как это сделал Сесил Роде. Так или иначе, ему удалось захватить один участок их империи. Но, даже вполне справедливо считая, что он управлял Америкой полнее и всестороннее, чем любой из ее президентов за последние сорок лет, он все равно прекрасно осознавал, что не управлял ею самостоятельно. Пока не подписал сегодня

Декларацию независимости, объединившись с дискордианцами. Тот, другой Юнг, *alter Zaubер*[9] из Цюриха, когда-то пытался рассказать ему о власти, но Дрейк отмахнулся от этой «сентиментальщины». Сейчас он хотел ее вспомнить... неожиданно перед ним ясно встали старые времена: Клее и его мистические картины, *Паломничество в страну Востока*, старик Кроули с его фразой: «Разумеется, опасно смешивать пути левой и правой руки. Если вы боитесь рисковать, возвращайтесь к Гессе, Юнгу и их старушкам. Их путь безопасен, а мой — нет. Зато у меня есть реальная власть, а у них только мечты». Но иллюминаты раздавили и Кроули, и Вилли Сибрука, когда эти двое начали слишком откровенничать. «*Прошу вас, помните, как они относятся к слугам*». Ах, черт, что же Юнг говорил тогда о власти?

Перевернув пластиковую карточку, он увидел на обороте адрес на *Бикон-хилл* и слова: *сегодня вечером, 8:30*. Он поднял глаза на вахтера, который, почтительно отступив на несколько шагов, без тени иронии на лице и в голосе сказал:

— Благодарю вас, мистер Дрейк, сэр.

И его совсем не удивило, что Великий Магистр, с которым он встретился в тот вечер, один из пятерки Первоиллюминатов США, словно для контраста с вахтером, был чиновником из Министерства юстиции. (Что же все-таки говорил Юнг о власти?)

— Кое-кого придется убрать. Я рекомендовал бы Лепке. А также, наверное, Лучано.

Никаких мистических атрибутов: обычная деловая встреча.

— Наши интересы совпадают с вашими: усиление полномочий Министерства юстиции. Затем, когда мы начнем готовиться к войне, полномочия других министерств тоже увеличатся.

Дрейк помнил свое волнение: все происходило так, как он и предполагал. Конец Республики, заря Империи.

— После Германии — Россия? — однажды спросил он.

— Верно; вы действительно дальновидны, — ответил Великий Магистр. — Разумеется, мистер Гитлер только медиум. Фактически у него полностью отсутствует собственное эго. Вы даже не представляете, насколько скучны и прозаичны такие типы, пока ими не овладевает соответствующий Источник Вдохновения. Естественно, его вспомогательное эго ждет коллапс. Он станет психотиком, и тогда мы вообще не сможем его контролировать. Мы готовы ускорить его падение. Именно в этом состоит наша нынешняя цель. Хочу вам кое-что показать. Мы не работаем по обычным схемам; наши планы всегда конкретны и точно сформулированы с учетом мельчайших подробностей. — Он вручил Дрейку пачку бумаг. — Война, видимо, закончится в сорок четвертом или сорок пятом году. В течение двух лет мы представим Россию источником очередной угрозы миру. Прочтите это внимательно.

Дрейк прочел то, чему предстояло стать Актом национальной безопасности 1947 года.

— Это же отменяет Конституцию! — почти в экстазе воскликнул он.

— Именно. И поверьте мне, мистер Дрейк, к сорок шестому или сорок седьмому году мы достаточно подготовим Конгресс и общественность, чтобы они это признали. Американская империя появится гораздо раньше, чем вы полагаете.

— Но изоляционисты и пацифисты — сенатор Тафт и вся компания...

— Они умолкнут. Когда врагом номер один вместо фашизма станет

коммунизм, ваш провинциальный консерватор будет готов к глобальным авантюрам такого масштаба, от которого пойдут головы кругом даже у либералов Рузвельта. Поверьте мне. Проработано все вплоть до мельчайших деталей. Позвольте мне показать, где расположится новое правительство.

Дрейк уставился на план и покачал головой.

— Некоторые люди поймут, что означает Пятиугольник, — с сомнением сказал он.

— От них отмахнутся как от суеверных маньяков. Поверьте мне, через несколько лет это здание будет построено. Оно станет всемирным полицейским. Никто не посмеет ставить под сомнение правомерность его действий или суждений, не рискуя быть обвиненным в предательстве. В ближайшие тридцать лет, мистер Дрейк, *в ближайшие тридцать лет* любой, кто попытается вернуть власть Конгрессу, будет проклят и заклеен, причем не либералами, а консерваторами.

— Святой Боже, — пробормотал Дрейк.

Великий Магистр встал и подошел к старинному глобусу размером с голову Кинг-Конга.

— Выберите любую точку мира, мистер Дрейк. Любую. Даю вам гарантию, что в ближайшие тридцать лет там появятся американские войска. Это и будет Империя, о которой вы мечтали, читая Тацита.

На какое-то мгновение Роберт Патни Дрейк почувствовал себя приниженным, хотя и сумел разгадать этот фокус: используя самую обычную телепатию и выудив из его головы Тацита, Магистр показал ему будущее, в котором масштабно реализовывались все его мечты. По крайней мере он понял на личном опыте причину того благоговейного страха, который внушали иллюминаты и приближенным, и врагам.

— Появится оппозиция, — продолжал Великий Магистр. — В шестидесятых и особенно семидесятых годах. Вот когда придет время для единого преступного синдиката, в необходимости создания которого вы так убеждены. Для сокрушения оппозиции нам понадобится Министерство юстиции, во многом аналогичное гитлеровскому гестапо. Если ваша схема сработает — если в синдикат, который не будет полностью находиться под сицилийским контролем, удастся втянуть Мафию и если под этим же зонтиком можно будет собрать многие другие группы, — то мы создадим общенациональный преступный картель. Тогда сама общественность потребует наделить Министерство юстиции теми полномочиями, которые нам нужны. К середине шестидесятых прослушивание телефонных разговоров станет таким обычным делом, что все представления о неприкосновенности частной жизни покажутся архаичными.

Ворочаясь без сна, Дрейк размышлял о том, что ведь действительно все именно так и произошло; почему же тогда он взбунтовался? Почему это не принесло ему удовлетворения? И что же тогда сказал ему Юнг о власти?

Покуривая трубку, Ричард Юнг, одетый в старый свитер Карла Юнга, сказал: «А затем — Солнечная система». В комнате толпятся белые кролики, зайки из «Плейбоя», Багз Банни, Человек-Волк, куклуксклановцы, мафиози, Лепке с обвиняющим взглядом, Соня, Болванщик, Король Червей, Принц Жезлов, и весь этот шум перекрикивает Юнг: «Миллиарды, чтобы добраться до Луны. Триллионы, чтобы попасть на Марс. Все вливаются в наши корпорации. Это лучше гладиаторских боев». Линда Лавлейс отводит его в сторонку. «Зови меня исмаилиткой», — двусмысленно говорит она. Но Юнг вручает Дрейку скелет биафрского младенца. «Для пира Петруччо», —

объясняет он, доставая обрывок телеграфной ленты. «Сейчас нам принадлежит, — начинает читать он, — семьдесят два процента земных ресурсов, под нашим командованием находится пятьдесят один процент всех вооруженных сил мира. Вот, — говорит он, передавая тело ребенка, погибшего в Аппалачах, — видите, у него во рту яблоко». Зайка вручает Дрейку автомат Томпсона образца 1923 года (модель, которая называлась «автоматической винтовкой», потому что в том году у Армии не было средств для закупки автоматов). «Зачем?» — растерянно спрашивает Дрейк. «Мы должны обороняться, — отвечает зайка. — Толпа у ворот. Голодная толпа. Их предводитель — астронавт по имени Спартак». Дрейк отдает оружие Малдонадо, а сам незаметно крадется вверх по лестнице к личному вертолетному парку. Он проходит через туалет в лабораторию (где доктор Франкенштейн прикрепляет электроды к челюстям Линды Лавлейс) и снова выходит на площадку для игры в гольф, откуда открывается дверь в кабину самолета.

Он улетает на Боинге-747 и видит внизу «Черных Пантер», студентов колледжей, голодающих шахтеров, индейцев, Вьетконг, бразильцев и огромную армию, грабящую его имение. «Наверное, они видели фнордов», — говорит он летчику. Но летчик оказывается его мамой, при виде которой он впадает в ярость.

— Оставляла меня одного! — кричит он. — Всегда бросала меня одного, уходя с отцом на ваши гребаные вечеринки. У меня никогда не было матери, только бесконечные чернокожие служанки вместо матери. Неужели твои проклятые вечеринки были важнее меня?

— О, — отвечает она, краснея, — как ты можешь употреблять такие выражения в присутствии матери?

— К черту выражения. Я помню лишь аромат твоих духов, витавший в воздухе, и какие-то странные черные лица, которые приходили, когда я тебя звал.

— Какой же ты ребенок, — печально сказала она. — Ты всю жизнь оставался большим ребенком.

Это правда: он закутан в пеленки. Вице-президент «Морган таранти треста» таращится на него, не веря своим глазам.

— Слушайте, Дрейк, вы вправду считаете это подходящим нарядом для серьезной деловой встречи? — Рядом с ним Линда Лавлейс склонилась в экстазе, чтобы поцеловать тайную страсть Исмаила. — Желаю хорошенько поразвлечься, — говорит Вице-президент, вдруг глупо захихикав.

— Срал я на вас всех, — выкрикнул Дрейк. — У меня больше денег, чем у любого из вас.

— Деньги израсходованы, — говорит Карл Юнг с бородкой Фрейда. — Каким тотемом вы воспользуетесь сейчас, чтобы оградить себя от чувства тревоги и тех явлений, которые происходят по ночам? — Он усмехнулся. — Что за ребяческие коды! *MAFIA — Morte Alia Francia Italia Anela*[10]. *Порция свежей бобовой похлебки* — Пятеро Священных Баварских Провидцев. *Annuity Coeptis Novus Ordo Seclorum* — Антихрист Цезарь, Наш Общий Спаситель. *Мальчик никогда не плакал и не рвал тысячу ким* — Мефистофель Ньярлатхотеп Ниггурат Панфаг Ифрит Нефилим Равана Тиндалос Кадит. Детская игра!

— Ну, если ты столь чертовски умен, скажи-ка, кто конкретно сейчас входит во внутреннюю Пятерку? — запальчиво поинтересовался Дрейк.

— Гручо, Чико, Харпо, Зеппо и Гуммо[11], — ответил Юнг, уезжая на

трехколесном велосипеде.

— Иллюминаты — это грудь твоей матери, молокосос, — добавил Альберт Хоффман, увязавшись за Юнгом на двухколесном велосипеде.

Дрейк проснулся, когда закрылся Глаз. В одно мгновение ему все стало ясно — без труда, который он затратил, разбираясь в словах Голландца. У постели стоял Малдонадо с лицом Бориса Карлоффа и сказал: «Мы заслуживаем смерти». Да: именно этого и хочется, когда выясняешь, что ты не человек, а робот, как понял это Карлофф в последней сцене «Невесты Франкенштейна».

Дрейк снова проснулся, на этот раз по-настоящему. Все ясно, предельно ясно, и никаких сожалений. Вдалеке над Лонг-Айленд-Саундом слышался первый отдаленный раскат грома, но он знал, что это не гроза, хотя именно так решил бы любой ученый, не столь еретичный, как Юнг или Вильгельм Райх. — «Наша работа, — написал Хаксли перед смертью, — это пробуждение».

Дрейк быстро накинул на себя халат и вышел в темный елизаветинский коридор. Этот дом и земля с коттеджами обошлись ему в пятьсот тысяч долларов, а ведь это лишь одно из восьми его имений. Деньги. Что означала фраза, которую написал этот проклятый глупый-умный Лавкрафт? Когда появился Ньярлатхотеп, «дикие звери шли за ним и лизали ему руки»? Какое это имело значение, если «слепой идиот Бог Хаос взорвал земную пыль»?

Дрейк распахнул дверь комнаты Джорджа. Хорошо: Тарантелла ушла. Снова прогремел гром, и тень Дрейка, черневшая над кроватью, еще раз напомнила ему сцену из фильма Карлоффа.

Он наклонился над постелью и легко потряс Джорджа за плечо.

— Мэвис, — сказал мальчишка.

Что за Мэвис такая, подумал Дрейк. Наверняка нечто неповторимое, если после встречи с выдрессированной иллюминатами Тарантеллой Джордж видит ее во сне. Или Мэвис тоже бывшая иллюминатка? Дрейк подозревал, что в последнее время количество иллюминатов в стане дискордианцев возросло. Он снова потряс плечо Джорджа, энергичнее.

— О нет, я уже не кончу, — сказал Джордж.

Дрейк встряхнул его еще; два уставших испуганных глаза открылись и посмотрели на него.

— А?

— Вставай, — пробормотал Дрейк, приподнимая Джорджа под мышки. — Вылезай из кровати, — добавил он, задыхаясь.

Дрейк смотрел на Джорджа сквозь вздымавшиеся волны. Черт побери, оно уже обнаружило мое сознание.

— Ты должен убраться отсюда, — повторил он. — Здесь тебеопасно быть.

23 октября 1935 года: Чарли Уоркман, Менди Вейсс и Джимми Землеройка врываются в заведение «Палас» и, как приказано, начинают ковбоить... Свинцовые пули, как дождь... а дождь, как свинцовые пули, стучит в окно Джорджа. «Господи, что случилось?» — спрашивает он. Дрейк протягивает ему его трусы и умоляет: «Быстрее!» Чарли-Жук смотрит на три тела: это Абадаба Берман, Пулу Розенкранц и еще кто-то неизвестный. Не Голландец. «Боже, мы облажались, — говорит он. — Голландца здесь нет». Но на аллеях сновидений началось волнение: Альберт Штерн, принимая последнюю вечернюю дозу, неожиданно вспоминает свои фантазии о том, чтобы убить какую-нибудь не менее важную птицу, чем Джон Диллинджер.

«Сортир», — возбужденно говорит Менди Вейсс; как всегда во время такой работы, он испытывал эрекцию. «Человек — это гигант, — говорит Дрейк, — вынужденный жить в хижине пигмея». «Что это значит?» — спрашивает Джордж. «Это значит, что все мы дураки, — возбужденно произносит Дрейк, учуяв запах блудной старухи Смерти, — особенно те из нас, кто пытается строить из себя гигантов, заталкивая остальных в хижину, вместо того чтобы разрушить ее стены. Это рассказывал мне Карл Юнг, только более изящным языком». Взгляд Дрейка то и дело останавливался на свисавшем пенисе Джорджа: его одновременно одолевал гомосексуализм (время от времени случавшийся с Дрейком), гетеросексуализм (его нормальное состояние) и только что возникшее похотливое влечение к блудной старухе Смерти. Услышав выстрелы в зале, Голландец убрал руку с пениса, не обращая внимания на струйку мочи, которая продолжала литься на его туфли, и потянулся за револьвером. Он быстро обернулся, так и не перестав мочиться, и в это мгновение в сортир ворвался Альберт Штерн, выстрелив прежде, чем Голландец успел прицелиться. Рухнув на пол, он увидел, что на самом деле это был Вине Колл, призрак. — О, мама, мама, мама, — пробормотал он, лежа в собственной моче.

— Куда мы идем? — спросил Джордж, застегивая пуговицы на рубашке.

— Идешь только ты, — сказал Дрейк. — Спустишься по лестнице и выйдешь черным ходом к гаражу. Вот ключи от «роллс-ройса». Мне он больше не понадобится.

— А вы как же? — запротестовал Джордж.

— Мы заслуживаем смерти, — сказал Дрейк. — Все мы в этом доме.

— Слушайте, не сходите с ума. Меня не волнует, что вы натворили, но комплекс вины — это безумие!

— Всю жизнь я был одержим куда более безумным комплексом, — спокойно сказал Дрейк. — Комплексом власти. А теперь шевелись!

— Джордж, не делай глупостей, — бормочет Голландец.

— Он разговаривает, — шепчет сержант Люк Конлон, стоя у больничной койки; полицейский стенограф Ф. Дж. Ланг начинает записывать.

— Что вы с ним сделали? — продолжает бормотать Голландец. — О, мама, мама, мама. О, перестань. О, о, о, конечно. Конечно, мама.

Дрейк сидел у окна. Слишком нервничая, чтобы наслаждаться сигарой, он закурил одну из своих несчастных сигарет. «Сто пятьдесят семь, — размышлял он, вспоминая последнюю запись в своем маленьком блокноте. — Сто пятьдесят семь богатых женщин, одна жена и семнадцать мальчиков. И ни разу я не вступал в реальный контакт, ни разу не разрушал стены»... Ветер и дождь снаружи уже оглушали... «Четырнадцать миллиардов долларов, тринадцать миллиардов теневых, не облагаемых налогом долларов; больше, чем у Гетти или Ханта, хотя я никогда не смогу предать этот факт гласности. И тот арабский пацаненок в Танжере, укравший мой бумажник после того, как отсосал у меня, и запах духов матери, и долгие часы в Цюрихе в попытке расшифровать слова Голландца.

В 1913 году на конюшне Флегенхеймера в Бронксе Фил Силверберг дразнит юного Артура Флегенхеймера, помахивая перед его носом отмычками и насмешливо интересуясь: «Ты и в самом деле считаешь себя достаточно взрослым, чтобы в одиночку ограбить дом?» В больнице Ньюарка Голландец сердито требует: «Слушай, Фил, хватит, веселиться так веселиться». Семнадцать представителей иллюминатов растворились в темноте; один с головой козла внезапно вернулся. «Что случилось с остальными

шестнадцатью?» — спрашивает Голландец у больничных стен. Кровь из его руки стала подписью на пергаменте. «О, он сделал это. Пожалуйста», — бормочет он. Сержант Конлон ошарашенно смотрит на стенографа Лэнга. *Молния казалась темной, а тьма казалась светом. «Оно полностью завладело моим сознанием», — подумал Дрейк, сидя у окна.*

«Я сохраню здравый рассудок, — мысленно поклялся Дрейк. — Что это за рок-песня про Христа, которую я вспоминал? „Всего пять дюймов между мной и счастьем“, эта, что ли? Нет, это из *«Глубокой глотки»*. Белизна кита.

Волны снова закрыли ему обзор: нет, наверное, не та песня. «Я должен его настичь, объединить с ним силы. Нет, черт возьми, это не моя мысль. Это его мысль. Он приближается, на гребне волн. Я должен встать. Я должен встать. Объединить силы».

— Ты прав, Голландец, — сказал Диллинджер. — К черту иллюминатов. К черту Мафию. «Древние Жрецы Единого Мумму» с радостью примут тебя.

Голландец посмотрел в глаза сержанта Конлона и спросил: «Джон, прошу тебя, о, ты покупаешь всю историю? Ты обещал миллион, точно. Выбраться... жаль, что я не знал. Пожалуйста, сделай это быстро. Быстро и яростно. Пожалуйста, быстро и яростно. Пожалуйста, помоги мне выбраться».

«Мне следовало выйти в сорок втором году, когда я впервые узнал о лагерях, — думал Дрейк. — До тех пор я все еще не осознал, что они действительно хотели это сделать. А потом была Хиросима. Почему я остался после Хиросимы? Ведь все было предельно ясно, все было именно так, как писал Лавкрафт: слепой идиот Бог Хаос взорвал земную пыль. И уже в тридцать пятом году я знал секрет: если даже в таком тупом быке, как Голландец Шульц, похоронен великий поэт, что же может высвободиться в любом обычном человеке, посмотревшем в глаза старой шлюхи Смерти? Я предал мою страну и мою планету, но хуже того: я предал Роберта Патни Дрейка, гиганта психологии, которого я убил, когда воспользовался этим секретом ради власти, а не ради лечения.

Я видел водопроводчиков, ассенизаторов, бесцветное всецветье атеизма. Я лейтенант Судьбы: я действую по велению духа. Белая, Белая пустота. Глаз Ахава. Пять дюймов от счастья, всегда Закон Пятерок. Ахав заглатывал, заглатывал.

— Вся эта баварская история — дерьмо собачье, — сказал Диллинджер. — С тех пор как в 1888 году Роде встал у руля, там в основном англичане. Им всегда удавалось проникнуть в Министерство юстиции, Госдепартамент и профсоюзы, а также в Министерство финансов. Вот с кем ты сотрудничаешь. И позволь-ка мне рассказать тебе о том, что они планируют сделать с твоим народом, с евреями, в той войне, которую они замышляют.

— Слушай, — перебил его Голландец. — Капоне всадил бы в меня пулю, если бы узнал, что я вообще с тобой разговариваю, Джон.

— Ты боишься Капоне? Он устроил так, чтобы возле «Биографа» в меня всадили пулю федералы, а я, как видишь, по-прежнему жив и здоров.

— Я не боюсь ни Капоне, ни Лепке, ни Малдонадо, ни... — Глаза Голландца вернулись в больничную палату. «Я тертый калач, — с тревогой сказал он сержанту Конлону. — Винифред. Министерство юстиции. Я получил это из самого министерства». Он испытал острую боль, пронзительную, как наслаждение. «Сэр, прошу вас, хватит!» — Нужно было объяснить про де Молэ и Вейсгаупта. «Послушайте, — хрипел он, — последний Рыцарь. Я не хочу кричать». Было совсем тяжело, боль пульсировала в каждой клетке. «Я

не знаю, сэр. Честно, не знаю. Я пошел в туалет. Когда я зашел в сортир, парень вышел на меня. Если бы мы захотели разорвать Круг. Нет, пожалуйста. У меня есть месяц. Ну, давайте, иллюминаты, добейте меня». Как же трудно все это объяснять! «У меня не было с ним ничего и он был ковбоем в один из семи дней. *Ewigel* Борьба...

Ни дела, ни лежбища, ни друзей. Ничего. Вроде то, что нужно». Боль была не только от пули; они работали над его сознанием, пытались закрыть ему рот, чтобы он не сказал слишком много. Он увидел козлиную голову. «Пусть он сначала тебе покорится, а уж потом докучает, — крикнул он. — Эти англичане еще те типы, не знаю, кто лучше, они или мы». Так много надо сказать, и так мало времени осталось. Он подумал о Фрэнси, жене. «О, сэр, дайте девочке крышу». Иллюминатская формула для призыва Ллойгора: хотя бы это он успел рассказать. «Мальчик никогда не плакал и не рвал тысячу ким. Вы слышите меня?» Они должны понять, как высоко это поднялось, во всем мире. «Я это слышал, это слышал окружной суд, возможно, даже Верховный суд. Это расплата. Прошу вас, придерживайте дружков Китайца и Командира Гитлера». Эрида, Великая Мать, — единственная альтернатива власти иллюминатов; надо успеть им это рассказать. «Мама это лучший выбор. Не дайте Сатане тянуть вас слишком быстро».

— Он слишком много болтает, — сказал тот, который был с козлиной головой, Винифред из Вашингтона. — Усиьте боль.

— Грязные крысы *настроились!* — закричал Голландец.

— Держите себя в руках, — мягко сказал сержант Конлон.

— Но я умираю, — объяснил Голландец. Неужели они ничего не поняли?

Дрейк встретился с Винифредом в 1947 году на коктейле в Вашингтоне, сразу после того, как Акт Национальной Безопасности был принят Сенатом.

— Ну что? — спросил Винифред. — У вас еще есть какие-нибудь сомнения?

— Никаких, — ответил Дрейк. — Все мои свободные деньги сейчас инвестированы в оборонную промышленность.

— Там их и держите, — улыбнулся Винифред, — и станете богаче, чем могли предположить в самых смелых фантазиях. Сейчас мы планируем заставить Конгресс одобрить выделение *одного триллиона долларов* из бюджета на подготовку к войне до 1967 года.

Дрейк быстро все понял и тихо спросил:

— Собираетесь найти еще врага, кроме России?

— Понаблюдайте за Китаем, — спокойно отозвался Винифред. На этот раз любопытство Дрейка превзошло его жадность; он спросил:

— Вы что же, действительно держите *его* в Пентагоне?

— Вы хотели бы встретиться с ним лицом к лицу? — ответил вопросом Винифред с легкой насмешкой в голосе.

— Нет, благодарю, — равнодушно сказал Дрейк. — Я читал Германа Раушнинга. Я помню слова Гитлера о Сверхчеловеке: «Он жив, среди нас. Я его встречал. Он неустрашим и ужасен. Я его боялся». Это вполне удовлетворяет мое любопытство.

— Гитлер, — ответил Винифред, уже не скрывая насмешку, — видел его в более человеческой форме. С тех пор он... прогрессировал.

«Сегодня, — думал Дрейк, когда раскаты грома становились все громче и безумнее, — я увижу его, или одного из них. Наверное, я мог бы выбрать самоубийство получше?» Вопрос был бессмысленным; Юнг с его законом противоположностей был во всем прав. Это знал даже Фрейд: любой садист в

конце концов становится мазохистом.

Повинуясь порыву, Дрейк поднялся и взял с ночного столика эпохи Тюдоров блокнот и ручку. При свете молний за окном он начал быстро писать:

Чего я боюсь? Разве я не копил силы и не готовился к этому randevу с раннего детства, когда в полтора года запустил в маму бутылочкой?

И потом, *оно* в кровном со мной родстве. Мы оба живем на крови, разве нет? Пусть даже я нахожусь в более выгодном положении, поскольку беру не саму кровь, а кровавые деньги?

Всякий раз, когда оно меня находит, происходит сдвиг измерений. Принн был прав, когда в «*De Vermis Mysteriis*» писал, что они живут в ином пространстве-времени. Именно это имел в виду Альхазред, когда писал: «Их рука сжимает твоё горло, но ты их не видишь. Они появляются неожиданно и остаются невидимыми, перемещаясь не в тех пространствах, которые мы знаем, а между ними».

— Вытащите меня, — стонет Голландец. — Я наполовину спятил. Они не дадут мне встать. Они покрасили мои туфли. Дайте мне что-нибудь! Меня тошнит!

Я вижу Кадата и два магнитных полюса. Я должен объединить силы, съев эту сущность.

Какой «я» реален? Неужели в мою душу так легко проникнуть, потому что у меня осталось так мало души? Не это ли пытался рассказать мне Юнг о власти?

Я вижу больницу в Ньюарке и Голландца. Я вижу белый свет, а потом черноту, которая не пульсирует и не движется. Я вижу, как Джордж пытается ехать на «роллс-ройсе» среди этой проклятой грозы. Я вижу, что белизна белого — это чернота.

— Кто-нибудь, — умоляет Голландец, — прошу, снимите с меня туфли. Нет, на них наручники. Так велит Барон.

Я вижу Вейсгаупта и Железный Ботинок. Не удивительно, что только пятеро выдерживают тяжкое испытание, чтобы взойти на вершину пирамиды. Барон Ротшильд не даст Родсу выйти сухим из воды. Да и что вообще такое пространство или время? Что есть душа, которую мы якобы судим? Кто реален: мальчик Артур Флегенхеймер, искавший свою мать, гангстер Голландец Шульц, убивавший и грабивший с хладнокровием Медичи или Моргана, или сумасшедший поэт, родившийся на ньюаркской больничной койке, где другие умирают?

А Елизавета была сукой. Они пели балладу «Голден ванити» про капитана Роли, но против меня никто не произнес ни слова. При этом у него были льготы. «Театр Глобус», новая драма Вилла Шекспира, на той же улице, где они для забавы мучали медведя Сакерсона.

Боже, они вскрыли разлом Сан-Андреас, лишь бы сокрыть самые важные документы о Нортоне. Тротуары зияют, словно уста, Джон Бэрримор выпадает из постели, Уильям Шекспир в его сознании, моем сознании, сознании сэра Френсиса. Родерик Ашер. Звездная мудрость, как они это называют.

— Обочина была в опасности, — пытался объяснить Голландец, — и медведи были в опасности, и я это прекратил. Прошу вас, переведите меня в ту комнату. Пожалуйста, удерживайте его под контролем.

Я слышу! Те самые звуки, о которых писали По и Лавкрафт: текели-ли, текели-ли! Должно быть, оно уже близко.

Я вовсе не хотел бросать в тебя бутылку, мама. Мне просто нужно было твое внимание. Мне нужно было внимание.

— О'кей, — вздохнул Голландец. — О'кей, вот я весь, целиком. Ничего другого не могу. Ищи, мама, ищи ее. Ты не сможешь Его победить. Полиция. Мама. Хелен. Мама. Пожалуйста, вытащите меня.

Я вижу его и оно видит меня. В темноте. Есть вещи хуже смерти: вивисекция духа. Я должен бежать. Почему я здесь сижу? 23 сваливай. Внутри пятиугольника холод межзвездного пространства. Они пришли со звезд и принесли с собой собственные образы. Мама. Прости.

— Давайте, откройте мыльные билеты, — в отчаянии говорит Голландец. — Трубочисты. Возьмитесь за меч.

Похоже на бесконечную трубу. Все вверх и вверх, все глубже и глубже во тьму, и красный всевидящий глаз.

— Пожалуйста, помогите мне встать. Порция свежей бобовой похлебки. Я заплачу. Пусть они оставят меня в покое.

Я хочу слиться с ним. Я хочу стать им. У меня больше нет собственной воли. Я принимаю тебя, блудная старуха Смерть, как мою законную супругу. Я безумен. Я полубезумен. Мама. Бутылочка. Линда, затягивает, засасывает.

Слияние.

В трех милях по берегу от особняка Дрейка жила девятилетняя девочка по имени Патти Коэн, которая сошла с ума в тот предрассветный час 25 апреля. Сначала ее родители подумали, что она приняла ЛСД, который, как стало известно, просочился в местную среднюю школу, и, страшно расстроившись, напичкали ее никотиновой кислотой и лошадиными дозами витамина С, пока она бегала по дому, то смеясь, то строя им гримасы, и кричала, что «он лежит в собственной моче», «он все еще жив внутри него» и «Родерик Ашер». К утру родители поняли, что дело не просто в ЛСД, и начались печальные месяцы, когда ее возили по клиникам и частным психиатрам, и опять по клиникам, и снова по частным психиатрам. Наконец, как раз перед Ханукой в декабре, они отвезли ее к импозантному психиатру на Парк-авеню, в приемной которого у девочки случился самый настоящий эпилептический припадок. Глядя на статую, стоявшую на приставном столике возле дивана, она визжала: «Не давайте ему меня съесть! Не давайте ему меня съесть!» С того дня, когда она увидела эту миниатюрную копию гигантской статуи Тлалока из Мехико, началось ее выздоровление.

А через три часа после смерти Дрейка Джордж Дорн, лежа на кровати в номере отеля «Тюдор», держал возле уха телефонную трубку и слушал длинные гудки по набранному им номеру. Неожиданно на другом конце провода сняли трубку и молодой женский голос сказал:

— Алло.

— Я бы хотел поговорить с инспектором Гудманом, — сказал Джордж.

Короткая пауза, затем голос произнес:

— Будьте добры, кто его спрашивает?

— Меня зовут Джордж Дорн, но, скорее всего, мое имя ни о чем инспектору не скажет. И все же будьте любезны пригласить его к телефону и скажите ему, что у меня есть для него информация по делу Джозефа Малика.

Воцарилось напряженное молчание, словно женщине на другом конце провода хотелось громко кричать, и она перестала дышать. Наконец она сказала:

— Мой муж сейчас на службе, но я с радостью передам ему любое ваше сообщение.

— Забавно, — сказал Джордж. — Мне сказали, что дежурство инспектора Гудмана длится с полудня до девяти вечера.

— Думаю, вас не касается, где находится мой муж, — неожиданно сорвалось с языка женщины.

Джордж был поражен. Ребекка Гудман боялась и не знала, где ее муж: он понял это по каким-то неуловимым интонациям ее последних слов. «Я должен быть тактичнее к людям», — подумал он.

— Он хотя бы дает о себе знать? — осторожно спросил он.

Ему стало жаль миссис Гудман, которая, если задуматься, была женой легавого. Если бы всего несколько лет назад Джордж прочитал в газете, что мужа этой женщины случайно застрелил агрессивно настроенный революционер, он бы, пожалуй, сказал: «Так ему и надо». Любой из тогдашних приятелей Джорджа вполне мог бы убить инспектора Гудмана. Был даже такой момент, когда и сам Джордж мог это сделать. Как-то в декабре один парень из компании Джорджа позвонил молодой вдове полицейского, только что убитого чернокожими, обозвал ее сукой и женой легавого и сказал, что ее муж виновен в преступлениях против народа. А убившие его войдут в историю как герои. Джордж тогда одобрил эту вербальную акцию, сочтя ее хорошим способом изживания в себе буржуазной сентиментальности. Во всех газетах писали, что у троих детей этого полицейского в этом году не будет Рождества; читая этот вздор, Джордж плевался.

Но сейчас ему передалась душевная боль этой женщины. Он ощущал ее даже по телефону — боль неопределенности, которую она испытывала, зная, что муж пропал, но не ведая, жив он или мертв. Хотя, скорее всего, он не мертв; иначе зачем тогда Хагбард велел Джорджу войти с ним в контакт?

— Я... я не знаю, что вы имеете в виду, — сказала она.

Джордж понял, что ее сейчас прорвет. Через минуту она выплеснет на него все свои страхи. Но, господи, ведь *он* действительно не знал, где находится Гудман.

— Послушайте, — резко сказал он, пытаюсь противостоять захлестнувшему его потоку эмоций, — если вдруг вам удастся связаться с инспектором Гудманом, скажите ему: если он хочет больше узнать о баварских иллюминатах, пусть позвонит Джорджу Дорну в отель «Тюдор». Говорю по буквам: Д-О-Р-Н, отель «Тюдор». Вы все поняли?

— Иллюминаты! Погодите, э... мистер Дорн, все, что вы хотите сказать, вы можете сказать мне. Я ему передам.

— Не могу, миссис Гудман. Ладно, спасибо. И до свидания.

— Подождите. Не вешайте трубку!

— Я не смогу вам помочь, миссис Гудман. И к тому же я не знаю, где он.

Джордж со вздохом опустил трубку на рычаг. У него были холодные и влажные руки. Что ж, придется сказать Хагбарду, что с инспектором Гудманом связаться не удалось. Зато он кое-что узнал: Сол Гудман, который вел расследование по факту исчезновения Малика, сам исчез, а слова «баварские иллюминаты» что-то значат для его жены. Джордж пересек маленькую комнату гостиничного номера и включил телевизор. Шли дневные новости. Он вернулся к кровати, лег и закурил. Он по-прежнему ощущал себя вымотанным после ночной сексуальной схватки с Тарантеллой Серпентайн.

Диктор программы новостей говорил: «Генеральный прокурор заявил, что сегодня в шесть часов вечера он выскажет свое мнение о странной серии

убийств в гангстерском стиле, которые утром произошли в очень отдаленных друг от друга уголках Америки. Потери убитыми составляют двадцать семь человек, хотя чиновники на местах отказываются говорить, существует ли между всеми этими, или хотя бы некоторыми, смертями какая-то связь. Застрелены сенатор Эдвард Коук Бейкон; два высокопоставленных офицера полиции из Лос-Анджелеса; мэр городка под названием Мэд-Дог (штат Техас); организатор боксерских боев из Нью-Йорка; бостонский фармацевт; детройтский гончар; чикагский коммунист; три лидера хиппи из штата Нью-Мексико; владелец ресторана в Нью-Орлеане; парикмахер из Йорба-Линды (штат Калифорния); производитель колбасных изделий из Шебойгана (штат Висконсин). В пятнадцати разных точках страны прогремели взрывы, убившие еще тринадцать человек. Шесть человек из разных городов исчезли, причем есть свидетели того, как четверых из них ночью затапливали в машины. Сегодня генеральный прокурор назвал это „разгулом террора, устроенного лидерами организованной преступности“ и подчеркнул, что, хотя мотивы этих разрозненных убийств неясны, в них явно просматривается гангстерский почерк. Однако новый директор ФБР Джордж Уоллес, отдавший приказ своим агентам по всей стране взяться за это дело, распространил письменное заявление, в котором, в частности, говорится — я цитирую: „И вновь Генеральный прокурор загоняет не того зверя, лишняя раз доказывая, что обеспечением правопорядка должны заниматься опытные профессионалы. У нас есть основания считать, что эти убийства совершены негро-коммунистами, которыми руководят из Пекина“, конец цитаты. Тем временем канцелярия Вице-президента распространила официальный документ, в котором приносит извинение Антидиффамационной лиге итало-американцев за оговорку Вице-президента о „мафиозных подтирках“, а Лига отозвала своих пикетчиков от Белого дома. Напоминаю, Генеральный прокурор выступит с телевизионным обращением к нации сегодня в шесть часов вечера».

Неожиданно в бесстрастных глазах диктора появился ура-патриотический блеск, а в голосе — сварливость: «Некоторые диссидентствующие элементы продолжают жаловаться, что у народа нет возможности участвовать в принятии правительственных решений. При этом в такие, как сейчас, времена, когда всей нации предоставляется возможность услышать слова Генерального прокурора, рейтинги телепрограмм падают. Так давайте же сделаем все от нас зависящее, чтобы сегодня вечером поднять рейтинги, и пусть весь мир знает, что мы по-прежнему живем в демократическом обществе!»

— Да пошел ты! — заорал Джордж перед экраном. Он еще не видел таких отвратных дикторов в теленовостях. Должно быть, это совсем новое веяние, последнее, так сказать, усовершенствование, введенное уже после того, как он отправился в Мэд-Дог. Возможно, отголосок кризиса вокруг Фернандо-По. Джордж помнил, что сразу после кровопролитных демонстраций у здания ООН по поводу Фернандо-По в этом самом отеле Джо Малик впервые заговорил с ним о Мэд-Догге. Сейчас Джо исчез, точно так же, как те люди, которых, как понял Джордж, прикончил Синдикат в знак доброй воли, приняв в подарок от Хагбарда статуи. Так же, как инспектор Сол Гудман, который, возможно, упал в ту же кроличью нору, что и Джо.

Раздался стук в дверь. Джордж пошел к двери, выключив на ходу телевизор. За дверью стояла Стелла Марис.

— Рад тебя видеть, крошка. Стаскивай платье и полезай ко мне в

кровать, пора закрепить ритуал моей инициации.

Стелла положила руки ему на плечи.

— Сейчас не до этого, Джордж. У нас проблемы. Роберт Патни Дрейк и Банановый Нос Малдонадо мертвы. Собирайся. Надо немедленно возвращаться к Хагбарду.

Путешествуя сначала на вертолете, потом на роскошном самолете и, наконец, на моторной лодке к подводной базе Хагбарда в Чесапикском заливе, вконец измученный Джордж был потрясен ужасными известиями. Но когда он снова увидел Хагбарда, к нему вернулись силы.

— Ах ты ублюдок! Послал меня на верную смерть!

— В результате чего ты настолько осмелел, что смеешь мне грубить, — ответил Хагбард со снисходительной усмешкой. — Странная штука страх, верно, Джордж? Если бы мы не боялись умереть от болезней, то не появилась бы такая наука, как микробиология. Эта наука, в свою очередь, дает возможность развязать бактериологическую войну. И каждая сверхдержава настолько боится, что другая сверхдержава начнет против нее бактериологическую войну, что выращивает собственные культуры чумы, способные стереть с лица земли весь род людской.

— Послушай, глупый старый пердун, ты можешь не отвлекаться? — оборвала его Стелла. — Джордж не шутит, его и вправду чуть не убили.

— Страх смерти есть начало рабства, — невозмутимо ответил Хагбард.

Несмотря на раннее время, Джордж находился в полуобморочном состоянии и был готов проспать целые сутки или больше. С трудом пробираясь в свою каюту, он почувствовал под ногами вибрацию двигателей подводной лодки, но даже не заинтересовался, куда они направляются. Он лег на кровать и снял с полки над изголовьем книгу, выполняя ритуал подготовки ко сну. Переплет сообщил, что книга называлась «*Сексуальность, магия и извращение*». Что ж, пикантно и многообещающе. Имя автора ни о чем не говорило: Фрэнсис Кинг. 1972 год. Издана всего несколько лет назад. Ладно, посмотрим. Джордж наугад открыл книгу:

Через несколько лет брат Парагран стал главой швейцарского отделения ОТО, завязал дружеские отношения с учениками Алистера Кроули — особенно с Карлом Джемером — и основал журнал. Впоследствии брат Парагран унаследовал руководящий пост в Древнем Розенкрейцерском Братстве Крумма — Хеллера и патриаршество в Гностической католической церкви. Последний титул перешел к нему от Шевийона, убитого гестаповцами в 1944 году, который, в свою очередь, был преемником Жана Брико. Кроме того, брат Пара-гран возглавляет одну из нескольких групп, которые называют себя истинными наследниками иллюминатов Вейсгаупта, якобы возрожденных (около 1895 года) Леопольдом Энджелом.

Джордж прищурился. *Несколько групп иллюминатов?* Нужно расспросить об этом Хагбарда. Но тут окружающее пространство начало расплываться и он погрузился в сон.

* * *

Не прошло и получаса, как Джо раздал девяносто два бумажных стаканчика с томатным соком, к которому был подмешан АУМ — наркотик, обещавший превратить неофобов в неофилов. Он стоял на площади Пайонир-корт с северной стороны моста Мичиган-авеню за столиком с плакатом: БЕСПЛАТНЫЙ ТОМАТНЫЙ СОК. Каждого человека, взявшего

стаканчик, он просил заполнить короткую анкету и оставить ее в коробке на столе. Правда, Джо тут же пояснял, что заполнение анкеты — дело исключительно добровольное: кто хочет, может просто выпить сок и уйти.

АУМ прекрасно работал в любом случае, но анкета давала ЭФО возможность отследить характер его воздействия на испытуемых.

Неожиданно перед столиком остановился высокий чернокожий полицейский.

— У вас есть на это разрешение?

— А как же, — сказал Джо с быстрой усмешкой. — Я представляю корпорацию «Дженерал сервис», и мы проводим рекламную кампанию новой марки томатного сока. Хотите попробовать, офицер?

— Нет, благодарю, — ответил полицейский без тени улыбки. — Пару лет назад йиппи грозились вылить в городской водопровод ЛСД. Так что давайте посмотрим на ваши документы.

Джо заметил в глазах этого полицейского нечто холодное, колющее и смертоносное. Весьма необычный взгляд. Ясно, что этот парень особенный и АУМ подействует на него особенным образом. Джо опустил взгляд на бляху полицейского: УОТЕРХАУС. За полицейским Уотерхаусом уже выстроилась небольшая очередь.

Джо нашел бумагу, выданную ему Малаклипсом. Уотерхаус взглянул на нее и сказал:

— Этого не достаточно. У вас должно быть разрешение на размещение киоска на Пайонир-корт. Вы затрудняете движение пешеходов. Это очень оживленное место. Вам придется уйти.

Джо оглядел улицу, по которой взад и вперед сновали толпы людей, мост, перекинутый через зеленую грязную реку Чикаго, и здания, окружавшие Пайонир-корт. На огромной городской площади явно хватало места для всех. Джо улыбнулся Уотерхаусу. Он находился в Чикаго и знал, что делать. Джо вытащил из кармана десятидолларовую купюру, дважды перегнул ее по длине и обернул ею стаканчик, в который ловко налил из пластикового кувшина томатный сок. Уотерхаус без комментариев выпил томатный сок, а когда он бросил стаканчик в мусорную корзину, десятидолларовой обертки на нем не было.

Перед столиком столпилась кучка оживленно болтавших лысеющих мужчин, похожих на бизнесменов из провинции. У каждого был нагрудный значок с изображением красного креста крестоносцев, буквами РХОВ и словами: «Dominus Vobiscum! [12] Меня зовут...». Джо с улыбкой вручил им всем по стаканчику сока, обратив внимание, что на груди у некоторых был еще один значок — белый равноконечный пластмассовый крестик с буквами БМ. Джо не сомневался, что любой из этих мужчин с радостью упрятал бы его за решетку на всю оставшуюся жизнь, если бы узнал, что Джо издает радикальный журнал, в котором время от времени публикуются откровенные высказывания насчет секса и прекрасные образцы тонкой эротики. Ходили слухи, что за взрывами двух театров на Среднем Западе и линчеванием торговца газетами в Алабаме стояли «Рыцари христианства, объединенные верой». И, естественно, у них были самые тесные узы с партией «Божьей молнии» Атланты Хоуп.

Джо подумал, что АУМ может оказаться сильным лекарством для этой банды. Ему было любопытно, перестанут ли они получать кайф от любимой ими цензуры или же, напротив, станут еще более грозными. В любом случае они хотя бы на время выйдут из-под контроля иллюминатов. Эх, вот бы им с

Саймоном найти способ попасть на их конференцию и дать АУМ остальным делегатам...

За представителями РХОВ стоял маленький человек, похожий на петуха с серым гребешком. Читая впоследствии анкету, Джо выяснил, что дал АУМ судье Калигуле Бушману, красе и гордости чикагского правосудия.

Далее следовала череда лиц, которые показались Джо ничем не примечательными. На каждом из них стояла печать жителя Чикаго, Нью-Йорка или любого другого крупного города. Особенное сложно-глупо-хитро-раздраженно-обреченно-цинично-доверчивое выражение лица. Затем перед ним оказалась высокая рыжеволосая женщина, чертами лица похожая одновременно на Элизабет Тейлор и Мэрилин Монро.

— Это сок с водкой? — с надеждой спросила она Джо.

— Нет, мэм, чистый томатный сок, — ответил Джо.

— Очень жаль, — сказала она, отставив стаканчик. — Я бы выпила.

Калигула Бушман, прославивший самым несговорчивым судьей в чикагском суде, рассматривал дело шестерых человек, которые обвинялись в нападении на офис призывной комиссии, порче мебели, уничтожении всех папок с делами и разбрасывании по полу коровьего навоза, доставленного ими на тачке. Вдруг, когда обвинение успело изложить лишь половину дела, Бушман прервал судебное разбирательство, заявив, что собирается проводить слушание о вменяемости. Далее, к всеобщему замешательству присутствующих, он задал прокурору штата Майло А. Фланагану ряд довольно странных вопросов:

— Что вы подумаете о человеке, который не только создает в собственном доме склад оружия, но и ценой огромных финансовых затрат организывает второй склад оружия, чтобы защитить первый? Что вы скажете, если этот человек настолько запугивает своих соседей, что они, в свою очередь, начинают копить оружие, чтобы защититься от него? Что, если этот человек тратит в десять раз больше денег на закупку дорогостоящего оружия, чем на образование своих детей? Что, если один из его детей осмелится покритиковать его хобби, а в ответ на это отец назовет его предателем, никчемной мразью и отречется от сына? А потом возьмет другого сына, который беспрекословно ему подчиняется, вооружит его и отправит громить соседей? Что вы скажете о человеке, который загрязняет воду, которую пьет, и воздух, которым дышит? И если этот человек не только враждует с людьми из своего квартала, но и ввязывается в ссоры других людей, живущих в отдаленных частях города и даже в пригородах? Такого человека, мистер Фланаган, мы явно назовем параноидальным шизофреником с маниакальной склонностью к убийству. Вот человек, которого нужно судить, хотя в нашей современной просвещенной системе правосудия мы попытаемся его лечить и реабилитировать, а не только карать.

— Как судья, — продолжал он, — я отклоняю этот иск по нескольким причинам. Государство как корпоративное юридическое лицо клинически безумно и абсолютно непригодно к тому, чтобы арестовывать, судить и отправлять в тюрьму тех, кто не согласен с его политикой. Но я сомневаюсь, что это решение, каким бы очевидным оно ни было для любого здравомыслящего человека, вполне соответствует правилам нашей американской юридической игры. Поэтому я выношу постановление, что право уничтожать государственную собственность защищается Первой поправкой к Конституции США и, следовательно, преступление, в котором

обвиняются эти люди, по Конституции вовсе не преступление. Государственная собственность принадлежит всему народу, и у каждого человека есть абсолютное право выражать недовольство государством, уничтожая государственную собственность, и на это право никто не может посягнуть.

Эта доктрина родилась в голове судьи Бушмана внезапно, пока он говорил без судейской мантии. Все происходящее его самого удивило, хотя он заметил, что вообще сегодня соображал быстрее и лучше.

Он продолжил:

— Государство не существует, как существует человек или вещь: это всего лишь юридическая фикция. Фикция — это форма передачи информации. Все, что считается собственностью формы передачи информации, автоматически должно быть признано формой передачи информации. Государство — это карта, а государственный документ — это карта в карте. В таком случае, бесспорно, что носитель информации — это сообщение, с чем согласится любой семантик. Более того, любой физический акт, направленный против передачи информации, сам представляет собой передачу информации, карту в карте в карте. Таким образом, уничтожение государственной собственности защищается Первой Поправкой. Я опубликую развернутый доклад по этому вопросу, но сейчас я утверждаю, что ответчики больше не должны страдать за решеткой. Иск отклонен.

Толпа зевак с недовольным видом повалила из зала судебного заседания, а родственники и друзья обвиняемых со смехом сквозь слезы заключили их в объятия. Судья Бушман, который покинул место судьи, но оставался в зале, стал объектом пристального внимания репортеров. (Он считал, что его мнение было картой в карте в карте в карте, то есть картой четвертого порядка. Сколько же потенциальных порядков символизма оно может вмещать? Он почти не слышал похвал, которыми его осыпали. Разумеется, он знал, что его решение будет опровергнуто; но ему уже наскучила работа судьи. Интересно было бы глубоко влезть в математику, по-настоящему *глубоко*.)

Харольд Канвера не потрудился заполнить анкету, поэтому не стал объектом наблюдения и не получил надлежащей защиты. Он вернулся домой, к своей работе бухгалтера и любимому увлечению. Увлечение состояло том, что он записывал на пленку телефонные агитационные ролики, в которых выступал против иллюминатов, коммунистов, социалистов, либералов, центристов, республиканцев (если последние были недостаточно консервативны). (Мистер Канвера занимался еще и рассылкой брошюр такого же содержания, если кто-нибудь из телефонных абонентов был настолько заинтригован его телефонными речами, что посылал ему двадцать пять центов для получения дополнительной информации. Он выполнял эту достойную просветительскую работу по поручению группы, называвшей себя «Белые герои, противостоящие красному экстремизму» (БГПКЭ)[13]. Она откололась от «Налогоплательщиков, воюющих с тиранией»[14], в свою очередь отделившихся от «Божьей молнии». Однако в последующие недели в магнитофонных посланиях Канверы начали появляться странные новые идеи.

— Недостаточно *снижать* налоги, — возвещал он, например. — Когда вы слышите, как какой-нибудь так называемый консервативный берчевец или последователь Уильяма Бакли-младшего призывает к снижению налогов, *остерегайтесь*] Это человек, который *по уши увяз* в иллюминизме. Любые

налоги — это грабеж. Вместо того чтобы набрасываться на Джоан Баэз, настоящий американец должен поддерживать ее отказ продолжать платить деньги в иллюминатскую казну в Вашингтоне.

Следующая неделя оказалась еще более интересной:

— «Белые герои, противостоящие красному экстремизму» часто вам говорили, что между демократами и республиканцами никакой разницы нет. И те, и другие остаются пешками в иллюминатском плане по уничтожению частной собственности и превращению каждого человека в раба Государства, чтобы Международные Банкиры, принадлежащие к определенному *меньшинству*, могли управлять всем. Пришло время, когда все мыслящие патриоты должны взглянуть еще скептичнее, чем прежде, на так называемое антииллюминатское общество Джона Берча. Почему они вечно вывешивают лозунги с призывом «Поддержим местную полицию»? Вы когда-нибудь об этом задумывались? Какой самый важный орган в полицейском государстве? Разве не полиция? И если мы избавимся от полиции, как у нас сможет сохраниться полицейское государство? Задумайтесь об этом, американские сограждане, и «Помните Аламо!»[15].

Некоторые из этих странных идей высказывались в различных периодических изданиях правых анархистов (тайно субсидируемых Хагбардом Челине), которые три месяца назад загадочным образом попали в почтовый ящик Канверы, но пока Канвера не глотнул АУМ, он в эти издания не заглядывал. Периодические издания отправлял ему Саймон Мун, ставя в шутку на конверте обратный адрес: «Международное общество иллюминатов, 34, Восточная шестьдесят восьмая улица, Нью-Йорк». По этому адресу в действительности находилась штаб-квартира Совета по международным отношениям, которую берчевцы долгое время считали рассадником иллюминатской заразы. Призыв «Помните Аламо» Канвера взял из «Охотничьего ножа», публикации Общества Дэйви Крокета — воинствующей правой, фашистской группировки, которая тоже откололась от «Божьей молнии», когда их лидер, техасский нефтяной миллионер, страдавший чудовищной паранойей, пришел к убеждению, что многие мексиканцы на самом деле переодетые агенты красных китайцев. Позже эта догма приобрела обратную силу, и он стал утверждать, что китайцы всегда были коммунистами, все мексиканцы всегда были китайцами, а нападение на Аламо было первой коммунистической угрозой американскому капитализму.

Третья неделя оказалась и вовсе удивительной. Очевидно АУМ, как и ЛСД, менял только некоторые черты личности, не затрагивая остальные; так или иначе, в ассиметричной эволюции мистера Канверы от правого авторитаризма к правому свободомыслию ему каким-то образом удалось прийти до тезиса, который прежде сформулировал Донатьен Альфонс Франсуа де Сад. Он выступил с трехминутным телефонным обращением, высказываясь в защиту права каждого человека любого пола использовать любого другого человека любого пола с или без его согласия ради получения сексуального удовлетворения в любом виде, отвечающем его потребностям или просто *желанию*. Единственным правом, которое он гарантировал реципиентам этих интимных вторжений, было их аналогичное право использовать инициатора этих отношений для удовлетворения их собственных потребностей или желаний. Так вот, эти призывы ничуть не оскорбили большинство абонентов, регулярно обращавшихся в телефонную службу Канверы. Это были хиппи с Линкольн-авеню, которые звонили Канвере, только сильно обкутившись, дабы их, как они говорили, «проперло

не по-детски». Они, впрочем, быстро заскучали, когда он перестал, как бывало, обзывать негров, обличать евреев и бичевать иллиуминатов. В стане же «Белых героев, противостоящих красному экстремизму» было несколько бдительных членов, которые иногда звонили, чтобы проверить, по-прежнему ли на их взносы финансируется распространение истинного Американизма. Вот эти-то люди были чрезвычайно озадачены и наконец встревожены. Некоторые из них даже написали в штаб-квартиру БГПКЭ, расположенную в Мэд-Доге (штат Техас), жалуюсь, что в последнее время Американизм приобрел новые и странные черты. Однако президент БГПКЭ, доктор Хорас Найсмит, который одновременно возглавлял общества «Джон Диллинджер умер за тебя», «Ветераны сексуальной революции» и «Фонд Колосса Йорба-линдского», занимался всем этим, увы, исключительно ради денег и не тратил времени на изучение столь мелких жалоб. Сейчас он активно реализовывал новую схему сбора пожертвований, создавая «Организацию мужчин-шовинистов». Он надеялся выдоить много денег от поклонников Русса Мейера, подпольных акушеров, сутенеров, промышленников, которые выплачивали трудящимся женщинам тридцать процентов от зарплаты мужчин, и всех прочих, кому угрожало Женское освободительное движение.

Четвертая неделя выдалась вообще умопомрачительной! Канвера пространно рассуждал о погибшей цивилизации, которая некогда существовала в пустыне Гоби, и разоблачал тех, кто, подобно Брайону Гайсину, считали, что эта цивилизация сама себя уничтожила во время атомной войны. Он утверждал, что она была уничтожена, когда иллиуминаты прибыли на летающих тарелках с планеты Вулкан. Лозунг «Помните Аламо!» теперь сменился лозунгом «Помните Каркозу[16]!», ибо Канвера понял, что Амброз Бирс и Г. Ф. Лавкрафт в своих рассказах описывали именно это трагическое гобийское общество. Хиппи торжествовали: Канвера опять «гнал клевые телеги», принесшие ему некогда славу «народного героя». Особенно они одобрили его призыв к властям США отменить очередной полет на Луну и подготовить запуск карательной экспедиции на Вулкан, чтобы уничтожить иллиуминизм в зародыше и отомстить за погибшую Каркозу. Однако члены БГПКЭ снова расстроились; весь этот интерес к Каркозе казался им ползучей пропагандой «Единого мира».

На пятой неделе Канвере открылись новые горизонты, и он принялся обличать народные массы. Он объявил, что болваны сами заслужили, чтобы ими правили иллиуминаты, поскольку в большинстве своем они настолько глупы, что даже двумя руками не могут найти в темной комнате собственную задницу. Он просматривал томик Г. Л. Менкена (отправленный ему более года назад Эль Хадждж Старкерли Мохаммедом, урожденным Пирсоном, после одного из его призывов *вернуть молитву в школу*). Кроме того, он обдумывал предложение *примкнуть* к иллиуминатам. Этот документ, попавший к нему в конверте без обратного адреса, информировал его о том, что он слишком умен, чтобы всю жизнь прозябать в стане неудачников, и призывал перейти в лагерь победителей, пока еще не слишком поздно. Далее в документе сообщалось, что членские взносы в размере 3125 долларов следует положить в коробку из-под сигар и закопать на заднем дворе, после чего, как обещало письмо, «один из наших подпольных агентов с вами свяжется». Поначалу Канвера решил, что это очередной почтовый розыгрыш. Ему часто присылали порнографические карточки, розенкрейцерские брошюры с глазом в пирамиде на обложке и «письма от почитателей», подписанные такими именами, как *Элдридж Кливер, Фидель*

Кастро, Антон Шандор Лавэй или судья Кратер (и сочиненные, естественно, его слушателями с Линкольн-авеню). Но потом его осенило, что число 3125 — это *пять в пятой степени*, и он поверил в то, что с ним связался Настоящий Иллюминатус. Он снял со своего сберегательного счета 3125 долларов, закопал деньги согласно инструкции, записал проиллюминатское телефонное выступление, чтобы засвидетельствовать искренность своих намерений, и начал ждать. На следующий день он получил несколько пуль в голову и плечи, в результате чего по естественным причинам скончался.

(Снова в настоящем времени Ребекка Гудман входит в вестибюль отеля «Тюдор», откликнувшись на второй за день загадочный телефонный звонок, а Хагбард решает, что Джорджу Дорну перед Ингольштадтом требуется дальнейшая иллюминизация. Эсперандо Деспонд прочищает горло и говорит: «Я хочу объяснить вам математику распространения эпидемии...»)

На самом деле ни иллюминаты, ни бывшие соратники по БГПКЭ не имели ни малейшего отношения к смерти покойного Канверы. Этот парень начал практиковать ту философию сексуальной вседозволенности, которую излагал в своих послеаумовских телефонных выступлениях, и вступил в тайные сношения с Кассандрой Аккончи — любимой дочерью Рональда Аккончи, чикагского регионального руководителя «Божьей молнии» и многолетнего члена РХОВ. Через прокурора штата Майло А. Фланагана Аккончи договорился, чтобы местная Мафия пристрелила Канверу. Но люди умирают, а жизнь продолжается; вскоре обнаружилось, что сперматозоид Канверы сочетался законным браком с яйцеклеткой Кассандры в ее подтянутом животике. Ему всерьез угрожала опасность стать человеком.

Сол Гудман не подозревал, что номер, в котором он находился, раньше снимал Джордж Дорн; он лишь ощущал сильное нетерпение, не зная, что в этот момент Ребекка поднимается на его этаж в лифте... А в одной миле к северу Питер Джексон, все еще пытаюсь практически в одиночку свести июльский выпуск «Конфронтэйшн», ныряет в «отстойник» (так изящно в журнальном бизнесе называются рукописи, присылаемые авторами) и натывается на очередные последствия проекта АУМ, осуществленного Муном и Маликом в 1970 году. «Ортодоксальная наука: новая религия», — читает он. Ладно, проверим: а вдруг? Открыв страницу наугад, он натывается на абзац:

Более того, эйнштейновская концепция сферического пространства страдает тем же недостатком, что и концепция гладкой или абсолютно сферической Земли: в ее основе лежит иррациональное число *пи*. У этого числа нет операционного определения; на шкале измерительных инструментов инженера не найти такого места, куда можно ткнуть и сказать: «Это точное значение *пи*». Фактически в реальном мире нельзя найти число *пи*, и у нас есть исторические и археологические основания полагать, что некий греческий математик выдумал это число, находясь под влиянием галлюциногенного гриба *Amanita muscaria*. Это чистейший сюрреализм. Нельзя записать *пи* как реальное число; можно лишь аппроксимировать его как 3,1417... и т. д. Химия не знает таких единиц: три атома элемента могут присоединиться к четырем атомам другого элемента, но никогда не произойдет так, чтобы к чему-то присоединилось *пи* атомов. Квантовая физика показывает, что электрон может перескочить через три или четыре уровня, но не через *пи* уровней. Нет необходимости в числе *пи* и в геометрии, что бы ни утверждали наши учебники. Р. Бакминстер Фуллер создал целостную геометрическую систему, не менее достоверную, чем

геометрия древнегреческих «торчков». В ней число *пи* вообще не фигурирует. Это означает, что пространство может быть искривленным или складчатым, но никак не гладко сферическим...

— Что за бред пьяной сивой кобылы? — в сердцах произнес Питер Джексон. Он открыл последнюю страницу:

В заключение я хочу поблагодарить одного странного и незаурядного человека, Джеймса Маллисона, который пробудил во мне желание задуматься над этими вопросами. Собственно говоря, только благодаря моей встрече с мистером Маллисоном я продал свой скобяной бизнес, вернулся в колледж и начал изучать картографию и топологию. Хотя он религиозный фанатик (каким был и я на момент нашей встречи) и поэтому вряд ли оценит многие мои открытия по достоинству, только под влиянием этого необычного, эксцентричного и при этом выдающегося человека я занялся исследованием, которое привело меня к созданию новой теории Пентаэдрической Вселенной.

У. Клемент Котекс, доктор философии

— Ну и ну, — пробормотал Питер. Джо Малик иногда пользовался литературным псевдонимом «Джеймс Маллисон» — и вот вам, пожалуйста: еще один Джеймс Маллисон вдохновляет этого мужика стать доктором философии и создать новую космологическую теорию. Каким словом Джо, бывало, называл такие совпадения? Синхро...

(— 1472, — завершает невеселые математические расчеты Эсперандо Деспонд. — Это число случаев заражения, которые могли произойти к середине сегодняшнего дня, если после доктора Мочениго у девушки было всего лишь два контакта. Если же у нее было три контакта... — Лица агентов ФБР постепенно зеленеют. В двух кварталах от них находится единственный реальный контактер, Кармел, который занят тем, что запихивает в чемодан пачки денег.)

— Это он! — возбужденно восклицает вдова Эдварда Коука Бейкона, обращаясь к агенту ФБР Бэзилу Бангхарту в вашингтонском офисе. Она показывает на фотографию Альберта Штерна-Учителя.

— Мэм, — мягко произносит Бангхарт, — этого не может быть. Я вообще не понимаю, почему у нас до сих пор хранится его фотография. Это никчемный наркоман, он однажды попал в розыск, поскольку признался в убийстве, которого даже не совершал.

Художник ФБР в Цинциннати под руководством вдовы убитого мастера по ремонту телевизоров заканчивает рисовать портрет убийцы: постепенно на бумаге появляется лицо, в котором причудливо сочетаются черты Винсента Колла по кличке «Бешеный пес», Джорджа Дорна и вокалиста рок-группы «Американская медицинская ассоциация» (которая в этот момент садится на борт самолета, вылетающего из Международного аэропорта Кеннеди в Инголынтадт, чтобы выступить там с концертом). Ребекка Гудман, поднимаясь в лифте отеля «Тюдор», неожиданно вспоминает кошмар, снявшийся ей прошлой ночью: Сола убивает тот же певец, переодетый в красно-белую рясу монаха, а перед какой-то гигантской пирамидой танцует зайка из «Плейбоя». В Принстоне (штат Нью-Джерси) физик-ядерщик по имени Нильс Носферату, один из нескольких выживших после обстрела в утренней эпидемии убийств, невнятно лепечет детективу и полицейскому стенографисту, которые сидят у его кровати: «Тлалок засасывает. Им нельзя доверять. Следите за лилипутам. Нас сдвинут, как миленьких, когда пойдет слезоточивый газ. Веселиться так веселиться. Омега. Сначала с дельфинами познакомился брат Джорджа, и это была психическая приманка, на которую

его поймали. Она у двери. Она похоронена в пустыне. Нарушители будут уволены. Объедините силы. Держи шланг. Я найду Марка».

— Придется начать говорить тебе правду, Джордж, — нерешительно заговорил Хагбард, когда Лилипут, Кармел и доктор Хорас Найсмит столкнулись перед дверью отеля «Пески» («Смотри, козел, куда прешь», — выругался Кармел), и вот она стоит у двери, ее охваченное предчувствием сердце учащенно бьется, она стучит (а Питер Джексон начинает набирать номер Эписина Уайлдблада), и она уже не сомневается, но боится собственной уверенности, потому что может ошибаться, а Лилипут говорит доктору Найсмиту в адрес Кармела: «Ну и хамло», — дверь открывается, дверь офиса Майло О. Фланагана открывается, впуская Кассандру Аккончи, и ее сердце останавливается, а доктор Носферату выкрикивает: «Дверь. Она у двери. Дверь в пустыню. Он ест Кармелов», потому что там стоит он, и она падает к нему в объятия, рыдает, смеется и спрашивает: «Где ты был, милый?» А Сол закрывает позади нее дверь и тянет дальше в комнату.

— Я больше не коп, — говорит он. — Я на другой стороне.

— Что! — Ребекка заметила, что в его глазах появилось что-то новое. Что-то, для чего она не могла найти слов.

— Перестань волноваться, что снова сядешь на иглу, — весело продолжал он. — И если ты когда-нибудь боялась своих сексуальных фантазий, то зря. Они есть у каждого из нас. Сенбернары!

Но даже эти слова не показались ей такими же странными, как новое выражение в его глазах.

— Милый, — сказала она, — милый. Что это за чертовщина, черт поberi?

— Когда мне было два года, я хотел секса с отцом. В каком возрасте у тебя появились фантазии насчет сенбернара?

— По— моему, лет в одиннадцать или двенадцать. Как раз накануне первых месячных. Господи, должно быть, ты был намного дальше, чем я думала. — Она начинала догадываться, что означало новое выражение в его глазах. В них светился не интеллект: он был у него всегда. С трепетом она поняла: это было то, что древние называли мудростью.

— У меня всегда был такой же пунктик насчет чернокожих женщин, как у тебя — насчет чернокожих мужчин, — продолжал он. — Мне кажется, в этой стране это свойственно всем. Чернокожие точно так же относятся к нам. Я тут побывал в голове одного прекрасного чернокожего парня, музыканта, поэта, ученого, обладателя миллиона талантов, и понял, что белые женщины для него что-то вроде Священного Грааля. Что касается твоей фантазии со Спиро Агнью, то у меня была похожая по поводу Ильзе Кох, нацистской суки, жившей в те времена, когда тебя еще на свете не было. И в том, и в другом случае цель была одна — месть. Не реальный секс, а секс, замешанный на ненависти. Да, все мы слегка больные на голову. Ребекка отошла назад и села на кровать.

— Боюсь, для меня это слишком сложно и слишком быстро. Я понимаю, вижу, что ты меня не презираешь, но, Боже! Могу ли я жить, зная, что другому человеку известно каждое мое потаенное желание?

— Да, — спокойно сказал Сол. — И ты заблуждаешься насчет Времени. Я не могу знать каждый секрет, дорогая. У меня есть о них лишь общее представление. Я знаю обрывки. В настоящий момент можно насчитать человек двенадцать, которые таким же образом побывали в моем сознании, но ни одному из них я не стесняюсь смотреть в глаза. Потому что многие

вещи я знаю и о *них*\

Он рассмеялся.

— Все равно это слишком быстро, — сказала Ребекка. — Ты исчезаешь, а затем возвращаешься, зная обо мне такие вещи, которые я и сама знаю о себе лишь наполовину. И, кроме того, ты больше не полицейский... Что означает «я на другой стороне»? Ты примкнул к Мафии? К Моритури?

— Нет, — весело отозвался Сол. — Все гораздо масштабнее. Дорогая, лучшие промыватели мозгов в мире свели меня с ума, а потом собрали заново с помощью компьютера, который одновременно оказывает психотерапевтическую помощь, предсказывает будущее и управляет подводной лодкой. По ходу дела я узнал о человечестве и вселенной такие вещи, на пересказ которых уйдет целый год. И сейчас у меня мало времени, потому что я должен лететь в Лас-Вегас. Через два-три дня, если все будет хорошо, я смогу показать тебе, а не просто рассказать...

— А сейчас ты читаешь мои мысли? — перебила его Ребекка, все еще волнуясь и нервничая.

Сол снова рассмеялся.

— Это не так просто. Нужны годы тренировки, и даже тогда извлекаемая информация заглушается помехами, как в старом радиоприемнике. Если я сейчас «настроюсь», то выхватю мгновенный срез содержания твоего сознания, но полного резонанса все равно не будет, потому что с твоими мыслями смешаются мои мысли. Так что я не смогу узнать наверняка, какая часть этой картинки твоя.

— Попробуй, — попросила Ребекка. — Я почувствую себя спокойнее в твоём присутствии, если ты хотя бы примерно покажешь, кем ты стал.

Сол сел на кровать около нее и взял ее за руку.

— Ладно, — задумчиво сказал он. — Я буду делать это вслух, так что ты не бойся. Я все тот же человек, дорогая, только меня сейчас стало больше. — Он глубоко вздохнул. — Поехали... Пять миллионов баксов. Там, где я ее закопал, ее никогда не найдут. 1472. Джордж, не делай глупостей. Объедините силы. Долг платежом красен. Жидовских врачей Нью-Йорка. Помните Каркозу! Одна нога здесь, одна там, приковбойте. Все они возвращаются. Лечь на пол и сохранять спокойствие. Это Лига Наций, молодежная Лига Наций. Это для боя, а это — для отдыха[17]... *О Господи*, — прервался он и закрыл глаза. — Передо мной вся улица и я их вижу. Они по-прежнему поют. «Мы готовы к борьбе, мы все собрались, мы — Ветераны Секс-Революю-юююции!» *Что за бред!* — Он повернулся к ней и объяснил. — Понимаешь, это как много телевизоров сразу, и по каждому идет свой фильм. Я каким-то случайным образом выхватываю некоторые из них. Когда происходит такое «включение», как только что, это что-то важное; держу пари, что эта улица находится в Лас-Вегасе и через пару часов я пройду по ней сам. Ну вот, — добавил он, — по-моему, все это не твое. Ведь так?

— Не мое, — согласилась она, — и слава богу. Нужно время, чтобы привыкнуть. Когда ты говорил, что через несколько дней мне все покажешь, ты имел в виду, что покажешь мне, как это делается?

— Ты это уже делаешь. Все это делают. Всегда.

— Но?

— Но большую часть времени это просто фоновые шумы. Я научу тебя «включаться». Обучение избирательной настройке, то есть умению сконцентрироваться в нужный момент на нужном человеке, займет годы и даже десятилетия.

Наконец Ребекка улыбнулась.

— За эти полтора дня ты далеко продвинулся.

— Даже если бы прошло полтора года, — искренне сказал Сол, — или полтора столетия, я все равно пытался бы вернуться к тебе обратно сквозь время и пространство.

Она поцеловала Сола.

— Да, это все тот же ты, — сказала она, — только теперь тебя *больше*. Скажи, если бы мы оба изучали это долгие годы, то сумели бы выйти на такой уровень, чтобы постоянно читать мысли друг друга, полностью сонастроившись?

— Да, — сказал Сол. — Такие пары бывают.

— Хмм. Эти отношения интимнее, чем секс.

— Нет. Это *и есть* секс.

И вдруг Ребекку осенило, словно ей нашептал это едва слышный голос; она поняла, что какая-то ее часть уже знала, и всегда знала то, что собирался объяснить ей Сол.

— Твои новые друзья, которые обучили тебя всему этому, — тихо спросила она. — Они ведь оставили Фрейда далеко позади, да?

— Очень далеко. Вот, например, о чем я сейчас думаю?

— Вообще-то ты сейчас сексуально возбужден, — усмехнулась Ребекка. — Но об этом сообщил мне не фоновый шум и не телепатия. Просто каждая женщина со временем начинает понимать, что означает такое дыхание, и такой блеск в глазах, и другие признаки. И то, как ты ко мне придвинулся, когда я тебя поцеловала. Всякие штуки в таком роде.

Сол снова взял ее за руку.

— И как же я возбужден? — спросил он.

— *Очень* сильно. И вообще, ты уже понял, что у тебя достаточно времени, и *это* важнее разговоров...

Сол нежно коснулся ее щеки.

— Об этом рассказали тебе мои жесты, или фоновый шум, или телепатия?

— По-моему, фоновый шум помог мне понять жесты...Сол взглянул на часы.

— Ровно через пятьдесят минут я должен встретиться в вестибюле с Барни Малдуном. Хочешь послушать научную лекцию, пока со мной спишь? Такое извращение мы еще не пробовали. — Его рука соскользнула с ее щеки, коснулась шеи и начала расстегивать блузку.

(— В вашем здании Моритури устроили подпольный цех по изготовлению бомб, — решительно сказала Кассандра Аккончи. — На семнадцатом этаже. На табличке у звонка — та же фамилия, что и вас.

— Мой брат! — заревел Майло О. Фланаган. — Прямо у меня подносом! Чертов педик!)

«О, Сол. О, Сол, Сол», — Ребекка закрыла глаза, когда он сжал ртом ее сосок... *а доктор Хорас Найсмит пересек вестибюль отеля «Пески», прикрепив к лацкану пиджака значок «Ветераны Секс— Революции», и снова прошел мимо Лилипута...*

«Что ж, — сказал Президенту Генеральный прокурор, — конечно, один вариант — это бросить на Лас-Вегас *ядерную бомбу*. Но это не решит проблему возможных бациллоносителей, которые могли сесть на самолет и сейчас уже оказаться в любой точке мира». Пока Президент запивает три таблетки либриума, одну таблетку тофранила и таблетку элавила,

Вице-президент задумчиво спрашивает: «А что, если мы выдадим противоядие партийным работникам, да и дело с концом?» Он чувствует себя еще большим мизантропом, чем обычно, после ужасного вечера в Нью-Йорке, когда, руководствуясь своей природной импульсивностью, решился ответить на личное объявление в колонке «Знакомства», тронувшее его сердце...

(— Благодарю тебя, Кассандра, — пылко сказал Майло О. Фланаган. — Навек тебе признателен.)

— Долг платежом красен, — ответила Кассандра; она помнила, как Майло и Улыбчивый Джим Трепомена помогли ей сделать аборт, когда ее обрюхатил тот тип Канвера. Отец хотел отправить ее в Нью-Йорк на легальный аборт, но Майло сказал, что кое-кто весьма позабавится, когда узнает, что дочь высокопоставленного представителя РХОВ делает *официальный* аборт. «Кроме того, — добавил Улыбчивый Джим, — не хочешь же ты дразнить этих жидовских врачей из Нью-Йорка. От них можно ждать любую подлость. Доверься мне, деточка; мы найдем тебе самых лучших подпольных гинекологов в Цинциннати».

Но истинная причина, по которой Кассандра положила конец деятельности бомбового цеха Падре Педерастии, заключалась в том, что она хотела подложить свинью Саймону Муну, которого пыталась затащить в свою постель с тех пор, как впервые увидела полгода назад в кофейне «Дружелюбный незнакомец». Но Саймон на нее не клюнул, потому что его интересовали только чернокожие женщины. *Они* воплощали для него Священный Грааль.)

— Уайлдблад слушает, — послышался в трубке культурный голос, манерно растягивавший слова.

— Ты уже закончил рецензию? — спросил Питер Джексон, сминая в пепельнице очередной окурочек и в очередной раз вспоминая об угрозе рака легких.

— Да, и она тебе понравится. Я разгромил в пух и прах этих двух умников. — В словах Уайлдблада сквозило самодовольство и воодушевление. — Послушай вот это: «парочка ницшеанцев, мечтающая о психоделическом Сверхчеловеке». Или вот: «не сюжет, а сплошная пародия, характеры надуманы, а претензия на эрудицию оборачивается полнейшим блефом». Ну а здесь я их просто изничтожаю: «назойливое употребление непристойных слов, имеющее целью возмутить и шокировать читателя, приводит к тому, что читателю становится так же тягостно, как невольному свидетелю перебранки между рыбной торговкой и ее поставщиком-браконьером». Тебе не кажется, что эти фразы станут хитом сезона и будут цитироваться на всех вечеринках?

— Будем надеяться. А что, книга и впрямь такое барахло?

— Господи, да откуда же мне знать! Я ведь сказал тебе вчера, что она *длинная* до умопомрачения. Фактически это три тома. Ужасная нудота. Времени хватило лишь на то, чтобы ее пролистать. Но послушай-ка еще вот это: «Искушенные читатели сразу же поймут: если *«Властелин колец»* — сказка для взрослых, то эта монументальная абракадабра — сказка для параноиков». Это я намекаю на нелепую теорию заговоров, на которой построен сюжет книги, если здесь вообще есть сюжет. Ну, что скажешь, хорошо сформулировано?

— Спрашиваешь! — сказал Питер, вычеркивая из списка в своем блокноте графу «Книжное обозрение». — Пришли с курьером. Я оплачу.

Повесив трубку, Эписин Уайлдблад вычеркнул в своем блокноте графу

«Конфронтэйшн», увидел, что следующим в списке идет журнал «Тайм», и взял в руки очередную книгу, чтобы обессмертить ее своим убийственным остроумием. Он чувствовал себя еще большим мизантропом, чем обычно, проведя накануне ужасный вечер. Кто-то отозвался на газетное объявление Эписина насчет его «интереса к древнегреческой культуре», и он трепетал при мысли о завоевании новой задницы. Увы, «задницей» оказался Вице-президент Соединенных Штатов Америки, которого интересовали только разговоры о славных победах военной хунты, правившей в Афинах. Когда Эпи, уже почти лишившийся сексуальных надежд, попытался наконец перевести разговор на Платона, Випи [18] спросил: «А вы уверены, что он был греком? По-моему, фамилия типичного макаронника».

(Тобиас Найт и два других агента ФБР проталкиваются мимо Лилипута в поисках шлюх, которые могли побывать в постели доктора Мочениго прошлой ночью, а перед отелем марширует первый состав ВСР, или Бригада Хью М. Хефнера, возглавляемая самим Хорасом Найсмитом. Колонна марширующих поет: «Мы ветераны Секс-Революции. / Это винтовки, а вот наши ружья. / Это для боя, а это для отдыха. / Мы готовы к борьбе, мы все собрались, / Мы — Ветераны Секс-Революююююции!»)

Видишь, милая, в основе всего лежит секс, но не в том смысле, в каком считал Фрейд. Фрейд никогда по-настоящему не понимал секса. Вряд ли кто-нибудь понимает секс, за исключением нескольких разбросанных по миру поэтов. Любой ученый, у которого зарождается слабое подозрение, хранит молчание, потому что понимает: если произнести вслух то, о чем он догадывается, его с позором изгонят из научного цеха. Иди, я помогу расстегнуть. То, что мы сейчас испытываем, считается напряжением, а то, что будем испытывать после оргазма, считается расслаблением. О, какие они сладкие. Да, я знаю, я всегда это говорю. Но они и вправду сладкие. Сладкие, сладкие, сладкие. Ммм. Ммм. О, да, да. Просто поддержи его чуть-чуть вот так. Ага. Напряжение? Господи, да, именно об этом я и говорю. Как это может называться напряжением? Что общего у этого состояния с беспокойством, тревогой, волнением — всем тем, что мы называем напряжением? Это натяжение, а не напряжение. Это стремление вырваться, а напряжение — это стремление сдержаться. Две полярности. О, остановись на минутку. Дай мне самому это сделать. Тебе нравится? О, любимая, да, любимая, мне тоже нравится. Я чувствую себя счастливым, когда делаю счастливой тебя. Ты чувствуешь, мы пытаемся прорваться друг в друга сквозь кожу. Мы стремимся разрушить стены, стены, стены. Да. Да. Разрушить стены. Напряжение — это попытка поддержать стены, не пустить все, что снаружи, внутрь. Это полная противоположность. О, Ребекка. Я хочу снова их целовать. Они такие сладкие. Сладкие, сладкие сосочки. Ммм. Ммм. Сладкие. Такие большие и круглые. У тебя их два, и оба стоят, а у меня стоит только один. А здесь, здесь, тебе приятно, правда, и здесь у тебя тоже стоит. Хочешь, чтобы я не ласкал пальцем, а целовал? О, какой сладкий нежный животик, сладкий. Ммм. Ммм. Милая. Ммм. МММММ. Мм. Боже, Боже. Раньше ты никогда так быстро не кончала, о, я люблю тебя. Тебе хорошо? Мне так хорошо. Ну давай, всего одну минуточку. О, Боже, как мне нравится смотреть, когда ты это делаешь. Мне нравится смотреть, как он входит в твой рот. Господи, Боже мой, Ребекка, как мне приятно. Да, сейчас я его вставляю.

А вот и малыш Сол, вот он входит в тебя. А нравится ли он малышке Ребекке? Я знаю, знаю. Они любят друг друга, ведь так? Так же, как и мы любим друг друга. Она такая тепленькая, она встречает его с такой

нежностью. Ты тоже во мне. Именно это я и пытаюсь объяснить. Мое поле. Ты внутри моего поля, а я внутри твоего поля. Это поля, а не физический акт. Вот чего боятся люди. Вот почему они напряжены во время полового акта. Они боятся слияния этих полей. Это объединение сил. Боже, я больше не могу разговаривать. Давай чуть медленнее, ага, да, так лучше, правда? Вот почему у большинства людей все происходит так быстро. Они спешат и заканчивают физический акт еще до того, как зарядились их поля. Они никогда не ощущают эти поля. Они считают их метафорами, аллегориями, когда кто-нибудь, кто чувствует эти поля, рассказывает о них. Один ученый знал. Он умер в тюрьме. Позже я расскажу тебе о нем. Это великое табу, из которого произрастают все остальные табу. Они пытаются остановить не сам секс. Секс настолько мощная штука, что его нельзя остановить. Именно. Да, любимая. Вот так. Единение. Оно происходит в момент смерти, но даже тогда нас пытаются обокрасть. Это единение вычленили из секса. Вот откуда берутся фантазии. И половая распущенность. Искания. Черные, гомосексуализм, наши родители, люди, которых мы ненавидим, сенбернары. Всё. Это вовсе не неврозы и не извращения. Это искания. Отчаянный поиск. Каждый человек жаждет секса с врагом. Потому что ненависть тоже мобилизует поле. И потом. Ненависть. Безопаснее. Безопаснее любви. Любовь слишком опасна. Господи, Господи, я люблю тебя. Я люблю тебя. Я хочу глубже. Обопрись на мои локти, поддерживай себя моими руками. Да. Поэзия — это не образность. В смысле, это не ложь. Это правда, когда я говорю, что обожествляю тебя. Вне постели так не говорят. Вне постели обычно произносят только слово «любовь». Слово «поклонение» слишком пугает. Некоторые люди не могут произнести слово «люблю» даже в постели. Ищут, от партнера к партнеру. И никогда не могут сказать «люблю». Потому что не чувствуют любви. Они под контролем. И не разрешают нам ее познать, иначе игре конец. Их имя? У них миллион имен. У них монополия. Они сдерживаются. Они хотят искоренить любовь и среди всех остальных, контролировать. Контролировать всех и каждого из нас. Загнать в подполье, превратить в фоновый шум. Чтобы ничто не вырвалось. Вот как. Как это происходит. Любимая. Сначала они задавили телепатию, потом секс. Вот откуда берутся шизофреники. Сладкая моя. Почему у шизофреников сначала появляются сексуальные просветления? Почему гомосексуалисты разбираются в оккультных штуках? Разрушаешь одно табу, подходишь ближе к другому. Наконец полностью разрушаешь стену. Вырываешься. Как мы с тобой, вместе. У них так не бывает. Приходится нас разделять. Всегда разделение и раскол. Белые против черных, мужчины против женщин, во всем твердость и последовательность. Держать нас врозь. Не разрешать нам сливаться. Превратить секс в грязь. Еще несколько минут. Еще немножко. Мой язык в твоём ушке. О, Боже. Скоро. Так быстро. Это чудо. Все общество обучено. Не допускать. Уничтожать любовь. О, как я тебя люблю. Поклоняюсь тебе. Обожаю тебя. Ребекка. Красавица моя, красавица. Ребекка. Они хотят не дать нам. Объединить. Силы. Ребекка. Ребекка. Ребекка.

Трип седьмой, или Нецах

Хотя Лилипут, которого звали Маркофф Чейни, не состоял в родстве с знаменитыми Чейни из Голливуда, его имя *всегда* было предметом нескончаемых шуток. По мнению гигантского и глупого большинства,

довольно плохо родиться уродом. Но еще хуже носить фамилию, которая в сознании этих крупногабаритных болванов ассоциируется с двумя самыми знаменитыми исполнителями ролей безобразных чудовищ[19]. К пятнадцати годам у Лилипута выработалось стойкое отвращение к «нормальным людям», причем в относительных единицах это отвращение было масштабнее мизантропии Павла Тарсянина, Климента Александрийского, Свифта Дублинского и даже Роберта Патни Дрейка. Он жаждал отмщения. Справедливого отмщения.

Уже обучаясь в колледже (Антиохском, Йеллоу-Спрингс, 1962 год), Маркофф Чейни обнаружил еще одну скрытую шутку в своем имени, и если учесть, что ему предстояло стать самой большой головной болью для иллиуминатов, это произошло при весьма примечательных обстоятельствах. Шла лекция по математике, и поскольку дело было в Антиохском колледже, два студента, сидевшие сзади Лилипута, не обращали ни малейшего внимания на профессора, обсуждая собственные интеллектуальные открытия. Поскольку речь, опять-таки, идет об Антиохии, они лет на шесть опережали интеллектуальные способности обычных среднестатистических умников страны. Они рассуждали об этологии.

— Поэтому у нас сохранились такие же инстинкты, как у наших предков приматов, — говорил один студент (родом из Чикаго, по фамилии Мун, чокнутый даже по антиохским меркам). — Но мы накладываем на них культуру и закон. Вот почему мы раздваиваемся, врубаешься? Можно сказать, — голос Муна выдавал явную гордость за афоризм, который он собирался произнести, — что человечество — это законопослушные приматы.

— ...и, — сказал в этот момент старый профессор Фред Диджитс, — когда такой связанный ряд событий появляется в случайном процессе, мы получаем то, что называется «цепью Маркова»[20]. Надеюсь, в связи с этим мистер Чейни не станет объектом шуток до конца семестра, хотя связанный ряд его появлений на лекциях действительно кажется элементом чисто случайного процесса.

Аудитория грохнула; черный список Лилипута пополнился очередной группой людей, которых он когда-нибудь заставит жрать дерьмо.

В сущности, насмешки над ним не утихали ни на лекциях по математике, ни на других лекциях. Бывали времена, когда он просто не мог находиться рядом с гигантами, и тогда он прятался в своей комнате, раскрыв гармошку вкладыша «Плейбоя», и мастурбировал, мечтая о миллионах и миллионах цветущих молодых женщин, сложенных как модели из журнала. Однако сегодня «Плейбой» ему не помог; хотелось чего-то похабнее. Прогуливая следующую лекцию по анатомии человека (всегда исправно ставившей его в униженные положения), он поспешно пересек Дэвид-стрит, прошел мимо Атланты Хоуп, не обратив на нее ни малейшего внимания, ворвался в свою комнату и закрыл за спиной дверь на цепочку.

Черт бы побрал этого старого Диджитса, и всю математическую науку с ее прямыми, квадратами, средними, всем измеряемым миром, который считает его аномалией, случайным фактором. Раз и навсегда, уже не в фантазиях, а в глубине души он объявил войну законопослушным приматам, закону и порядку, предсказуемости, негативной энтропии. В любом уравнении он всегда будет случайным фактором; и с этого дня до самой его смерти будет идти гражданская война: Лилипут против Диджитса[21].

Он вытащил порнографическую колоду карт Таро, которой пользовался, когда для получения оргазма нуждался в дичайших фантазиях, и аккуратно

их перетасовал. «Начнем, пожалуй, с маркоффчейнианской мастурбации», — подумал он, злобно усмехаясь.

Вот так, без всяких контактов с Легионом Динамического Раздора, Эридианским Фронтом Освобождения и даже Древними Жрецами Единого Мумму, Маркофф Чейни начал свой крестовый поход против иллюминатов, даже не подозревая об их существовании.

Его первое конкретное действие — реальное взятие бастиона — началось в Дейтоне в следующую субботу. В «Нортоне», знаменитом магазине грошовых товаров, он увидел вывеску:

ПРОДАВЦЫ НЕ ИМЕЮТ ПРАВА ПОКИДАТЬ ЗАЛ
БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ СТАРШЕГО.
АДМИНИСТРАЦИЯ

«Вот как? — подумал он, — бедные девочки должны писать в трусики, если не смогут найти начальство?» Он вспомнил школьные годы («Разрешите выйти из класса, сэр?») и ритуалы, казавшиеся бессмысленными, внезапно обрели какой-то жуткий смысл. Разумеется, математический. Они пытаются низвести всех нас до уровня предсказуемых устройств, роботов. Ха! Не зря он целый семестр посещал интенсивный курс текстуального анализа современной поэзии. В очередной вторник Лилипут вернулся в «Нортон» и спрятался в большом электрическом кофейнике, дожидаясь, когда уйдут сотрудники и универмаг закроется. Через несколько мгновений он снял со стены вывеску и повесил вместо нее другую:

ПРОДАВЦЫ НЕ ИМЕЮТ ПРАВА ПОКИДАТЬ ЗАЛ
ИЛИ ПОДХОДИТЬ К ОКНУ
БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ СТАРШЕГО.
АДМИНИСТРАЦИЯ

В последующие несколько недель он регулярно заходил в универмаг. Вывеска оставалась на месте. Так он и думал: в строгой иерархии никто не ставит под сомнение приказы, якобы спускаемые сверху, а те, кто находится наверху, настолько далеки от реальной рабочей ситуации, что никогда не *видят* происходящего внизу. Социальный процесс определяется не средствами производства, а цепочками коммуникации. Маркс заблуждался, не владея инструментом кибернетики. В этом он был похож на инженеров его эпохи, которые рассматривали электричество с точки зрения совершенной работы, пока Маркони не стал рассматривать электричество с точки зрения передаваемой информации. С тем, что подписано словом «Администрация», никто никогда не станет спорить; Лилипут всегда мог выдать за эту Администрацию самого себя!

Вместе с тем он обратил внимание, что сотрудники выглядели более раздраженными; покупатели это ощущали и сами становились брюзгливее. Уровень продаж, как он и предполагал, снизился. Это была своего рода извращенная поэзия. «Дополненная» Лилипутом фраза с ее спотыкающимся ритмом и идиотским смыслом беспокоила всех, но лишь на подсознательном уровне. Впрочем, пусть в этом разбираются маркетологи и статистики с их компьютерами...

Его отец был владельцем акций в корпорации «Блю Скай», обычно считавшейся самой бесперспективной на фондовой бирже (она производила

устройства, которые предполагалось использовать при посадке на планеты со слабой гравитацией); однако курс акций стремительно взлетел, когда Джон Фицджеральд Кеннеди объявил, что до наступления 1970 года США отправят человека на Луну. Теперь у Лилипута был гарантированный ежегодный доход, составлявший три тысячи шестьсот долларов в год, то есть триста долларов в месяц. Для его целей этого было достаточно. Он жаждал мщения.

Ведя спартанский образ жизни, зачастую ограничиваясь в обед банкой сардин и пинтой молока из автомата и всегда путешествуя междугородным автобусом, Лилипут непрерывно объезжал страну, при всяком удобном случае вывешивая свои «усовершенствованные» сюрреалистические объявления. В его фарватере медленно поднималась волна анархии. Иллюминаты ни разу его не засекли: его маленькое эго не поддавалось обнаружению, потому что он сжигал себя изнутри, движимый внутренним импульсом, как диктатор или великий художник, хотя, в отличие от них, у него не было жажды признания. Долгие годы иллюминаты приписывали его «шалости» дискордианцам, ДЖЕМа и эзотерическому ЭФО. Пламя, поднимавшееся над Детройтом, Бирмингемом, Буффало и Ньюарком, перекидывалось на те города Америки, в универмагах которых зажигались вывески Лилипута. Сто тысяч демонстрантов маршировало к Пентагону и некоторые из них пытались изгнать Демона (иллюминаты в последнюю минуту успели предотвратить изгнание, не позволив им замкнуть круг); съезд Демократической партии проводился за колючей проволокой; в 1970 году комитет Сената объявил, что за год произошло три тысячи взрывов бомб, в среднем по десять взрывов в день; к 1973 году группы Моритури появились в каждом колледже и каждом пригороде; появлялась и возвращалась Симбионская Армия Освобождения; вскоре Атланта Хоуп уже не могла держать под контролем «Божью молнию», которая занялась собственной разновидностью терроризма гораздо раньше, чем входило в планы иллюминатов.

— Где-то заложен случайный фактор, — сказали специалисты в «Международном обществе иллюминатов».

— Где-то заложен случайный фактор, — сказал Хагбард Челине, изучая выходные данные БАРДАКа.

— Где-то заложен случайный фактор, — мечтательно произнес вождь ЭФО Дили-Лама в своем подпольном убежище под Дили-плазой.

Водители на коварных горных дорогах растерянно чертыхались, глядя на дорожные указатели, гласившие:

ОСТОРОЖНО: СКОЛЬЗКАЯ ДОРОГА
ОГРАНИЧЕНИЕ СКОРОСТИ 50 МИЛЬ В ЧАС
ЗОНА КАМНЕПАДА
НЕ СОРИТЬ

Люди, платившие огромные вступительные взносы, чтобы стать членами элитарных клубов с безукоризненно вышколенными официантами, были смутно обескуражены, замечая в клубах таблички:

СЛЕДИТЕ ЗА ШЛЯПОЙ И ПАЛЬТО
ЗА ПРОПАВШИЕ ВЕЩИ АДМИНИСТРАЦИЯ КЛУБА
ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕ НЕСЕТ

В свободное время Лилипут колдовал над электроникой. По всей стране пешеходы нерешительно мялись на тротуарах, когда на электрических табло загорался знак «ИДИТЕ», а на светофоре зажигался красный свет, и наоборот, когда сигнал светофора становился зеленым, а электронное табло требовало: «СТОЙТЕ». Его деятельность разветвлялась и расширялась; после того как он проводил целую ночь за ксероксом, сотрудники фирм впадали в замешательство, получая ранним утром служебные записки следующего содержания:

1. Все заявления на отпуск должны сдаваться в отдел кадров в трех экземплярах не менее чем за три недели до планируемого начала отпуска.

2. Все сотрудники, которые вносят изменения в планируемый отпуск, должны уведомить отдел кадров, заполнив форму 1472 «Изменение планов на отпуск», и сдать ее за три недели до изменения планов.

3. Все отпуска должны быть одобрены начальником отдела и могут быть изменены, если они входят в конфликт с планируемыми отпусками сотрудников высшего звена и (или) сотрудников, имеющих большой стаж работы.

4. Начальники отделов имеют право в любой момент извещать об обмене планируемых отпусков при условии, что сотрудника уведомляют за сорок восемь часов, то есть за два рабочих дня, или раньше, в зависимости от обстоятельств. (Сотрудникам, пересекающим Международную линию перемены дат, см. форму 2317.)

5. Сотрудникам не разрешается обсуждать планы на отпуск с другими сотрудниками или обмениваться датами отпусков.

6. Эти несколько простых правил избавят сотрудников от ненужных разногласий и разочарований, и если мы все будем сотрудничать, лето пройдет гладко.

Администрация

26 апреля того года, когда иллюминаты пытались имманентизировать Эсхатон, Лилипут почувствовал боль, колики, тошноту, резь в глазах, онемение в ногах и головокружение. Он отправился в гостиничный медпункт, и сразу после описания симптомов его срочно повезли в закрытой машине к зданию, фасад которого занимал магазин «Куклы-качины индейцев хопи», а в задней части находилась лас-вегасская контора ЦРУ. К тому времени у него сильно поднялась температура, но он услышал, как кто-то сказал: «Ха, здесь мы опередили ФБР и *водопроводчиков*. Затем ему сделали укол, и когда его состояние начало улучшаться, к нему неожиданно подсел седой дружелюбный мужчина, который поинтересовался, как звали *девушку*.

— Какую девушку? — раздраженно спросил Лилипут.

— Послушай, сынок, мы знаем, что ты был с девушкой. Это она тебя наградила.

— Триппером? — ошарашенно спросил Лилипут.

Если не считать невинных забав с порнографическими картами Таро, он все еще был девственником (все женщины-великанши относились к нему свысока, а все женщины-лилипутки ему претили; великанши были для него Священным Граалем, но ему всегда не доставало смелости подойти хотя бы к одной из них).

— Никогда не думал, что триппер такая паршивая штука, — добавил он, зардевшись.

Больше всего он боялся, что кто-нибудь узнает о его девственности.

— Нет, это не триппер, — сказал добрый человек (манеры которого ничуть не притупили бдительности Лилипута; он понимал, что если седому не удастся его расколоть, для допроса пришлют грубого копа: игра в доброго и злого следователя, старинная полицейская забава). — У этой девушки, я бы сказал, редкое заболевание. Мы сами из министерства здравоохранения США.

Учтивый человек показал ему липовое удостоверение, чтобы «доказать» истинность последнего утверждения. «Дело дрянь», — подумал Лилипут.

— Так вот, — продолжал приветливый пожилой человек, — мы должны ее найти и проследить, чтобы она приняла противоядие, иначе этой болезнью заболеет много народу. Вы меня понимаете?

Лилипут понимал. Этот парень был из военной разведки или из ЦРУ, и они хотели опередить ФБР и приписать заслуги себе. Очевидно, вирус этого заболевания намеренно создавался в рамках государственной программы. Но в одной из военных биологических лабораторий произошла непредвиденная «утечка» вируса, и теперь они должны успеть замести следы, пока об этом не узнала вся страна. Он колебался: ни в одном из своих проектов он не ставил перед собой сознательную цель доводить людей до смерти, он лишь хотел сделать так, чтобы жизнь великанов стала чуть более непредсказуемой и пугающей.

— Министерство здравоохранения США навсегда останется вам благодарно, — торжественно сказал по-отечески ласковый человек, лукаво прищурив глаза. — Не часто *маленький* человек получает возможность выполнить такую *большую* работу для нашей страны.

Последние сомнения отпали.

— Ладно, — сказал Лилипут. — Она блондинка, на вид лет примерно двадцати пяти, сказала, что ее зовут Сара. На шее у нее рубец от шрама — видимо, кто-то однажды пытался перерезать ей горло. Рост... дайте подумать... где-то сто шестьдесят пять сантиметров, а вес — около пятидесяти килограммов. И она превосходно угадывала мои желания, — закончил он, полагая, что весьма достоверно обрисовал шлюху из Лас-Вегаса. Лилипут лихорадочно размышлял: *они* не допустят, чтобы люди, знающие эту тайну, гуляли на свободе. Ему ввели антидот для того, чтобы он не умер, пока его не допросят. Нужны гарантии!

— Да, есть еще одна примета, по которой ее можно найти, — сказал он, — я только что вспомнил. Но сначала хотелось бы кое-что вам объяснить насчет людей ростом ниже среднего. Мы очень сексуальны. Видите ли, наша половая железа, или как там она называется, чрезмерно активна — именно потому, что не работает железа, вырабатывающая гормоны роста. Поэтому мы в сексуальном плане ненасытны. — Он выдал эту информацию экспромтом и был чрезвычайно доволен своей выдумкой. Он рассчитывал на утечку информации; перед его глазами возникло дивное видение пресыщенных богатых женщин, балдеющих от лилипутов, как прежде от негров. — Так что сами понимаете, — продолжал Лилипут, — я продержал ее достаточно долго, требуя еще, и еще, и еще. Наконец она сказала, что ей придется поднять цену, потому что ее дожидается другой клиент. Я не мог себе позволить дополнительные расходы и поэтому отпустил ее. — *А теперь главный козырь.* — И она назвала его имя. Она сказала: «Джо Блоц озверевает, если я его обману». Вот только зовут его не Джо Блоц.

— А как?

— В том-то и дело, — печально проронил Лилипут. — Не могу вспомнить.

Но если вы на некоторое время оставите меня одного, — заверил он с большим оптимизмом, — возможно, мне удастся его вспомнить. — Он уже планировал побег.

А сутками раньше Джордж Дорн, цитируя Пилата, вопрошал: «Что есть Истина?» (Как раз тогда Барни Малдун терял время в холле отеля «Тюдор», дожидаясь, пока Сол завершит, по его словам, «очень важный, очень личный разговор» с Ребеккой. Нкрумах Фубар экспериментировал с куклой вуду президента компании «Американ экспресс», помещая ее в тетраэдр — их компьютер по-прежнему досаждал ему по поводу счета, который он оплатил более двух месяцев назад, в те самые сутки, когда Мочениго по прозвищу «Мыльный» приснился вирус «антракс-лепра-пи». Р. Бакминстер Фуллер, не ведая об этом новом витке развития его геодезической революции, читал лекции в лондонском Королевском архитектурном институте, заодно объясняя, почему в реальном мире нет существительных. Августейший Персонаж дышал в телефонную трубку. Пирсон Мохаммед Кент воодушевленно совокуплялся с женщиной, которая была не только белой, но и из Техаса. Сам Лилипут говорил доктору Найсмицу в адрес Кармела: «Ну и хамло!» А остальные наши герои занимались самыми разными делами, отдаваясь своим хобби, пристрастиям, маниям и выполняя священные миссии.) Но Хагбард с нехарактерной для него серьезностью говорил: «Истина — это противоположность лжи. Противоположность большей части того, что ты слышал всю жизнь. Противоположность большей части того, что ты слышал от меня».

Они находились в шикарной каюте Хагбарда, стены которой были расписаны осьминогами и другими морскими чудовищами, казавшимися Джорджу после всего пережитого в ныне разрушенном особняке Дрейка крайне неаппетитными. Хагбард, как обычно, был одет в свитер-водолазку и свободные брюки; на этот раз свитер был сиреневый и придавал ему странный вид, какой-то немужской. Джордж вдруг вспомнил, как Хагбард однажды признался насчет гомосексуализма: «Разумеется, я это пробовал», — но потом сказал, что женщин любит больше. (Господи, неужели это было всего двое суток назад?) Джорджу было интересно, что можно почувствовать, «попробовав это». И хватило бы у него на «это» когда-нибудь смелости?

— В какой конкретно лжи, — осторожно спросил он, — ты собираешься признаться?

Хагбард раскурил трубку и протянул Джорджу.

— Гашиш «черный аламут», — хрипло сказал он, удерживая дым в себе. — Личный рецепт самого Хасана ибн Саббаха. Творит чудеса, когда на тебя наваливается тяжелая метафизика.

Джордж затянулся и ощутил мгновенный приход, как от кокаина или другого стимулятора переднего мозга.

— Господи, какая дурь сюда намешана? — выдохнул он, когда кто-то словно зажег яркие огни в каюте цвета морской волны с золотом и на клевом сиреневом свитере.

— А, — небрежно проронил Хагбард, — чуток беладонны и дурмана. Видишь ли, таков был древний секрет Хасана. Вся эта чушь, описанная во многих книгах, что он якобы давал своим последователям гашиш, а те, никогда прежде его не пробовавшие, считали это магией, — совершенно антиисторична. На Востоке гашиш употребляли со времен неолита. При раскопках археологи находят его в гробницах. Видимо, наши предки, хороня

своих жрецов, снабжали их запасом гашиша, чтобы облегчить им переговоры с богами, когда они попадут на Большую Сахарную Гору, или куда там они, по их мнению, отправлялись. Оригинальность рецептуры Хасана состояла в том, что он смешивал гашиш с правильно подобранными химическими «родственниками», чтобы вызвать новый синергический эффект.

— Что значит *синергический*! — медленно протянул Джо, впервые за все время пребывания на «*Лейфе Эриксона*» ощущая, что его укачивает.

— Не сводимый к сумме компонентов. Это когда ты складываешь вместе два и два, но вместо четырех получаешь пять. В своих геодезических куполах Бакминстер Фуллер все время использует штуки, вызывающие синергические эффекты. Вот почему его купола намного прочнее, чем кажутся. — Хагбард сделал очередную затяжку и снова передал трубку Джорджу. Тот затянулся и хихикнул.

— Так я и знал. Вместо того чтобы с помощью этой чертовой *пруджни*, или как там ее, шпионить за иллюминатами, ты, оказывается, просто очередной грязный старикашка. Ты используешь ее, чтобы заглядывать в чужие головы.

— *Головы?* — рассмеялся Хагбард. — Я никогда не лезу в *головы*. Кому интересно наблюдать, как люди избавляются от продуктов своей жизнедеятельности.

— Мне казалось, ты собирался быть Сократом, — простонал Джордж в перерыве между истерическими взрывами смеха, — а я был готов войти в образ Платона, или хотя бы Главкона, или кого-нибудь из второстепенных персонажей. Но ты такой же обдолбанный, как и я. Ты не сообщишь мне ничего важного. Ты способен только сочинять дурацкие каламбуры.

— Каламбур, — ответил Хагбард с достоинством (слегка умяемым произвольными судорожными смешками), — сильнее меча. Как однажды сказал Джеймс Джойс.

— Ты педантичен.

— А можно я буду семантическим?

— Да. Семантическим — пожалуйста. Или античным. Но не педантичным.

— Так на чем мы остановились?

— На Истине.

— Да. Хм, Истина похожа на марихуану, мой мальчик. Неходовой товар.

— У меня начинается эрекция.

— У тебя тоже? Так оно всегда и бывает. По крайней мере, когда куришь «черный аламут». Сначала тошнота, потом микроамнезия, затем приступ смеха и далее сексуальное возбуждение. Потерпи. Потом начнется прояснение. Тогда мы сможем говорить об Истине. Как будто мы не говорим о ней всегда.

— Ты крутой гуру, Хагбард. Иногда ты кажешься даже глупее меня.

— Если бы здесь был Малаклипс Старший, он бы тебе кое-что порассказал о некоторых других гуру. И гениях. Ты думаешь, Иисус никогда не мастурбировал? Шекспир никогда не бился в пьяной истерике в таверне «Русалка»? Будда никогда не ковырял в носу? А у Ганди никогда не было вшей?

— У меня все еще стоит. Нельзя ли отложить философию, пока я разыщу Стеллу — в смысле Мэвис?

— Вот тебе и Истина.

— Какая Истина?

— На уровне коры мозга тебе не все равно, кто это будет: Стелла или

Мэвис. На уровне половых желез тебе без разницы. Сойдет даже моя бабка.

— Это не Истина. А просто дешевый грубый фрейдистский цинизм.

— О, да. Ты видел мандалу с Мэвис.

— А ты каким-то образом заглядывал в мои мозги. Грязный вуайер.

— Познай себя.

— Наш диалог никогда не выйдет на уровень «Диалогов» Платона, даже через миллион лет. Мы оба укурились в хлам.

— Я люблю тебя, Джордж.

— По— моему я тоже тебя люблю. Ты такой... ошеломляющий. Все тебя любят. Мы будем трахаться?

(Мэвис говорила: «Сотри сперму со штанов». Воображаемая Софи Лорен, когда он мастурбировал. Или воображающая, что он мастурбировал, тогда как в действительности...)

— Нет, тебе это не нужно. Ты начинаешь вспоминать, что на самом деле произошло в тюрьме Мэд-Дога.

«О, нет». Огромный, змеевидный член Койна... боль... удовольствие...

— Боюсь, что это так.

— Вот черт, теперь я никогда не узнаю. Было ли это на самом деле или ты ввел это в мои мозги? Воображал ли я, что ничего не было тогда, или вообразил это изнасилование только сейчас?

— Познай себя.

— Ты сказал это дважды или я услышал дважды?

— А как ты думаешь?

— Не знаю. Сейчас не знаю. Просто не знаю. Это такая техника гомосексуального совращения?

— Возможно. Возможно, это заговор с целью убийства. Возможно, я подвожу к тому, чтобы перерезать тебе горло.

— Я не против. У меня всегда была огромная жажда самоуничтожения. Как у всех трусов. Трусость — это защитный механизм против суицида.

Хагбард рассмеялся.

— Я никогда не знал ни одного молодого человека, который бы поимел столько женщин и так часто рисковал своей жизнью. А ты тут сидишь и все беспокоишься: а вдруг тебя правильно дразнили, когда ты впервые начал отращивать волосы в подростковом возрасте.

— Сосунок. Так меня называли в старом добром Натли, штат Нью-Джерси. Это слово одновременно подразумевало «педик» и «трус». С тех пор я никогда не стриг волосы: доказывал, что *им* не запугать *меня*.

Ага. Я сейчас отслеживаю чернокожего парня, музыканта, который самозабвенно трахает белую леди, нежный цветок Техаса. Отчасти потому, что она действительно ему нравится. Но отчасти потому, что, возможно, у нее есть брат, который будет гоняться за ним с пистолетом. Он доказывает, что *им* не запугать *его*.

— И в этом Истина? Мы тратим всю нашу жизнь, доказывая, что нас нельзя запугать? И при этом мы всю жизнь запуганы на другом уровне? — Цвета снова приобрели яркость и глубину; таков уж этот полет. Всякий раз, когда ты считаешь себя пилотом, тебя уносит в неожиданном направлении, чтобы напомнить: ты всего лишь пассажир.

— Это часть Истины, Джордж. Другая часть заключается в том, что всякий раз, считая себя запугиваемым, на каком-то другом уровне ты бунтуешь. О, какие же иллюминаты на самом деле идиоты, Джордж! Когда-то я собирал статистику по количеству несчастных случаев на производстве,

выбрав для исследования город Бирмингем в Англии. Затем ввел все полученные статистические данные в БАРДАК и получил именно то, что ожидал. Саботаж. Бессознательный саботаж. Каждый несчастный случай был скрытым бунтом. Все люди, мужчины и женщины, бунтуют, но мало у кого хватает смелости в этом признаться. Все остальные противодействуют системе с помощью несчастных случаев, ха-ха-ха, или по глупости, еще раз ха-ха-ха! Дай-ка я кое-что тебе расскажу об индейцах, Джордж.

— О каких индейцах?

— Ты когда-нибудь задумывался, почему все работает плохо? Почему кажется, что во всем мире царит полный бардак?

— Конечно. Мне кажется, все задумывались.

— Да, ты прав. Извини, мне надо еще курнуть. Через некоторое время я войду в БАРДАК и мы сольемся с ним мозгами, буквальным образом: я прикреплю к вискам электроды и попытаюсь отследить проблему в Лас-Вегасе. Я не трачу все свое время на беспорядочный вуайеризм, — с достоинством изрек Хагбард.

Он снова набил трубку, обиженным тоном спросив:

— На чем я остановился?

— На индейцах в Бирмингеме. Как они туда попали?

— Никаких гребаных индейцев в Бирмингеме не было. Не путай меня.

Хагбард сделал глубокую затяжку.

— Ты сам путаешься. По-моему, у тебя вообще башню снесло.

Кто бы говорил! — Хагбард снова глубоко затянулся. — Так вот, индейцы. В Бирмингеме индейцев не было. Бирмингем был городом, в котором я проводил исследование, убедившее меня, что большинство несчастных случаев на производстве — это бессознательный саботаж. Как, держу пари, и большинство неправильно составленных документов у чиновников. Индейцы — это другая история. Когда-то, впервые приехав в вашу страну и еще не занимаясь пиратством, я был адвокатом. Обычно, Джордж, я в этом не признаюсь. Как правило, я рассказываю, что работал тапером в публичном доме, и это производит более благоприятное впечатление, чем *такая* правда. Если захочешь узнать, почему государственный сектор так неэффективен, вспомни о двухстах тысячах юристов, работающих на современную бюрократию.

А те индейцы были из племени шошонов. Я защищал их от Великого Земельного Вора, который претенциозно называет себя в Вашингтоне Государством. Мы провели совещание. Знаешь, что такое совещание по-индейски? Иногда молчание длится часами. Хорошая форма йоги. Когда наконец кто-то открывает рот, можешь не сомневаться, что он будет говорить *от сердца*. В избитом киношном штампе «белый человек думает одно, а говорит другое» большая доля правды. Чем больше ты говоришь, тем больше разыгрывается твое воображение, приукрашивая факты. Я один из самых многословных людей среди живущих и один из самых страшных лжецов. — Хагбард снова затянулся и только потом вопросительно протянул трубку Джорджу; Джордж покачал головой. — Но история, которую я хотел тебе поведать, связана с археологом. Он разыскивал следы индейцев, живших в Северной Америке еще до экологической катастрофы, которая произошла за десять тысяч лет до нашей эры. Он обнаружил насыпь, которую принял за курган, и попросил разрешения провести в ней раскопки. Индейцы посмотрели на него. Они посмотрели на меня. Они посмотрели друг на друга. Затем заговорил их старейшина и очень торжественным голосом дал ему

такое разрешение. Археолог взял свою кирку, лопату и пошел к кургану с видом Джона Генри, бросающего вызов паровому буру. Через две минуты он исчез. Провалился прямоком в выгребную яму. После чего индейцы рассмеялись.

А теперь *грокай*, Джордж. Я знал их лучше любого белого человека. Они учились доверять мне, а я — им. Но когда они разыгрывали свою маленькую шутку, я сидел рядом и нимало не подозревал о возможном подвохе. Хотя уже тогда я начал открывать в себе телепатический дар и даже учился искусству концентрации мысли. Задумайся об этом, Джордж. Задумайся о всех чернокожих с их бесстрастными лицами, которых ты встречал. Задумайся, что всякий раз, когда чернокожий совершал какой-нибудь поразительно, ну просто фантастически глупый поступок, ты ощущал расовую неприязнь — которой, как радикал, конечно же, стыдился — и начинал подумывать, что, может быть, они *и впрямь* стоят на низшей ступени развития. А еще подумай о том, что девяносто девять процентов женщин белой расы, кроме норвежек, все время ведут себя как Глупые Квочки или как Мэрилин Монро. Задумайся об этом на минуту, Джордж. Задумайся.

Воцарилось молчание, которое, казалось, растягивалось в какой-то длинный коридор почти буддийской пустоты — *наконец-то!* Джордж увидел этот проблеск Пустоты, которую пытались описать всего его дружки-кислотники, — и затем вспомнил, что это было не то, к чему его подталкивал Хагбард. Но молчание затягивалось, успокаивая дух, словно штиль в торнадо этих последних нескольких дней, и Джордж внезапно осознал, что размышляет абсолютно бесстрастно, не испытывая ни надежды, ни страха, ни самодовольства, ни чувства вины; и если не совсем уж без эго, не в состоянии абсолютной *даршаны*[22], то, по крайней мере, без того разгоряченного и ненасытного эго, которое обычно либо выскакивает вперед, либо отступает перед голыми фактами. Он созерцал свои воспоминания, сохраняя безразличие, объективность, душевный покой. Он размышлял о чернокожих и женщинах и об их тонкой мести Хозяевам, актах саботажа, которые не распознаются как таковые, поскольку принимают форму актов подчинения. Он размышлял об индейцах из племени шошонов и их грубой шутке, удивительно похожей на шутки всех угнетенных людей в любой точке мира; он внезапно понял смысл Карнавала, и «Пира Дураков», и Сатурналий, и Рождественской Вечеринки в Офисе, и всех прочих ограниченных, позвольительных, структурированных событий, в которых допускалось фрейдовское Возвращение Вытесненного; он вспоминал разные эпизоды, когда мстил профессору, директору школы, бюрократу или, еще раньше, своим родителям, дожидаясь удобного случая, чтобы сделать именно то, что от него ожидалось, превратив это в маленькую диверсию. Он видел мир роботов, которые, чеканя шаг, маршируют по дорогам, проложенным для них сверху, и видел, что каждый робот частично жив, и в нем теплится частица человека, ожидающего удобного момента, чтобы поставить палки в колеса Механизма. И наконец он понял, почему все в мире работает неправильно и почему «Обстановка Нормальная» — это всегда «Абсолютный Бардак».

— Хагбард, — медленно произнес он. — По-моему, я понял. Эволюция происходит в обратном направлении. Все наши беды начались из-за послушания, а не из-за непослушания. И человечество еще не сотворено.

Хагбард, больше обычного похожий на ястреба, отчеканил:

— Ты приближаешься к Истине. Теперь будь осторожен, Джордж. Истина

— это не собака, которую можно загнать в конуру, как писал Шекспир. Истина — это тигр. Будь осторожен, Джордж.

Он развернулся на стуле, выдвинул ящик письменного стола в псевдо марсианском стиле и вытащил оттуда револьвер. Джордж, хладнокровный и одинокий, словно взошедший на Эверест, наблюдал, как Хагбард открыл барабан револьвера и показал, что в нем шесть пуль. Затем щелчком закрыл его и положил револьвер на стол. Потом Хагбард отвернулся и больше на него не смотрел. Он наблюдал за Джорджем. Джордж наблюдал за револьвером. Снова вспомнилась сцена с Карло, но вызов Хагбарда был безмолвным. Его спокойный взгляд не выражал и мысли о том, что состязание началось. Револьвер мрачно посверкивал; он нашептывал о насилии и хитрости, свойственных этому миру, о предательствах, которые не снились Медичи или Макиавелли, о ловушках для невинных жертв; казалось, его присутствию наполняло кабину особой аурой. Он казался даже коварнее ножа, оружия трусов, или плети в руках человека со слишком сладострастной, слишком интимной, слишком хитрой улыбкой; он вошел во внутреннюю тишину Джорджа, внезапный и неотвратимый, как гремучая змея, встреченная на пути ярким солнечным весенним днем в мирном и ухоженном городском саду. Джордж слышал, как в его кровавый поток начал вливаться адреналин; видел, как «синдром активации» увлажнил его ладони, участил сердцебиение, чуть-чуть ослабил сфинктер; и по-прежнему ничего не чувствовал, возвышенный и невозмутимый на своей горной вершине.

— Робота, — сказал он, взглянув наконец на Хагбарда, — победить легко.

— Не суй руку в этот огонь, — предупредил Хагбард, на которого слова Джорджа не произвели никакого впечатления. — Обожжешься. — Он наблюдал; он ждал. Джордж не мог оторвать взгляд от этих глаз, а затем он увидел в них веселье дельфина Говарда, презрение директора школы («Высокий коэффициент умственного развития, Дорн, не служит оправданием для высокомерия и непокорности»), безнадежную любовь матери, которая никогда его не понимала, пустоту кота Немо, жившего у него в школьные годы, угрозы школьного хулигана Билли Холца и абсолютную *инаковость* насекомого или змеи. Более того: он увидел Хагбарда ребенком, который, как и сам Джордж, гордился своим интеллектуальным превосходством и боялся мести со стороны менее умных, но более сильных мальчишек; и очень старого Хагбарда, через много-много лет, сморщенного как рептилия, но все еще демонстрирующего бесконечно глубокий интеллект. Лед таял; гора с рокотом протеста и неповиновения рушилась; и Джорджа понесло вниз, вниз по реке, стремительно мчавшейся к порогам, где ревела горилла и проворно семенила мышь, где над листвой триасского периода вздымалась голова ископаемого ящера, где дремало море, а спирали ДНК скручивались в направлении вспышки, которая сейчас была этим сиянием, гневно ропщущим на почти неправдоподобное угасание света, этот взрыв и это сгущение в точку.

— Хагбард... — вымолвил он наконец.

— Я знаю. Я вижу. Только не впадай в крайности. Это Ошибка Иллюминатов.

Джордж слабо улыбнулся, еще не вполне вернувшись в мир слов.

— «Вкусите и будете как боги?» — вопросительно процитировал он.

— Я называю это «впадением в отсутствие эго». И это, как ты понимаешь, самое мощное *удовлетворение эго*. Этому может научиться кто

угодно. Двухмесячный ребенок, собака, кошка. Но когда взрослый человек, годами и даже десятилетиями привыкший слушаться и подчиняться, открывает это для себя заново, с ним может случиться полная катастрофа. Вот почему дзэнские *роси* говорят: «Достигший высшего просветления подобен стреле, летящей прямо в ад». Помни, что я говорил об осторожности, Джордж. Ты можешь освободиться в любой момент. Там потрясающе, но тебе нужна мантра, которая поможет тебе удержаться *здесь*, пока ты не узнаешь, как пользоваться этой свободой. Если бы ты знал опасность, которой подвергаешься, то не побоялся бы выжечь ее каленым железом на собственной заднице, чтобы никогда не забыть. Вот твоя мантра: «Я — Робот». Повтори.

— Я — Робот.

Хагбард скорчил гримасу павиана, и Джордж наконец-то снова рассмеялся.

— Когда у тебя будет время, — сказал Хагбард, — загляни в мою маленькую книжечку «*Не свисти, когда писаешь*». Она валяется повсюду на этом корабле. Это *мое* удовлетворение эго. И помни: ты — робот и никогда не станешь никем другим. Конечно же, ты еще и программист, и даже метапрограммист; но это другой урок для другого дня. А сейчас просто помни: млекопитающее, робот.

— Я знаю, — сказал Джордж. — Я читал Т. С. Элиота, и теперь я его понимаю. «Смиренье бесконечно».

— А человечество *сотворено*. Остальные... это... не... человечество.

И тогда Джордж сказал:

— Итак, я прибыл. И это всего лишь очередная стартовая площадка. Начало другого путешествия. Более тяжелого путешествия.

— Тебе открылся другой смысл фразы Гераклита. «Начало есть конец». — Хагбард встал и отряхнулся, как собака. — Ээх, — рывкнул он. — Пойду-ка я поработаю с БАРДАКом. Можешь остаться здесь или вернуться в свою каюту, но советую тебе не мчаться сразу же с кем-нибудь обсудить все это. А то можешь выговориться до смерти.

Джордж остался в каюте Хагбарда и задумался. У него не было настроения выводить каракули в дневнике, прибегая к обычному еще с юности приему защиты от тишины и одиночества. Напротив, он наслаждался тишиной каюты и глубокой внутренней тишиной. Он вспомнил, что Святой Франциск Ассизский называл собственное тело «братом Ослом», а Тимоти Лири, ощущая усталость, говорил: «Роботу нужно поспать». Это были их мантры, их защита от ощущения пребывания на вершине горы, которое порождало ужасное высокомерие. А еще ему вспомнилось старое классическое объявление в «подпольной» газете: «Держи меня под кайфом — и я буду трахаться с тобой вечно». Он пожалел убогую женщину, которая дала это объявление: жалкая современная пародия на исступленного Симеона Столпника. Прав был Хагбард: любая собака или кошка может это сделать — запрыгнуть на вершину горы и бесстрастно дожидаться, выдержит ли это испытание Робот, брат Осел или же помрет. В этом была суть первобытных обрядов инициации: провести юношу через переживание смертельного страха к состоянию освобождения, подняв на вершину горы, а затем снова вернуть его вниз. Джордж вдруг понял: его поколению, заново открывшему священные наркотики, не удалось заново открыть их правильное употребление... Не удалось или не было позволено. Ясно, что иллюминатам не нужны конкуренты в богочеловеческом бизнесе.

Он понимал, что можно выговориться до смерти и с самим собой, но вновь и вновь пытался расчленил свой новый опыт, не изувечив его. Гомосексуальное поведение было декорацией (естественно, со своей собственной реальностью, как и любые другие декорации). Но за декоративным фасадом прятался обусловленный ужас перед Роботом, страх, символизируемый Франкенштейном и десятками других архетипов. А вдруг, если его не сдерживать, Робот обезумеет, станет неуправляемым, начнет убивать, насилловать? А потом Хагбард подождал, пока «черный аламут» вынес его к свободе, показал ему вершину — то место, где кора больших полушарий головного мозга может наконец отдохнуть, как отдыхает двигатель автомобиля, собака или кошка, последнее прибежище кататоника. Когда Джордж почувствовал себя в этой гавани в полной безопасности, Хагбард вытащил револьвер — в примитивном (или более сложном) обществе его роль играл бы символ некоего могущественного демона, — и Джордж понял, что он действительно мог там *отдыхать*, а не слепо следовать паническим сигналам, поступающим из адреналинового цеха Робота. А поскольку он был человеком, а не собакой, этот опыт был для него экстазом и искушением, поэтому Хагбард с помощью нескольких слов и взгляда этих глаз, столкнул его с вершины... куда?

К Примирению. Вот правильное слово. Примирению с роботом, с Роботом, с самим собой. Вершина горы не могла быть победой; шла война, вечная война с Роботом, переходившая на более высокий и более опасный уровень. Окончание войны означало его капитуляцию, и это было единственное и возможное окончание войны, поскольку Робот был на три миллиарда лет старше и его нельзя было убить.

Он понял две главные ошибки мира. Одну ошибку совершают послушные стада, всю жизнь стремящиеся контролировать Робота и угождать хозяевам (и всегда не только неосознанно саботирующие эту борьбу, но и саботируемые Местью Робота: невротиками, психозами и далее по всем пунктам списка психосоматических заболеваний). Другую же ошибку совершают люди, которые предоставляют Роботу самому заботиться о себе, а сами стараются держаться от него как можно дальше от себя, пока навсегда не исчезают в этой пропасти между собственной плотью и Роботом. Первые стремятся заставить Робота подчиняться, вторые стремятся медленно его уморить. И то, и другое — ошибка.

Но при этом на другом уровне своего все еще одурманенного сознания Джордж знал, что это лишь полуправда; что на самом деле он только отправлялся в свое путешествие, а вовсе не прибыл к месту назначения. Он поднялся и подошел к книжной полке. Действительно, там лежала целая стопка брошюр «*Не свисти, когда пишешь*». Автор: Хагбард Челине, С. Ч., Д. Г. Какое-то время Джордж пытался расшифровать эти аббревиатуры, затем бросил эту затею[23] и раскрыл брошюру. На первой странице было всего одно вопросительное предложение:

КТО тот, кому можно доверять больше, чем всем буддам и мудрецам???

Джордж громко расхохотался. Конечно, Робот. Я. Джордж Дорн. Все три миллиарда лет эволюции значатся в каждом моем гене и в каждой моей хромосоме. И, разумеется, иллюминаты (и все, кто рядится под иллюминатов, находясь у власти) не хотели, чтобы люди когда-нибудь это осознали.

Джордж перевернул страницу и начал читать:

Если ты свистишь, когда пишешь, то задействуешь два сознания, когда вполне достаточно одного. Если ты задействуешь два сознания, то

начинаешь конфликтовать с самим собой. Если ты конфликтуешь с самим собой, то любой внешней силе не составит труда тебя сокрушить. Вот почему Мэн-цзы писал: «Человек должен разрушить себя, пока его не разрушили другие».

За исключением абстрактного рисунка на странице три, который, видимо, изображал фигуру врага,двигающегося на читателя, это все, что было на развороте брошюры. Собираясь перевернуть третью страницу, Джордж обомлел: под другим углом зрения он увидел, что на рисунке изображены две фигуры, сцепившиеся в смертельной схватке. Я и Оно. Сознание и Робот. Память отбросила Джорджа на двадцать три года назад и он увидел маму, склонившуюся над его детской кроваткой, чтобы убрать его ручку с пениса.

Господи, ничего удивительного, что я хватаюсь за него всякий раз, когда мне страшно: это месь Робота, Возвращение Вытесненного и Подавленного.

Джордж начал переворачивать страницу снова и увидел в абстрактном рисунке очередную оптическую иллюзию. Под еще одним углом зрения это была пара, занимавшаяся любовью. В одно мгновение он снова увидел мамино лицо над кроваткой, только на этот раз более четко, и увидел в ее глазах обеспокоенность. Жестокая рука подавления была подвижна любовью: мать пыталась спасти его от Греха.

А Карло, вот уже три года мертвого вместе с остальными террористами из группы Моритури... Что побудило Карло и четверых других (Джордж помнил, что никому из них не было и восемнадцати) отправиться на митинг «Божьей молнии» и убить трех полицейских и четырех агентов секретных служб, воспрепятствовавших их попытке застрелить Государственного секретаря? Любовь, только сумасшедшая любовь...

Дверь открылась, и Джордж оторвал глаза от текста. В каюту вошла Мэвис, снова в свитере и брюках. У Джорджа мелькнула мысль, что, будучи правой анархисткой, как она себя называла, она одевается в стиле новых левых. Но ведь и Хагбард производил впечатление гибрида райхианского левака и заикленного на самом себе дзэнского мастера. Наверняка в дискордианской философии скрывалось намного больше, чем он пока способен понять, но одно ясно уже сейчас: это и есть та система, к которой он шел так много лет.

— Ммм, — протянула она. — Люблю этот запах. «Черный аламут»?

— Ага, — ответил Джордж, чувствуя, что боится встретиться с ней взглядом. — Хагбард меня просветляет.

— Это видно. Из-за этого тебе вдруг стало неловко в моем присутствии?

Джордж поднял на нее глаза, потом снова отвел взгляд; он почувствовал в них нежность, но, как он и ожидал, в лучшем случае это была сестринская нежность.

— Просто я только сейчас понял, что наш секс, — пробормотал он, — намного важнее для меня, чем для тебя.

Мэвис села на стул Хагбарда и ласково улыбнулась.

— Ты лжешь, Джордж. Ты хочешь сказать, что он намного важнее для меня, чем для тебя. — Она начала набивать трубку. «Господи

Иисусе, — подумал Джордж, — неужели Хагбард прислал ее, чтобы она перевела меня на следующую ступень?»

— Не знаю, наверное, я имел в виду и то, и другое, — осторожно произнес он. — Тогда эмоциональный подъем ощущала ты, а сейчас охвачен эмоциями я. И я знаю, что не смогу получить то, что хочу. Никогда.

— Никогда — это долгий срок. Давай просто скажем, что ты не получишь это сейчас.

— «Смиренье бесконечно», — снова процитировал Джордж.

— Не начинай себя жалеть. Ты сделал открытие, что любовь — это нечто большее, чем просто поэтическое слово, и захотел ее здесь и сейчас. Ты только что познал два других состояния, которые раньше были для тебя просто словами: *шуньята* и *сатори*. Разве этого не достаточно для одного дня?

— Я не жалуюсь. Я знаю, что фраза «смиренье бесконечно» подразумевает и нескончаемое удивление. Хагбард обещал мне счастливую истину, и она открылась.

Мэвис наконец разожгла трубку и после глубокой затяжки протянула ее Джорджу.

— Ты можешь быть с Хагбардом, — сказала она.

— Хм? — пробормотал Джордж, затягиваясь не очень сильно, поскольку все еще был под приличным кайфом.

— Хагбард будет тебя любить и трахать. Конечно, это не одно и то же. Он любит всех. Я еще не поднялась на эту ступень. Я способна любить только равных мне. — Она насмешливо улыбнулась. — Естественно, это не означает, что ты не можешь сексуально меня возбуждать. Но сейчас, когда ты знаешь, что есть нечто большее, чем это, тебе хочется сразу полный набор, верно? Так что попробуй Хагбарда.

Джордж рассмеялся, внезапно ощущая беззаботность.

— А что! Попробую.

— Вздор, — резко сказала Мэвис. — Ты разыгрываешь нас обоих. Ты высвободил часть своей энергии и сейчас, как любой на этой стадии, хочешь доказать, что для тебя больше нигде не существует препятствий. Твой смех меня не убедил, Джордж. Если есть какое-то препятствие, не отворачивайся от него. Не делай вид, что его нет.

«Смиренье бесконечно», — подумал Джордж.

— Ты права, — твердо сказал он вслух.

— Так-то лучше. По крайней мере, ты не начал ощущать за собой вину из-за существования этого препятствия. Это был бы бесконечный регресс. Следующая стадия — это ощущать вину за то, что ощущаешь вину... и довольно скоро ты снова попадаешь в ловушку, пытаясь быть правителем государства Дорн.

— Роботом, — уточнил Джордж.

Мэвис сделала глубокую затяжку и пробормотала: — Ммм?

— Я называю его Роботом.

— Ты позаимствовал это словечко у Лири, который пользовался им еще в середине шестидесятых. Я все время забываю, что ты был вундеркиндом. Я прямо вижу, как ты, восьми— или девятилетний очкарик, сидишь, ссутулившись, над какой-нибудь из книжек Тима. Должно быть, ты был тот еще ребенок. Наверное, тебя часто колотили?

— Так бывает со многими одаренными детьми. Впрочем, как и с неодаренными.

— Верно. Восемь лет начальной школы, четыре года средней школы, четыре года колледжа, затем аспирантура. К концу ничего не остается, кроме Робота. Вечно мятежное государство «Я» с покойным Мной, сидящим на троне и пытающимся этим государством управлять.

— Правителя нет нигде, — процитировал Джордж.

— Ты действительно быстро двигаешься вперед.

— Это Чжуан Чжоу, даосский философ. Но раньше я никогда его не понимал.

— А, вот у кого Хагбард украл это! У него есть такие карточки, на которых написано «Врага нет нигде». И есть другие карточки, «Друга нет нигде». Однажды он сказал, что может в два счета разобраться, какая карточка нужна тому или иному человеку. Чтобы его встряхнуть и разбудить.

— Но одними словами ничего не добьешься. Многие слова я знал долгие годы, но...

— Слова способны помочь. В правильной ситуации. Если это неправильные слова. В смысле, правильные слова. Нет, *все-таки* я имею в виду неправильные слова.

Они засмеялись, и Джордж сказал:

— Мы просто дурачимся или же ты продолжаешь дело Хагбарда, освобождение государства Дорн?

— Просто дурачимся. Хагбард сказал, что ты прошел через одни врата без врат и *после того* как ты побудешь некоторое время один, к тебе можно заглянуть.

— Врата без врат. Еще одна фраза, которую я давным-давно знал, но никогда не понимал. Врата без врат и государство без правителя.

Главная причина социализма — это капитализм. Какое отношение ко всему этому имеет ваше чертово яблоко?

— Яблоко — это мир. Кому, по словам Богини, оно принадлежит?

— Прекраснейшей[24].

— А кто эта Прекраснейшая?

— Ты.

— Сейчас обойдемся без комплиментов. Думай. Джордж хихикнул.

— Слушай, это уже перебор. И вообще меня клонит ко сну. У меня есть два ответа, один коммунистический, а другой — фашистский. Но оба, безусловно, неверны. Потому что правильный ответ должен вписываться в вашу систему анархо-капитализма.

— Не обязательно. Анархо-капитализм — это просто *наш* путь. Мы никому не собираемся его навязывать. У нас союз с анархо-коммунистической группой, которая называется ДЖЕМ. Их лидер — Джон Диллинджер.

— Перестань! Диллинджер умер еще в 1935 году или около того.

— Сегодня Джон Диллинджер живет и благоденствует в Калифорнии, на Фернандо-По и в Техасе, — улыбнулась Мэвис. — Кстати, именно он застрелил Джона Ф. Кеннеди.

— Дай-ка мне трубочку. Уж если я обязан все это выслушивать, то почему бы мне не войти в состояние, в котором я отброшу попытки что-либо понимать?

Мэвис протянула ему трубку.

— «Прекраснейшее» имеет довольно много уровней, как любая хорошая шутка. Тебе, как новичку, я раскрою фрейдистский уровень. Ты знаешь Прекраснейшее, Джордж. Только вчера ты давал это яблоку. Каждый мужчина считает собственный пенис прекраснейшей вещью в мире. С того дня, как он родился, и до самой смерти. Пенис всегда полон бесконечного очарования. И, честное слово, малыш, точно так же думает женщина о своем влагалище. Для большинства людей это максимальное приближение к настоящей, слепой, беспомощной любви и религиозному обожанию. Но они

скорее умрут, чем в этом признаются. На сеансе групповой психотерапии люди признаются в чем угодно: в гомосексуализме, желании убивать, мелких пакостях и изменах, фантазиях на тему садизма, мазохизма или трансвестизма, в любых странностях, у которых есть название. Но самое древнее и самое непреодолимое препятствие — это глубоко скрытый непреходящий нарциссизм, нескончаемая ментальная мастурбация. И в этом они никогда не признаются.

— Если верить книгам по психиатрии, которые мне довелось читать, большинство людей, наоборот, относится брезгливо и весьма негативно к собственным гениталиям.

— Если процитировать самого Фрейда, это формирование ответной реакции. Первоначальное ощущение, которое возникает в тот день, когда младенец открывает в себе центры невероятного наслаждения, окрашено эмоциями вечного удивления, благоговения и удовольствия. Как бы общество ни старалось сокрушить и подавить эти эмоции. Например, каждый человек придумывает ласкательное имя для своих гениталий. У тебя какое?

— Полифем, — признался он.

— Как?

— Потому что он одноглазый, ну циклоп, понимаешь? Вообще-то, если честно, я плохо помню ход моих рассуждений в том далеком возрасте, когда я придумал это имя.

— Но ведь Полифем был еще и великаном. Почти богом. Ты понял, что я имею в виду, когда я говорю о первоначальной эмоциональной окрашенности? Вот первоисточник всех религий. Обожание собственных гениталий и гениталий твоей возлюбленной. Там живут Пан-Пангенитор и Великая Мать.

— Значит, — глуповато сказал Джордж, все еще не до конца уверенный, есть ли в этом какая-то глубина или же все это полная чепуха, — мир принадлежит нашим гениталиям?

— Их потомкам, и потомкам их потомков, и так до скончания века, навечно. Мир — это глагол, а не существительное.

— Выходит, Прекраснейшей три миллиарда лет.

— Ты все правильно понял, малыш. Все мы здесь арендаторы, включая тех, кто считает себя хозяевами. Собственность как таковая невозможна.

— Ладно, думаю, я многое из этого понял. Собственность — это воровство, потому что иллюминатские права на землевладение случайны и несправедливы. Так же, как и их банковские хартии, и железнодорожные франшизы, и все прочие монопольные игры капитализма...

— Государственного капитализма! А не капитализма свободной конкуренции и невмешательства государства в экономику.

— Подожди. Собственность невозможна, потому что мир — это глагол, горящий дом, как сказал Будда. Все сущее — это огонь. Мой старый друг Гераклит. Поэтому собственность — это воровство, и собственность как таковая невозможна. Но к собственности можно прийти через свободу?

— Без частной собственности не может быть частных решений.

— Тогда мы возвращаемся к тому, с чего начали?

— Нет, мы поднялись на один пролет выше по нашей винтовой лестнице. Посмотри теперь отсюда. Диалектически, как говорят твои приятели марксисты.

— Но мы же вернулись к частной собственности. После того, как доказали невозможность ее существования.

— Государственная форма частной собственности невозможна, это фикция. Как невозможна и государственная форма коллективной собственности. Перестань думать в рамках государственного строя. Думай о собственности с точки зрения свободы.

Джордж покачал головой.

— У меня уже ум за разум заходит. Я вижу только людей, которые обворовывают друг друга. Война всех против всех, как сказал не помню кто.

— Гоббс.

— Гоббс, мопс, шнапс. Кто угодно. Какая разница. Разве он не прав?

— Заглуши двигатель подводной лодки.

— Что?

— Заставь меня полюбить тебя.

— погоди, я что-то не...

— Окрась голубое небо в зеленый или красный цвет.

— Все равно не врубаюсь.

Мэвис взяла ручку со стола и зажала ее двумя пальцами.

— Что будет с ручкой, когда я ее отпущу?

— Упадет.

— На чем ты сидишь, если нет стульев?

— На полу? (*«Если бы я так не накурился, уже все понял бы. Иногда наркотики больше мешают, чем помогают».*) На земле?

— На своей жопе, это уж точно, — отрезала Мэвис. — Смысл в том, что, даже если нет стульев, ты все равно сидишь. Или мастеришь новые стулья. (*«Она тоже обкурилась: иначе она объяснила бы это более доходчиво и я все понял бы».*) Но ты не сможешь заглушить двигатель лодки, не зная хотя бы основ судовой механики. Ты не знаешь, за какой рубильник нужно дернуть. И какие кнопки нажимать.

Ты не можешь изменить цвет неба. А ручка упадет сама, и в каюту не ворвется демон гравитации, чтобы заставить ее упасть.

— Ну и к чему все это? — с отвращением сказал я. — Это что, томизм? Ты пытаешься впарить мне идею Естественного Закона? Брось, меня этот товар не интересует.

— О'кей, Джордж. Тогда тебя ждет очередное потрясение. Смотри не обделайся. — Мне показалось, что она говорит в потайной микрофон, вмурованный в стену. — Запускайте его.

Робота легко потрясти; я сжал сфинктер сразу же, как только она предупредила, что меня ждет потрясение, так что ее дополнение насчет «не обделайся» было явно излишним. Карло и его пистолет. Хагбард и его револьвер. Особняк Дрейка. Я глубоко вздохнул и начал ждать, что выкинет Робот.

Стена раздвинулась и в каюту кто-то втолкнул Гарри Койна. Я успел подумать, что мне следовало догадаться: в этой игре, где обе стороны постоянно играют с иллюзией, смерть Койна с его свисавшими кишками тоже могла быть *разыграна*. И Мэвис со своими налетчиками, конечно же, могла вытащить его из мэд-догской тюрьмы еще до того, как вытащила меня. Ну конечно, я вспомнил боль от удара по лицу и боль, которую я почувствовал, когда в меня вошел его член, и Робот уже зашевелился, и у меня едва хватило времени, конечно же, прицелиться, и он ударился головой о стенку, из его носа хлынула кровь, и я успел врезать ему по челюсти, пока он сползал, конечно же, вниз, а затем я пришел в себя и остановился, уже собираясь ударить его ногой по лицу, пока он лежал без сознания. Дзэн и

искусство мордобоя. Я нокаутировал мужика двумя ударами. Я — тот, кто настолько ненавидел Хемингуэя и *мачизм*, что никогда в жизни не прошел ни единого урока бокса. Я тяжело дышал, но внутренне очистился, словно после оргазма; адреналин струился, но сработал рефлекс «драться», а не рефлекс «бежать», и сейчас все закончилось, и я был спокоен. В воздухе что-то сверкнуло: в руке Мэвис был револьвер Хагбарда. А теперь он летел ко мне. Когда я его поймал, Мэвис сказала: «Прикончи ублюдка».

Но приступ бешенства прошел уже тогда, когда я удержался от пинка, видя, что он и так вырубился.

— Нет, — сказал я. — *Хватит*.

— Не хватит, пока ты его не убил. Ты нам не подойдешь, пока не будешь готов убить, Джордж.

Не обращая на нее внимания, я застучал в стену.

— Уберите гада, — громко сказал я.

Стена раздвинулась, два матроса славянской внешности схватили Койна за руки и, усмехаясь, выволокли из каюты. Стена снова тихо закрылась.

— Я не убиваю по приказу, — сказал я, поворачиваясь лицом к Мэвис. — Я вам не волкодав и не военный. Я с ним в расчете, а если ты хочешь его смерти, займись этим грязным делом сама.

Но Мэвис безмятежно улыбалась.

— А это не Естественный Закон? — спросила она.

А двадцать три часа спустя Тобиас Найт слушал голос, звучавший в наушниках: «В том-то и дело. Не могу вспомнить. Но если вы на некоторое время оставите меня одного, возможно, мне удастся его вспомнить». Нервно поглаживая усы, Найт включил режим автоматической записи, снял наушники и вызвал кабинет Эсперандо Деспонда.

— Деспонд слушает, — отозвался интерком.

— ЦРУ взяло одного. Который был с той девкой после Мочениго. Пришлите кого-нибудь за кассетой: тут записаны ее приметы.

— Понял, — буркнул Деспонд. — Что-то еще?

— Он говорит, что постарается вспомнить имя ее следующего клиента. Она якобы его называла. Мы тоже сможем его узнать.

— Будем надеяться, — Деспонд отключил интерком. Он откинулся на спинку стула и обратился к трем агентам, находившимся в кабинете. — Парень, которого мы схватили... как там его? Найсмит... вероятно, был следующим клиентом проститутки. Мы сравним оба словесных портрета девушки и получим более точное описание, чем ЦРУ, поскольку они работают только с одним словесным портретом.

Но через пятнадцать минут он с удивлением таращился на таблицу, начерченную мелом на доске:

ПРИМЕТЫ ПОДОЗРЕВАЕМОЙ		
	Первый свидетель	Второй свидетель
Рост	158 см	165 см
Вес	46–48 кг	50–52 кг
Цвет волос	Бронзовая	Блондинка
Раса	Черная	Белая
Имя	Бонни	Сара
Шрамы	Отсутствуют	Шрам на горле
Возраст	17–18 лет	Около 25 лет
Пол	Женский	Женский

Громадный звероподобный агент по имени Рой Юбу задумчиво произнес:

— Я никогда не видел, чтобы два очевидца давали совершенно одинаковые описания, но *это...*

Маленький желчный агент по имени Баз Веспта выпалил:

— Один из них по какой-то причине лжет. Но кто именно?

— Ни у того, ни у другого нет причин лгать, — сказал Деспонд. —

Джентльмены, мы должны смотреть фактам в глаза. Доктор Мочениго был недостоин высокого доверия, оказанного ему правительством США. Он оказался развращенным сексуальным маньяком. Прошлой ночью у него были две женщины, и одна из них — черномазая.

— *Как это понимать: чертов карлик сбежал?* — орал в этот момент Питер Картен из ЦРУ. — Из его палаты можно было выйти только одним способом — через вот эту дверь, которую все мы держали под постоянным наблюдением. Дверь открывалась только один раз, когда Десальво выносил большой кофейник, чтобы заправить его в закусочной. *О... Боже... мой... большой... кофейник.* — Когда он с отвисшей челюстью тяжело плюхнулся на стул, вошел агент, державший в руках устройство, похожее на миноискатель.

— Ежедневный сбор жучков ФБР, — смущенно сказал он. — Сэр, устройство показывает жучок под вашим столом. Если вы позволите... уфф... вот он!

Больше Тобиас Найт ничего не слышал. Понадобится несколько часов, чтобы их человек в ЦРУ смог установить новый жучок.

А Сол Гудман резко ударил по тормозам взятого напрокат «форда-бронтозавра», когда из закусочной «Папа Мескалито» выскочила крошечная резвая фигурка и бросилась прямо под машину. Сол услышал отвратительный звук глухого удара и голос Барни Малдуна сзади: «О Господи! Нет!»

Вот тебе на, приехали! Синдикат — я еще мог понять, но федералы? Я был ошеломлен. Я спросил эту глупую сучку Бонни Квинт: «Ты на тысячу процентов уверена?»

— Кармел, — отвечает она. — Я знаю Синдикат. Они не такие спокойные. Эти парни те, кем себя называют. Федералы.

О Боже праведный, драть тебя за бороду! Я ничем не мог себе помочь, я просто размахнулся и вмазал ей по роже. — Что ты им сказала? — заорал я. — Что ты им сказала?

Она тогда пустила слезу.

— Ничего я им не сказала, — ноет.

Ну, пришлось снова ей врезать. Боже, терпеть не могу бить баб: всегда начинают выть. — Я вот возьму ремень, — кричу. — Моли Господа, когда я возьму ремень! Не ври, что ты ничего им не сказала. Каждый человек всегда что-нибудь говорит. У них даже немой запоет, как Синатра, когда его возьмут в оборот. Так что выкладывай, что ты им сказала?

Я снова ее ударил, Господи, это было ужасно.

— Сказала только, что не была с этим Мочениго. Как и на самом деле.

— Тогда что сказала: с кем была?

— Придумала из головы. Сказала, что была с лилипутом. Того лилипута я просто видела на улице. Настоящего клиента не называла, я же знаю, что это может обернуться против тебя. И против меня.

Я не знал, что делать, поэтому снова ей вмазал.

— Пошла вон, — говорю. — Скройся. Мне надо подумать.

Она вышла, все еще завывая, а я подошел к окну и стал смотреть на пустыню, чтобы успокоиться. Похоже, у меня снова «розовая лихорадка». Начался сезон. И зачем только выращивают розы в этой пустыне? Я и так и сяк обмозговал ситуацию, стараясь не обращать внимания на лихорадку. Было только одно объяснение: этот чертов Мочениго сообразил, что Шерри его *выспрашивает*, и донес федералам. Синдикат пока ни о чем не знает. Все они пока что копошатся на Востоке, словно куры с отрубленными лапами,

пытаясь вычислить, кто замочил Малдонадо и почему это произошло в доме такого доброго гражданина, как этот банкир Дрейк. Поэтому они еще ничего не знают про пять миллионов баксов Бананового Носа, которые исчезли в моем сейфе. Сразу после того, как я узнал о его смерти. А федералы тут вообще были вроде не при делах.

И тут меня как молотком по голове шарахнуло, я аж пошатнулся. Кроме моих девчонок, которые ничего не скажут, есть ведь пара десятков таксистов, барменов и всякой прочей швали, которые знают, что Шерри работала на меня. Рано или поздно федералы вытянут из кого-нибудь эту информацию, и скорее рано, чем поздно. В моей голове словно зажглась лампочка, какую рисуют в комиксах, когда хотят показать, что человека осенило, и перед глазами возникли огромные буквы: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИЗМЕНА. Еще с детства я помнил двух евреев-ученых, которые за это попали в ФБР. Получили электрический стул. Поджарили запросто, Господи, я чуть не сблевал. Почему это гребаное государство так жестоко обращается с теми, кто просто хочет заработать денег? Уж на что крут Синдикат, но там тебя просто пристрелят или взорвут, а педерастическое Государство обязательно должно посадить тебя на электрический стул. Черт, я был горячий, как огонь.

Я вытащил из кармана конфету и начал жевать, пытаюсь решить, что делать. Если я сбегу, Синдикат заподозрит, что это я взял общак Малдонадо, тогда меня найдут хоть под землей. Если я *не* сбегу, сюда придут федералы и покажут в дверях ордер на арест по подозрению в государственной измене. Что в лоб, что по лбу. Можно бы попробовать угнать самолет в Панаму, но ведь мне почти ничего не удалось узнать насчет жучков Мочениго. Нечего продать тамошним коммунистам. Они просто вышлют меня обратно. Это бессмысленно. Единственное, что можно сделать, — это найти какую-нибудь нору и схорониться.

И вдруг в голове снова зажглась лампочка, и я вспомнил: Пещеры Леман.

— *А что говорит компьютер сейчас?* — Президент спросил Генерального прокурора.

— Что говорит компьютер сейчас? — рявкнул Генеральный прокурор в стоявший перед ним селектор.

— Если у девушки накануне смерти было два контакта, в этот момент число возможных носителей, — в телефоне возникла пауза, — достигло 428 000 человек. Если у девушки было три контакта — 7 656 000 человек.

— Вызовите дежурного спецagenta, — отрывисто бросил Президент.

Он был самым спокойным человеком за этим столом, ибо с начала событий в Фернандо-По в дополнение к либриуму, тофранилу и эловилу начал глотать демерол, забавные маленькие таблетки, позволявшие Герману Герингу оставаться бодрым и неунывающим во время Нюрнбергского процесса, когда все остальные нацисты находились в кататонических, параноидальных и прочих дисфункциональных состояниях.

— Деспонд, — послышался голос из другого селектора.

— Это ваш Президент, — оповестил его Президент. — Доложите все как есть. Что там у вас, решили проблему?

— Э— э, сэр, нет, сэр. Мы должны найти сутенера, сэр. Вероятно, девушка мертва, но мы ее не нашли. Можно с математической достоверностью утверждать, что ее тело кто-то спрятал. Напрашивается очевидная версия, сэр, что, скорее всего, труп спрятал ее сутенер, который,

занимаясь нелегальным бизнесом, предпочел ни о чем не сообщать. У нас есть два словесных портрета девушки, и, э-э, хотя они совпадают *не полностью*, с их помощью мы можем выйти на сутенера. Понятно, что он скоро должен умереть, сэр, и тогда мы сразу его найдем. Это станет поворотным моментом в деле, сэр. А тем временем разрешите доложить, сэр, что нам поразительно повезло. Пока что вне базы зарегистрировано только два достоверных случая заражения и обоим пострадавшим ввели противоядие. Возможно, вполне возможно, что сутенер, избавившись от тела, где-нибудь спрятался. В таком случае он ни с кем не сможет вступить в контакт и зараза не распространится. Сэр.

— Деспонд, — сказал Президент. — Мне нужны *результаты*. Держите нас в курсе. На вас надеется вся страна.

— Слушаю, сэр.

— *Решите эту проблему*, Деспонд.

— Есть, сэр.

Едва Эсперандо Деспонд отвернулся от телефона, как в кабинет вошел агент из компьютерного отдела.

— Есть новости? — нервно поинтересовался Деспонд.

— Я насчет первой девушки, черной, сэр. Это одна из проституток, которых мы вчера допрашивали. Ее зовут Бонни Квинт.

— Ты как будто встревожен. Что-то не стыкуется? — проницательно спросил Деспонд.

— Опять очередная загадка. Она не призналась, что была с Мочениго прошлой ночью, но мы на ее чистосердечное признание и не рассчитывали. Удивляет другое: приметы парня, с которым *она*, по ее словам, *была*. — Компьютерщик с сомнением покачал головой. — Эти сведения не совпадают с показаниями Найсмита, того парня, который сказал, что с *ней* был *он*. Зато совпадают с приметами того карлика, которого поймали цээршники. Только *он* сказал, что *был* с другой девушкой.

Деспонд вытер лоб.

— Что за чертовщина происходит в этом городе? — спросил он у потолка. — Новый вид *сексуальных оргий*!

Действительно, с тех пор, как два дня назад в Лас-Вегас прибыли «Ветераны Секс-Революции», в городе начались самые разные *сексуальные оргии*. «Бригада Хью М. Хефнера» сняла два этажа отеля «*Пески*», наняла целую толпу профессиональных проституток и до сих пор не вышла из номеров, чтобы примкнуть к «Бригаде Альфреда Кинси», «Партизанам Нормана Мейлера» и всем остальным, маршировавшим туда и обратно по Стрипу, брызгавшим между ног молоденьким девушкам из водяных пистолетов, передававшим по рукам бутылки с самогоном, повсеместно блокировавшим уличное движение и крайне досаждавшим пешеходам. Сам доктор Найсмит после нескольких символических выходов избегал массовых развлечений. Он уединился в номере люкс, чтобы поработать над новым письмом, призывающим к сбору денежных средств для «Фонда Колосса Йорба-Линдского». Вообще, ВСП, как и «Белые герои, противостоящие красному экстремизму», относились к разряду малых проектов и приносили гроши. Большинство настоящих ветеранов сексуальной революции давно согнулись под гнетом сифилиса, брака, детей, алиментов или еще какой-нибудь заразы, и мало кто из белых людей изъявлял готовность противостоять красному экстремизму тем идиотским способом, который предлагался в брошюрах Найсмита. В обоих случаях ему удалось разглядеть

две шизофренические ниши, которые до него никто не эксплуатировал, и быстро их занять. Общество «Джон Диллинджер умер за тебя», которым он неимоверно гордился, поскольку это была, пожалуй, самая невероятная религия за долгую историю человеческого увлечения метафизикой, тоже приносило немалый ежегодный доход. Но настоящие деньги давал «Фонд Колосса Йорба-Линдского», который уже несколько лет успешно собирал средства на сооружение героического монумента — из цельного золота *и на три метра выше Статуи Свободы* — бывшему президенту-мученику Ричарду Милхаусу Никсону. Этот монумент, оплаченный чуть ли не двадцатью миллионами американцев, которые все еще любили и уважали Никсона несмотря на его чудовищную ложь Конгрессу, министерству юстиции, прессе, телевидению, судам *и т. д.*, будет стоять при въезде в Йорба-Линду, малую родину Хитрого Дика, и грозно хмуриться в сторону Азии, чтобы эти подонки не смели и думать напасть на Дядюшку Сэма. Около правой ноги гигантского идола — верный Чекере, с обожанием заглядывающий хозяину в глаза; левой ногой колосс попирает раздавленную аллегорическую фигуру, символизирующую Сезара Чавеса. В правой руке Великий Человек держит пучок салата-латука, а в левой — магнитофонную катушку. Все это настолько пришлось по душе Американцам-Фундаменталистам, что Фондом Колосса были уже собраны сотни тысяч долларов. Для бегства вместе с деньгами вкладчиков Найсмит уже присмотрел уютное местечко в Непале.

Найсмит был невысоким худощавым мужчиной и, подобно многим техасцам, носил ковбойскую шляпу (хотя никогда не пас стада) и усы фасона «бандито» (хотя все его экспроприации опирались на обман, а не на силу). Кроме того, как гражданин своей страны в данный исторический период, он был необычайно честным человеком. В отличие от большинства корпораций нашей эпохи, ни одно из его предприятий не травило и не калечило клиентов, у которых он брал деньги. Единственным его пороком был цинизм, опиравшийся на отсутствие воображения: большинство своих сограждан он считал полными идиотами и наивно полагал, что потакает их причудам, когда рассказывает, что обширный заговор иллюминатов контролирует денежные ресурсы и процентные ставки или что бандит тридцатых годов был, в определенном смысле, спасителем умирающего человеческого духа. Ему никогда не приходило в голову, что в этих глупостях есть доля истины. Короче говоря, хотя Найсмит и был уроженцем Техаса, он был лишен тонкости, эмоциональности и глубокой поэтичности точно так же, как и любой нью-йоркский интеллектual.

Однако его цинизм сослужил ему прекрасную службу, когда после визита к гостиничному врачу в связи с появлением странных симптомов его очень быстро увезли в так называемый «пункт министерства здравоохранения США», укомплектованный типами, в которых он мгновенно распознал *органы*. Доктор Найсмит прищурился, сосредоточился и, когда его начали спрашивать, лгал так виртуозно, как умеет лгать только прожженный техасский мошенник старой закалки.

— Это перешло к вам от того, кто находился с вами в физическом контакте. Значит, либо вы ехали в переполненном лифте, либо заразились от проститутки. Какой вариант верен?

Найсмит сначала вспомнил о столкновении на тротуаре с Лилипутом и похожим на хорька типом с огромным чемоданом, но внутреннее чутье ему подсказало, что *органы* явно склоняются ко второму варианту. Они ищут женщину, и если сказать им то, что они хотят услышать, ему не станут

задавать вопросы личного характера.

— Я был с проституткой, — сказал он, пытаясь изобразить смущение.

— Можете ее описать?

Он начал вспоминать проституток, которых видел с другими делегатами ВСР, и в памяти отчетливо всплыла одна из них. Как человек добрый, он не хотел втягивать невинную шлюху в это дело (каким бы оно ни было), и поэтому подмешал к ее словесному портрету описание другой женщины — первой женщины, с которой у него получился половой акт в далекой юности.

К несчастью для благих намерений доктора Найсмита, полиция никогда не рассчитывала, что описания очевидца будут соответствовать внешности человека во всех отношениях, поэтому полученные от него данные ввели в закодированном виде в вычислительную машину «Ай-Би-Эм». Машина перебрала картотеку на несколько сотен проституток, чьи приметы были собраны и закодированы за последние двадцать четыре часа, и выплюнула наружу три карточки. В каждой из них количество сходств с выдуманным Найсмитом женским образом превышало количество отличий. Пропустив эти три карточки через другую машинную программу, учитывавшую лишь те физические характеристики, которые чаще всего вспоминаются правильно, специалисты в конце концов остановились на Бонни Квинт. Через сорок пять минут она сидела в кабинете Эсперандо Деспонда, нервно поправляя норковое боа, теребя подол своей мини-юбочки, ловко уклоняясь от ответов на вопросы и хорошо помня голос Кармела: «Я вот возьму ремень! Моли Господа, когда я возьму ремень!». К тому же она испытывала жгучую боль от инъекции.

— Ты не работаешь на себя, — злобно повторял Деспонд в пятый раз. — В этом городе Мафия воткнет тебе нож в задницу и отломает рукоятку, если ты попытаешься работать на себя. У тебя есть сутенер. Так что, врезать тебе по харе или ты назовешь его имя?

— Не надо на нее давить, — сказал Тобиас Найт. — Она всего лишь бедная растерянная девочка. Тебе ведь нет и двадцати, верно? — ласково спросил он. — Дай ей возможность подумать. Она все сделает правильно. Зачем ей покрывать паршивого сутенера, который постоянно ее эксплуатирует? — Он взглянул на нее ободряюще.

— Бедная растерянная девочка, твою мать! — взорвался Деспонд. — Это вопрос жизни и смерти, и я не позволю какой-то черномазой шлюхе водить нас за нос. — Он отлично играл роль злого следователя, который буквально дрожит от едва сдерживаемого бешенства. — Так бы и вломил ей ногой по башке, — добавил он.

Найт, разыгрывавший доброго следователя, выглядел потрясенным.

— Это не очень профессионально, — печально произнес он. — Ты переутомился и пугаешь бедную девочку.

Три часа спустя — когда Деспонд уже почти исчерпал весь свой арсенал психических атак и делал вид, что хочет обезглавить бедняжку Бонни Квинт ножом для вскрытия конвертов, а Найт настолько вжился в образ отца и защитника, что они с Бонни почти окончательно поверили, что на самом деле она его родная блудная дочка, — в судорожных всхлипываниях на свет явилось точное описание примет Кармела и его адрес.

Еще через двенадцать минут Рой Юбу сообщил из радиофицированного автомобиля, что Кармела в доме нет, но его видели за рулем джипа, который ехал в юго-западном направлении из Лас-Вегаса. На заднем сиденье был большой чемодан.

В последующие восемнадцать часов на разных дорогах к юго-западу от Лас-Вегаса были задержаны одиннадцать мужчин, ехавших в джипах, но ни один из них не был Кармелом, хотя их рост, вес и общие физические приметы приблизительно совпадали с описанием Бонни Квинт, а у двоих даже были большие чемоданы. В течение суток после этого на северных, южных, восточных и западных дорогах была задержана почти тысяча мужчин всех весовых и возрастных категорий в машинах, порой даже отдаленно не напоминавших джипы, причем некоторые из них ехали в Лас-Вегас, а не из него! Но ни один из них, увы, не был Кармелом.

Среди множества людей, шатавшихся по базе «Дверь в пустыню» и Лас-Вегасу с удостоверениями министерства здравоохранения США, был один, который действительно работал в этой организации. Владелец высокого сухопарого тела и мрачного выражения лица, отдаленно напоминавший покойного великого Бориса Карлоффа, он звался Фредом Филиарисусом. Наделенный специальными полномочиями Белого дома, доктор Филиарисус имел право на доступ ко всему, что знали ученые, работавшие над этим проектом, в том числе к информации о протекании заболевания у первых инфицированных, из которых двое успели умереть прежде, чем на них подействовало противоядие, а трое демонстрировали полное отсутствие симптомов, хотя и были заражены. Кроме того, у него был доступ к информации, поступавшей от ЦРУ и ФБР, поэтому ему не приходилось ставить офисы обоих ведомств на прослушивание. Вот почему именно он был тем человеком, который правильно понял положение дел и в одиннадцать часов утра 30 апреля докладывал о ситуации Белому дому.

— Некоторые люди обладают природным иммунитетом против антракс-лепра-пи, мистер Президент, — сказал Филиарисус. — К сожалению, они служат переносчиками возбудителя заболевания. Три таких бациллоносителя выявлены и находятся на базе, но с математической, научной определенностью мы можем утверждать, что четвертый все еще на свободе.

Все лгали представителям ФБР и ЦРУ, сэр. Все боялись наказания за разные виды деятельности, запрещенные законом. Все попытки найти хоть какую-нибудь логику в их рассказах, сопоставляя и перетасовывая показания, оказались безуспешны. Каждый свидетель о чем-нибудь лгал. Как правило, даже о нескольких вещах. Реальное положение дел вовсе не такое, как нам кажется. Короче говоря, государство, будучи карательным органом, с самого начала выступало фактором искажения, и мне пришлось воспользоваться уравнениями теории информации, чтобы определить степень искажения в данном случае. Я бы сказал, что открытие, которое я в конце концов сделал, может иметь универсальное применение: *ни один руководящий орган никогда не сможет получить точное представление о реальности со слов тех, на кого распространяется его руководство.* С точки зрения информационного анализа, государство — это не инструмент закона и порядка, а инструмент закона и беспорядка. Прошу прощения, что я вынужден называть вещи своими именами, но мы должны иметь это в виду, когда подобные ситуации возникнут в будущем.

— Он говорит, как поганый анархист, — пробормотал Вице-президент.

— Реальное положение дел, с вероятностью 97 %, выглядит так, — продолжал между тем Филиарисус. — У доктора Мочениго был лишь один половой контакт, и его сексуальная партнерша умерла. ФБР выдвинуло правильную гипотезу: потом кто-то из ее круга спрятал тело, вероятно, в

пустыне, чтобы избежать проблем с правоохранительными органами. Если бы проституция была легализована, возможно, этого кошмара никогда бы не было.

— Я же говорю, что он анархист, — прорычал Вице-президент. — И к тому же сексуальный маньяк!

— Человек, спрятавший ее тело, — продолжал Филиарисус, — и есть наш четвертый бациллоноситель, который, возможно, обладает природным иммунитетом, но несет смерть остальным. Именно этот человек заразил мистера Чейни и доктора Найсмита. Возможно, этот человек — не проститутка. Эти люди лгали, помимо прочего, еще и потому, что знали, какие слова хотят от них услышать агенты правительственных учреждений. Когда люди попадают в руки к *власти*, они *говорят*, а также *делают* то, что, как им кажется, она от них ожидает — и это еще одна причина, по которой государству всегда будет нелегко узнать правду о чем бы то ни было.

Единственная гипотеза, которая не противоречит математической логике после введения всех известных данных в компьютер, состоит в том, что четвертый бациллоноситель — это исчезнувший сутенер, мистер Кармел. Не ощущая никаких симптомов заболевания, он не подозревает, что служит переносчиком самого опасного заболевания в мире. По причинам личного характера, о которых мы можем лишь догадываться, он скрывается с тех пор, как избавился от тела мертвой женщины. Возможно, он опасался, что труп могут найти, а его самого обвинить в убийстве. Или же он мог руководствоваться какими-то иными соображениями, не имевшими отношения к ее смерти. После этого он вступал в контакт с людьми только два раза. Смеем предположить, что его отношения с мисс Квинт носили сугубо профессиональный характер; он либо ее бил, либо вступал с ней в половую связь. Его контакт с доктором Найсмитом и мистером Чейни был совершенно случайным и, возможно, даже произошел в переполненном лифте, как предположил мистер Деспонд. После чего он, так сказать, ушел в подполье.

Вот почему у нас только три случая заболевания вместо тысяч и миллионов, как мы опасались.

Однако проблема по-прежнему остается нерешенной. Как человек, обладающий иммунитетом против этого заболевания, Кармел не знает, что служит переносчиком его возбудителя, пока ему об этом не скажут. А это значит, что в один прекрасный момент он где-то всплывет. Когда он выйдет из подполья, мы об этом узнаем по вспышкам заболевания антракс-лепра-пи в окрестностях. И в тот момент, сэр, весь этот кошмар начнется снова.

Значит, нам остается лишь уповать, и компьютер в этом меня поддерживает, на общественную бдительность. Мы должны обнародовать факты и намеренно вызвать панику, которой хотели избежать. Каждому средству массовой информации в стране следует предоставить полную информацию о потенциальной опасности и добиться, чтобы повсюду циркулировало описание примет Кармела. Это наш единственный шанс. Нужно найти этого человека, эту ходячую биологическую машину смерти.

Психологи и социологи ввели в компьютер все факты, имеющие отношение не только к данному делу, но и к случаям прежних вспышек эпидемий, вслед за которыми возникала паника. С вероятностью 93 % компьютер выдал прогноз, что из-за паники, которая охватит всю страну, повсюду придется ввести военное положение. В качестве первого шага понадобится посадить всех либералов в Конгрессе под домашний арест, а у Верховного Суда отобрать все его полномочия. В каждый город нужно будет

направить армию и национальную гвардию с целью отмены политических решений всех местных властей. Короче говоря, до окончания действия чрезвычайного положения в стране демократия будет приостановлена.

— Он не анархист, — сказал министр внутренних дел. — Он отпетый фашист.

— Он реалист, — сказал Президент, ясно мыслящий, решительный, быстро соображающий и явно одуревший до состояния, граничащего с шизофренией, в результате приема трех традиционных транквилизаторов, повышенной дозы амфетаминов и горсти маленьких «таблеток счастья» под названием демерол. — Немедленно начинаем реализовывать его план.

Так были похоронены те жалкие полуистлевшие останки Билля о правах, которые еще сохранились в четвертое десятилетие холодной войны, — похоронены временно, как считали все присутствовавшие. В тот день, завершающийся Вальпургиевой ночью, доктор Филиарисус, которого *Древние Видящие Иллюминаты Баварии* знали под именем Гракха Груада, завершил проект, начатый в канун дня Сретения, когда доктору Мочениго навяляли первый сон про антракс-лепра-пи. Естественно, иллюминаты, которым эти дни были известны под другими, намного более древними названиями, считали, что Билль о правах похоронен навсегда.

(За два часа до беседы доктора Филиарисуса с Президентом четверо из пяти Первоиллюминатов мира встретились на старом кладбище в Инголытадте; пятый присоединиться к ним не мог. Они сошлись во мнении, что все идет по плану, но одна опасность сохраняется: никто в ордене, включая самых сильных экстрасенсоров, не смог найти Кармела. Опираясь на надгробную плиту (на которой Адам Вейсгаупт некогда совершал настолько необычные ритуалы, что порожденная ими психическая вибрация затронула многие впечатлительные души Европы, приведя к созданию таких своеобразных литературных произведений, как «Монах» Льюиса, «Мельмот» Метьюрина, «Замок Отранто» Уолпола, «Франкенштейн» мистера Шелли и «Сто двадцать дней Содомы» де Сада), старейший из четырех сказал:

— Все может провалиться, если какой-нибудь личел найдет сутенера еще до того, как он успеет заразить пару городов.

Личелами (сокращение от «*лишь человеки*» [25]) они называли потомков тех, кто не был частью изначального Неразрывного Круга.

— Почему ни один из наших ультра сенситивов не может его найти? — поинтересовался другой. — У него совсем нет эго, нет души?

— У него есть вибрация, но она не совсем человеческая. Каждый раз, когда нам кажется, что мы его засекли, мы обычно имеем дело с банковским хранилищем или сейфом какого-нибудь миллионера-параноика, — ответил старейший.

— Растет число американцев, с которыми у нас возникает та же проблема, — мрачно прокомментировал третий. — Мы слишком хорошо поработали с этой нацией. Они настолько сильно зациклены на этих кусках бумаги, что все остальные психические импульсы просто не считываются.

В беседу вступила четвертая.

— Сейчас нет основания для беспокойства, братья мои. План фактически реализован, и отсутствие у этого человека обычных качеств личела сослужит нам добрую службу, когда мы все же его найдем. Нет эго — нет и сопротивления. Мы сможем управлять им, как нам заблагорассудится. Звезды выстроились, *Тот, Чье Имя Неназывается*, с нетерпением ждет, и теперь мы должны быть бесстрашными!

Она говорила с энтузиазмом.

Остальные кивнули.

— *Heute die Welt, Morgens das Sonnensystem* [26] — с горячностью выкрикнул старейший.

— *Heute die Welt*, — повторили за ним все, — *Morgens das Sonnen-system!*)

Но двумя днями раньше, когда подводная лодка «Лейф Эрикссон» покинула воды Атлантики и вошла в подземное Валусийское море, что под Европой, Джордж Дорн слушал совершенно иной хор. Мэвис ему объяснила, что это еженедельная дискордианская *Agape Ludens*, или Праздник Любовной Игры. Кают-компания была празднично украшена порнографическими и психоделическими плакатами, мистическими рисунками христиан, буддистов и американских индейцев, воздушными шариками и леденцами, свисавшими на ярких цветных нитях с потолка, вдохновенными портретами дискордианских святых (в том числе Нортон I, Сигизмундо Малатесты, Гийома Аквитанского, Чжуан Чжоу, судьи Роя Бина, различных еще менее известных исторических фигур, а также горилл и дельфинов), букетами цветов, гроздьями желудей и тыкв, а также неизбежными золотыми яблоками, пятиугольниками и изображениями осминогов. Главным блюдом был показавшийся Джорджу самым вкусным в его жизни аляскинский краб «Ньюберг», слегка приправленный Панамской красной травкой. По столам передавали подносы с сушеными фруктами, сырами и канпе с невиданной икрой («Один Хагбард знает, где водятся эти осетры», — пояснила Мэвис), а в качестве основного напитка предлагалась смесь японского чая му из семнадцати трав и пейотного чая индейцев меномени. Пока все объедались, хохотали и медленно, но верно забалдевали, Хагбард — явно довольный, что они с БАРДАКом «решили проблему в Лас-Вегасе», — оживленно проводил религиозную церемонию, составлявшую часть *Agape Ludens*.

— Раб-а-дуб-дуб, — пел он. — Слава Эриде!

— Раб-а-дуб-дуб, — вторил оживленный хор команды. — Слава Эриде!

— *Сья-дасти*, — выводил Хагбард. — Все, что я говорю вам, истинно.

— *Сья-дасти*, — повторяла команда. — Слава Эриде! Джордж огляделся; в зале присутствовали представители трех или пяти рас (в зависимости от того, какой школе антропологии доверять) и около полусотни национальностей, но царившее чувство братства и сестринства позволяло подняться над всеми различиями и ощутить радость всеобщей гармонии.

— *Сья-давак-тавья*, — пел сейчас Хагбард. — Все, что я говорю вам, ложно.

— *Сья-давак-тавья*, — присоединился к хору Джордж. — Слава Эриде!

— *Сья-дасти-сья-насти*, — напевал Хагбард. — Все, что я говорю вам, бессмысленно.

— *Сья-дасти-сья-насти*, — соглашались все, некоторые с насмешкой. — Слава Эриде!

«Если бы тогда в баптистской церкви в Натли проводились такие богослужения, — подумал Джордж, — я никогда бы не заявил маме в девять лет, что религия — это сплошное мошенничество, и у нас не было бы той ужасной ссоры».

— *Сья-дасти-сья-насти-сья-давак-тавьяска*, — распевал Хагбард. — Все, что я говорю вам, истинно, ложно и бессмысленно.

— *Сья-дасти-сья-насти-сья-давак-тавьяска*, — отвечал хор. — Слава Эриде!

— Раб-а-дуб-дуб, — завершил Хагбард. — У кого-нибудь есть новое песнопение?

— Да здравствует краб «Ньюберг»! — выкрикнул голос с русским акцентом.

Лозунг мгновенно стал хитом.

— Да здравствует краб «Ньюберг»! — подхватили все.

— Да здравствуют эти охренительно обалденные красные розы! — внес свою лепту голос с оксфордским выговором.

— Да здравствуют эти охренительно обалденные красные розы! — согласились все.

Встала мисс Мао.

— Папа Римский — главная причина протестантизма, — тихо пропела она.

Эта фраза тоже имела оглушительный успех; все повторили ее хором, а один гармлемский голос добавил:

— В самую точку!

— Капитализм — главная причина социализма, — запела мисс Мао увереннее. Это тоже прошло на «ура», и тогда она продекламировала: — Государство — главная причина анархизма, — что с воодушевлением подхватили все присутствующие.

— Тюрьмы строятся из камней закона, бордели — из кирпичей религии, — продолжала петь мисс Мао.

— Тюрьмы строятся из камней закона, бордели — из кирпичей религии, — гудел зал.

— Последнюю мысль я украла у Уильяма Блейка, — спокойно сказала мисс Мао и села.

— Кто-то еще? — спросил Хагбард.

Никто не отозвался, поэтому через мгновение он сказал:

— Отлично, тогда я прочитаю мою еженедельную проповедь.

— К черту! — выкрикнул голос с техасским акцентом.

— Чушь собачья! — добавила мулатка из Бразилии. Хагбард нахмурился.

— И это все? — печально спросил он. — Остальные настолько пассивны, что готовы отсиживать задницы, пока я буду полоскать вам мозги?

Техасец, бразильянка и еще несколько человек встали.

— Мы отправляемся на оргию, — сообщила мулатка, и они удалились.

— Не скрою, я рад, что на этой лоханке еще сохранились какие-то остатки жизни, — усмехнулся Хагбард. — Что же касается оставшихся: кто мне скажет, не сказав ни слова, в чем заключается ошибка иллюминатов?

Юная девушка, самая молодая в команде (по прикидкам Джорджа, ей было не больше пятнадцати лет; он слышал, что она сбежала из сказочно богатой римской семьи), медленно подняла руку и сжала ее в кулак.

Хагбард в ярости повернулся к ней.

— Люди, ну сколько раз вам повторять: давайте без дешевки! Ты позаимствовала этот жест из дешевой книжки по дзэн-буддизму, в котором ни автор, ни ты ни черта не смыслите. Ненавижу указывать, но дутый мистицизм — это та единственная вещь, которая несовместима с дискордианством. Так что, умница-разумница, тебе недельный наряд на черную работу. На камбуз, драить котлы.

Девушка не шелохнулась и не опустила кулак, и Джордж заметил легкую улыбку, игравшую на ее губах. Тогда он и сам начал улыбаться. Хагбард на мгновение опустил глаза и пожал плечами.

— *O noi che siete in picciotta barca*, — тихо произнес он и поклонился. — В моем ведении по-прежнему остаются навигационные и технические вопросы, — заявил он, — но мисс Портинари сменяет меня на посту *Епископа* нашей Клики «Лейфа Эриксона». Все, кто не может самостоятельно решить какие-то духовные и психологические проблемы, обращайтесь к ней.

Он стремительно пересек кают-компанию, обнял девушку, весело расхохотался вместе с ней и надел на ее палец свое кольцо с золотым яблоком.

— Теперь мне не придется медитировать каждый день, — радостно крикнул он, — и у меня останется больше времени для размышлений.

В последующие два дня, пока «*Лейф Эриксон*» медленно пересекал Валусийское море и приближался к Дунаю, Джордж сделал открытие, что Хагбард действительно отказался от всех мистических штучек. Он занимался исключительно техническими вопросами и решал бытовые проблемы на лодке, проявляя гордое безразличие к ролевым играм, провокациям и прочим тактикам «срывания крыши», которые раньше казались сущностью его натуры. Явился новый Хагбард (а может, старый — такой, каким он был, пока не утвердился в образе гуру): трезвый, прагматичный инженер средних лет, невероятно умный и эрудированный, добрый и великодушный, со множеством мелких симптомов нервозности, беспокойства и перенапряжения. Но в целом он казался счастливым, и Джордж понимал, что Хагбард очень рад избавиться от того непомерного бремени, которое он прежде нес.

Что же касается мисс Портинари, то она полностью утратила свою стеснительность, благодаря которой ей раньше всегда удавалось оставаться в тени. С того момента, как Хагбард передал ей кольцо, она стала далекой и мудрой, словно этруская сивилла. Джордж даже почувствовал, что немного ее боится — и это чувство было ему неприятно, поскольку он считал, что уже преодолел страх, когда выяснил, что Робот, предоставленный самому себе, — не трус и не убийца.

Как — то раз, а именно 28 апреля, когда Джордж оказался за обеденным столом рядом с Хагбардом, он попытался обсудить с ним свои ощущения.

— Я теперь вообще не знаю, где моя голова, — неуверенно начал он.

— Что ж, тогда, как говорили незабвенные братья Маркс, надень шляпу прямо на шею, — усмехнулся Хагбард.

— Нет, серьезно, — пробормотал Джордж, наблюдая, как Хагбард отрезает кусок бифштекса. — Я действительно не чувствую себя ни пробужденным, ни просветленным, я вообще никакой. Я словно К. в «Замке»: однажды я это видел, но не знаю, как туда вернуться.

— Почему ты *хочешь* вернуться? — спросил Хагбард. — Я чертовски рад отойти от всего этого. Это работа тяжелее, чем добыча угля. — Он начал спокойно жевать, явно не в восторге от темы разговора.

— Это неправда, — запротестовал Джордж. — Часть тебя по-прежнему там, и всегда там будет. Ты просто отказался от роли гида для других.

— Я *пытаюсь* отказаться, — многозначительно произнес Хагбард. — Мне кажется, кое-кто намерен заставить меня снова служить. Прошу прощения. Я не волкодав и не военный. *Non Serviam* [27], Джордж.

Минуту Джордж ковырял свой бифштекс, затем попытался зайти с другого конца:

— А что это за итальянская фраза, которую ты произнес перед тем, как передать кольцо мисс Портинари?

— Просто ничего другого мне не пришло в голову, — смущенно пояснил Хагбард. — И, как обычно со мной бывает, я стал эстетствовать и умничать. В первой строфе Песни второй «Рая» Данте обращается к читателю: «*O voi che siete in picciolletta barca*», что означает: «О вы, которые в челне зыбучем». Он имел в виду, что читатели, не разделив с ним его Видения, не в состоянии полностью понять его слова. Я это переиначил, сказав: «*O noi che siete in picciolletta barca*»[28], признавая, что она опережает меня в понимании. Я должен получить премию Эзры Паунда за умение скрывать эмоции в паутине эрудиции. Вот почему я с радостью отказываюсь от роли гуру. Я всегда справлялся с ней очень посредственно.

— Да, но ведь ты по-прежнему опережаешь меня... — начал было Джордж.

— Послушай, — прорычал Хагбард. — Я уставший инженер в конце трудного длинного дня. Не могли бы мы поговорить о вещах, не столь напрягающих мой истощенный мозг? Что ты думаешь насчет экономической системы, которую я в общих чертах изложил во второй части «*Не свисти, когда писаешь*»? Я решил, что пора называть ее техно-анархизмом; как ты считаешь, на первый взгляд это более понятно, чем анархо-капитализм?

И разочарованный Джордж оказался втянут в долгую дискуссию о беспроцентном обращении денежных знаков, земле управлении вместо землевладения, неспособности монопольного капитализма привести к изобилию и других вопросах, которые интересовали его неделю назад, но сейчас казались совсем не главными в сравнении с вопросом, сформулированным дзэнскими мастерами: «Как извлечь гуся из бутылки, не разбив стекла?». Если уж совсем точно, его интересовала проблема извлечения Джорджа Дорна из «Джорджа Дорна» без разрушения ДЖОРДЖА ДОРНА.

В тот вечер Мэвис снова подошла к его кровати, и Джордж снова сказал:

— Нет. Нет, пока ты не полюбишь меня так, как я люблю тебя.

— Ты превращаешься в педанта, — сказала Мэвис. — Не пытайся ходить, не обучившись ползать.

— Послушай! — воскликнул Джордж. — Предположим, наше общество систематически калечило бы каждому ребенку ноги, а не мозги. Тогда тех детей, которые пытались бы подниматься и ходить, называли бы невротиками? А неловкость, которую они проявляли бы при первых попытках ходить, описывали во всех психиатрических журналах как доказательство регрессивного и шизоидного характера их асоциального и неестественного стремления к хождению? А те из вас, кто знал бы секрет, вели бы себя высокомерно, отчужденно и советовали нам набраться терпения и ждать, пока мы не дорастем и не настанет время, когда мы будем достойны, чтобы вы приоткрыли нам завесу, не так ли? Дерьмо собачье! Я сделаю это сам.

— Я ничего не утаиваю, — мягко сказала Мэвис. — Пока оба полюса не заряжены, поле не возникнет.

— Значит, по-твоему, я — незаряженный полюс? Иди-ка ты к чертовой бабушке!

Только Мэвис ушла, явилась Стелла в прелестной китайской пижаме.

— Хочешь? — спросила она напрямик.

— Боже Всемогуший, да!

Через девяносто секунд они были обнажены и он покусывал ее ушко, поглаживая рукой лобковую клумбу. Но в его мозгу работал диверсант. «Я люблю тебя», — думал он, и это не было неправдой, потому что сейчас он

любил всех женщин, частично осознавая реальную власть секса; но он не мог заставить себя произнести эту фразу вслух, потому что это не было и абсолютной правдой, ибо Мэвис он любил сильнее, намного сильнее. «Ты мне ужасно нравишься», — чуть не сказал он, но остановился, почувствовав абсурдность этой фразы. Ее пальцы обвились вокруг его члена и обнаружили его мягкость. Она открыла глаза и вопросительно взглянула на него. Он быстро поцеловал ее губы и начал водить рукой все ниже, пока не нащупал пальцем клитор. Но даже когда ее дыхание стало учащенным, он не прореагировал на это в своей обычной манере, и ее рука в отчаянии начала массировать его член. Он скользнул вниз, целуя на пути ее соски и пупок, и начал лизать клитор. Как только она кончила, он сжал ее ягодицы, приподнял таз, ввел язык в ее влагалище и вызвал еще один быстрый оргазм, затем сразу ее отпустил и начал очень нежно и медленно вылизывать, спиралеобразно возвращаясь к клитору. Но его пенис по-прежнему оставался вялым.

— Стоп, — выдохнула Стелла. — Давай теперь я, малыш. Джордж подтянулся повыше и обнял ее.

— Я люблю тебя, — сказал он, и неожиданно это не прозвучало фальшиво.

Стелла хихикнула и быстро поцеловала его в губы.

— Не так-то просто вытянуть из тебя эти слова, да? — задумчиво сказала она.

— Честность — худшая стратегия, — сурово сказал Джордж. — В детстве я был вундеркиндом, понимаешь? Ненормальным. Это было тяжело. Мне приходилось все время защищаться, и почему-то я сделал ставку на честность. Рядом со мной всегда были мальчишки постарше, поэтому я никогда не побеждал в драке. У меня оставался единственный шанс почувствовать свое превосходство или, скажем, не начать страдать комплексом неполноценности: быть самым честным придурком на планете Земля.

— Иными словами, ты не сможешь сказать «Я люблю тебя», пока на самом деле не полюбишь? — рассмеялась Стелла. Пожалуй, ты единственный мужчина во всей Америке с *такого рода* проблемой. Если бы ты побыл в женской шкуре, малыш, пусть ненадолго! Ты даже не представляешь, насколько лживы мужчины в своем большинстве.

— О, иногда я произносил эти слова. Когда они были хотя бы наполовину правдой. Но они всегда казались мне притворством, и я чувствовал, что женщина тоже это ощущает. На этот раз все получилось само собой, совершенно естественно, без усилий.

— Вот это хорошо, — улыбнулась Стелла. — И я не могу допустить, чтобы награда не нашла героя. — Ее черное тело скользнуло вниз, и он любовался им, получая эстетическое наслаждение: черное на белом, словно *Инь-Ян* или Священное Хао. Какой психоз представителей белой расы заставил их считать эту красоту уродством? Затем она сжала губами его пенис, и он почувствовал, что ее слова развязали узел: в одну секунду он возбуждился. Он закрыл глаза, наслаждаясь своим ощущением, затем снова их открыл, глядя на ее прическу «афро», серьезное смуглое лицо, собственный член, скользивший поршнем у нее во рту. — Я люблю тебя, — повторил он более уверенно. — О Господи, О Эрида, о девочка, девочка моя, я люблю тебя! — Он вновь закрыл глаза и позволил Роботу откликнуться на ее ласки ритмичным движением таза. — О, стоп, — сказал он, — стоп, — подтягивая ее к себе и переворачивая на спину, — вместе, — сказал он, ложась на нее

сверху, — вместе. — Ее глаза закрылись, когда он в нее вошел, и затем снова на мгновение открылись, встретив его взгляд, полный глубокой нежности. — Я люблю тебя, Стелла, люблю, — и с самого начала зная, что ей не мешает его вес, он вдавливался в нее всем телом, не перенося часть веса в опору на руки, а обнимая ее, прижимаясь животом к животу, грудью к груди, а ее руки в ответ обнимали его и он слышал ее голос: «Я тоже тебя люблю, о, я люблю тебя». Он покачивался в ритме ее слов, и говорил ей «милая» и «любимая», а потом не было слов, был взрыв, и все его тело, а не только пенис, снова вспыхнуло светом, прошло через *шандалу* на другую сторону и погрузилось в долгий сон.

На следующее утро они со Стеллой снова трахались, безумно и радостно; они так много раз говорили друг другу «я люблю тебя», что это стало для него новой мантрой, и даже за завтраком они снова шептались. Его больше не беспокоила ни проблема Мэвис, ни проблема достижения полного просветления. Он с наслаждением уплетал яйца с беконом, которые казались ему вкуснее обычного, обменивался интимными и совершенно дурацкими шутками со Стеллой и пребывал в абсолютной гармонии с самим собой.

(Но девятью часами раньше, в «это же» время, индейцы, переодетые божествами-качинами, собрались в центре Ораби, древнейшего города в Северной Америке, и начали исполнять неизвестный танец, поразивший заезжего антрополога. После опроса многочисленных стариков и старух из племени Мирных Людей — а именно так переводится индейское слово *хопи*, — антрополог узнал, что этот танец посвящен Той Женщине, Которая Никогда Не Меняется. Антрополог знал достаточно, чтобы не совершить ошибку и не перевести это имя по грамматическим правилам своего родного языка. Ведь оно символизировало важный аспект *философии Времени* индейцев *хопи*, имевшей много общего с *философиями Времени* Саймона Муна и Адама Вейсгаупта и ничего общего с тем, чему учат о времени студентов-физиков (по крайней мере, на младших курсах). Ему рассказали, что необходимость в исполнении этого танца возникала всего четыре раза, и все четыре раза опасности подвергались многие миры; а сейчас, в момент величайшей опасности, наступил пятый раз. Антрополог, индус по имени Индол Рингх, быстро записывал в своем блокноте: «Параллели: четыре юги в *Упанишадах*, суданская легенда о Вагаду[29] и странные фантазии Марша об Атлантиде[30]. Это может быть грандиозно». Танец продолжался, монотонно били барабаны, а где-то далеко Кармела внезапно бросило в пот...

А в Лос-Анджелесе Джон Диллинджер спокойно зарядил револьвер, кинул его в портфель и надел на аккуратно причесанные серебристо-седые волосы панамскую шляпу. Он напевал песню из далекой юности: «Под звон этих свадебных колоколов распадается моя старая банда...» Надеюсь, этот сутенер там, где сказал Хагбард, — думал он; — до объявления военного положения у меня в запасе всего восемнадцать часов... «Прощайте навсегда, — мычал он, — старые друзья...»

Я увидел фнордов в тот самый день, когда услышал о пластиковом мартини. Позвольте мне высказаться предельно ясно и точно, поскольку многие люди в этом путешествии намеренно и упорно все запутывают: я не увидел бы, *не смог бы* увидеть фнордов, если бы Хагбард Челине не загипнотизировал меня предыдущей ночью на летающей тарелке.

Я был дома. Прочитав служебные записки Пат Уэлш и прослушав новую запись из Музея естествознания, я пополнял мою настенную коллекцию изображений Вашингтона-Вейсгаупта несколькими новыми образцами, когда

за окном зависла тарелка. Не стоит и говорить, что это не вызвало у меня особого удивления. Невзирая на инструкции ЭФО, от поездки в Чикаго я сохранил чуток АУМа. И принял его. После встречи с Дили-Ламой, не говоря уже о Мала-клипсе Старшем, и наблюдения за тем, как этот безбашенный Челине действительно разговаривал с гориллами, я предположил, что АУМ открыл в моем мозгу что-то поистине оригинальное и мое сознание стало восприимчивым. Хотя, если честно, появление НЛО меня немного разочаровало; ведь их и без меня видело огромное множество людей, а я был готов к восприятию того, чего до меня никто не видел и даже не представлял.

Меня ждало еще большее разочарование, когда на меня оказали «психическое воздействие» и «заглотнули» на борт, и вместо марсиан или разумных насекомых из Крабовидной туманности я увидел Хагбарда, Стеллу Марис и еще несколько человек с «Лейфа Эриксона».

— *Слава Эриде*, — сказал Хагбард.

— *Да здравствует Дискордия*, — ответил я, дополняя, как положено, двойку тройкой, чтобы получилась пятерка. — Что-то случилось или вы просто хотите мне показать ваше последнее изобретение?

Внутри тарелки, как ни банально это звучит, было жутковато. Пространство казалось неевклидовым и полупрозрачным; меня не покидало ощущение, что я могу провалиться сквозь пол и удариться о землю. Потом мы полетели, и стало еще хуже.

— Пусть тебя не смущает архитектура, — сказал Хагбард. — Это моя реализация синергической геометрии Баки Фуллера. Здесь все меньше, и намного тверже, чем кажется. Отсюда не выпадешь, поверь мне.

— Значит, именно эта хреновина стоит за всеми сообщениями о летающих тарелках, начиная с 1947 года? — с любопытством спросил я.

— Не совсем так, — засмеялся Хагбард. — В сущности, это мистификация. Этот план разработало правительство Соединенных Штатов, причем это была одна из немногих его самостоятельных идей где-то с середины первого срока президентства Рузвельта. Все остальные идеи правительству подбрасывали иллюминаты. Это как бы запасной туз в рукаве на случай непредвиденных обстоятельств в России и Китае.

— Привет, малыш, — нежно сказал я Стелле, памятуя о Сан-Франциско. — Может быть, ты мне растолкуешь, о чем говорит Челине, без риторики и парадоксов?

— Государство существует благодаря страху перед внешней угрозой, — охотно начала Стелла. — Если людям нечего бояться, они могут понять, что им не нужна твердая государственная рука, которая все время залезает им в карманы. Поэтому, на случай, если России и Китаю придет конец по каким-то внутренним причинам, или они начнут между собой воевать и взорвут друг друга на хрен, или пострадают в результате каких-нибудь неожиданных природных катаклизмов, то есть исчезнет внешняя угроза, в народе распространили миф о летающих тарелках. Если исчезнут земные враги, которыми можно пугать американский народ, миф о летающих тарелках сразу же изменится. Появятся «свидетельства» того, что тарелки прибыли с Марса и марсиане планируют вторжение на Землю и порабощение землян. Дошло?

— Поэтому, — дополнил Хагбард, — я построил эту маленькую штуковину и теперь могу путешествовать там, где мне хочется, без помех. Каждого, кто увидит этот летательный аппарат, будь то оператор

радиолокационной установки с двадцатилетним стажем работы или старушка из провинции, правительство объявит жертвой самовнушения, поскольку ему известно, что такие аппараты пока не создавались. Я могу летать над такими городами, как Нью-Йорк, над засекреченными военными объектами и вообще везде, где захочу. Здорово, да?

— Очень здорово, — сказал я. — Только не пойму, зачем ты меня сюда притащил?

— Тебе пора увидеть фнордов, — ответил он.

Потом я проснулся в своей постели, как оказалось, на следующее утро. В довольно скверном настроении я готовил себе завтрак, размышляя о том, видел ли я фнордов, чем бы они, черт побери, ни были, в те часы, которые он стер из моего сознания, или же я увижу их, как только выйду на улицу. Должен признаться, что я представлял этих фнордов довольно страшными. Трехглазые твари с щупальцами, спасшиеся выходцы из Атлантиды, которые живут среди нас и выполняют мерзкую работу для иллюминатов, оставаясь невидимыми благодаря некоему защитному кокону. Эти мысли меня нервировали, поэтому я решил признать свои страхи и выглянуть из окна. Уж лучше сначала увидеть фнордов на расстоянии.

Ничего. Самые обычные сонные люди, спешащие к автобусным остановкам и к станции метро.

Это немного меня успокоило, поэтому я поставил на стол кофе с гренками и сходил в коридор за «Нью-Йорк тайме». Я поймал по радио хорошую музыку Вивальди, сел за стол, взял поджаренный тост и начал просматривать первую страницу.

И тут я увидел фнордов.

В передовице освещалась очередная перебранка между Россией и США в Генеральной Ассамблее ООН, и после каждой процитированной фразы русского представителя я читал вполне отчетливое «Фнорд!» В другой статье рассказывалось о дебатах в Конгрессе по поводу выведения американских войск из Коста-Рики; каждый из аргументов сенатора Бейкона сопровождался очередным «Фнорд!», Внизу страницы размещался анализ проблемы загрязнения окружающей среды, вынуждающего нью-йоркцев покупать все больше газовых масок; чем тревожнее были химические факты, тем большим количеством фнордов они перемежались.

Вдруг я увидел устремленный на меня взгляд Хагбарда и услышал его голос: «Твое сердце бьется ровно. Твоя адреналиновая железа невозмутима. Ты спокоен, абсолютно спокоен. Ты не паникуешь. Ты смотришь на фнорда и видишь его. Ты его не избегаешь и не пытаешься не замечать. Ты сохраняешь спокойствие и бесстрашно смотришь на него». А потом время пошло в обратную сторону, все дальше в прошлое: мой учитель в первом классе пишет на доске ФНОРД, пока на его столе вращается колесо-спираль, вращается и вращается, и я слышу, как оно монотонно бубнит: ЕСЛИ ТЫ НЕ ВИДИШЬ ФНОРДА, ОН ТЕБЯ НЕ СЪЕСТ, НЕ ВИДЬ ФНОРДА, НЕ ВИДЬ ФНОРДА. Я снова заглянул в газету и опять увидел фнордов.

Я понял, что опередил на один шаг Павлова. Мой первый условный рефлекс сработал, когда я ощутил паническую реакцию (техническое название «синдром активации») при каждой встрече со словом «фнорд». Второй условный рефлекс сработал, когда я хотел забыть обо всем случившемся, включая само слово «фнорд», и ограничиться неким фоновым ощущением чего-то необычного, не понимая почему. А третий шаг, конечно же, состоял в желании приписать этот страх газетным статьям, которые,

впрочем, были-таки достаточно ужасными.

Разумеется, любой контроль основан на страхе. Из-за фнордов все люди постоянно живут в состоянии хронического стресса, страдают язвой желудка, приступами головокружения, ночными кошмарами, учащенным сердцебиением и другими симптомами избыточного выброса адреналина. Все мое левацкое презрение к соотечественникам рассеялось, я почувствовал к ним искреннюю жалость. Не удивительно, что бедняги верят во все, что им говорят; не жалуются, вдыхая грязный воздух перенаселенных городов; никогда не протестуют, пока их сыновей бессмысленно убивают на нескончаемых войнах; никогда не дают сдачи; никогда не бывают счастливы, эротичны, любопытны или по-человечески эмоциональны; всю жизнь живут в узком туннеле реальности с ограниченным полем зрения; проходят мимо трущоб, не видя ни человеческого горя, которое в них обитает, ни потенциальной угрозы, которую эти трущобы представляют для их безопасности... Затем меня осенило, и я быстро посмотрел на рекламу. Так я и думал: ни одного фнорда. И это тоже часть хитроумного плана: только в потреблении, бесконечном потреблении можно спрятаться от расплывчатой угрозы со стороны невидимых фнордов.

По пути на работу я продолжал об этом думать. Интересно, если бы я показал фнорда любому человеку, которого Хагбард, в отличие от меня, не *декондиционировал*, что бы он сказал? Наверное, прочитал бы слово, стоявшее *перед* фнордом или *после* него. «Не это слово», — сказал бы я. А он вновь прочитал бы соседнее слово. Интересно, возросла бы их паника, если бы ощущение угрозы проникло в их сознание? Я предпочитал не экспериментировать; пробная прелюдия могла закончиться психотической фугой у испытуемого. В конце концов, *кондиционирование* начиналось еще в начальной школе. Не удивительно, что нам так ненавистны первые учителя: у нас сохранилась смутная, замаскированная память о том, что они с нами делали, превращая нас в надежных и преданных слуг иллюминатов.

Когда я пошел к своему рабочему столу, Питер Джексон протянул мне листок бумаги.

— Что ты об этом думаешь? — спросил он, озадаченно насупив брови.

С листка на меня таращился старый добрый символ глаза в пирамиде. «Компания „Братья де Молэ“ приглашает Вас на премьерную дегустацию первого в мире пластикового голого мартини...», — сообщал текст. При внимательном рассмотрении глаз в треугольнике превратился в эллиптический ободок бокала для мартини, а зрачок глаза оказался плававшей в коктейле оливкой.

— Что это еще за пластиковое голое мартини? — поинтересовался Питер Джексон. — И почему вообще нас приглашают на рекламную тусовку?

Джо снова взглянул на рисунок. Возможно, это совпадение. Но разве «совпадение» не то же самое, что «схронистичность»?

— Наверное, я пойду, — сказал он. — А это что? — добавил он, увидев на столе яркий плакат.

— А, это прилагается к последнему альбому «Американской Медицинской Ассоциации», — сказал Питер. — Мне-то плакат не нужен, но я подумал: вдруг тебе пригодится. Давно бы тебе пора выбросить этих твоих «Роллинг Стоунз». Мы живем в эпоху стремительных перемен. Человека, годами не снимающего со стены старые плакаты «стоунов», можно счесть и консерватором...

Фон плаката был угольно-черным. На музыкантах были белые

комбинезоны. Трое соединили вытянутые в стороны руки, образуя треугольник, а четвертый, общепризнанный лидер группы по имени Вольфганг Зауре, стоял в центре со скрещенными руками. Снимок был сделан сверху, так что видны были лишь четыре головы и вытянутые в стороны руки. Вид одной женщины и троих молодых мужчин с гладко выбритыми скуластыми лицами, «ежином» белокурых волос и ледяным взглядом голубых глаз показался Джо невероятно зловещим. Если бы нацисты победили в войне и Генрих Гиммлер сменил Гитлера на посту правителя Германской Империи, миром правили бы именно такие вот ребята. Да эти, собственно, почти что и правили, только в несколько ином смысле: став музыкальными кумирами после «Битлз» и «Роллинг Стоунз», они превратились в императоров молодежи. Хотя повсюду царила мода на длинные волосы, эти ребята создали себе такой стерильно-медицинский образ, как бы выражая протест против стиля «для всех».

Сам Вольфганг как-то сказал: «Если тебе нужны внешние атрибуты твоей принадлежности, то ни о какой принадлежности не может быть и речи».

— Что-то у меня от них мороз по коже, — сказал Джо.

— А что ты чувствовал, когда появились «Битлз»? — поинтересовался Питер.

Джо пожал плечами.

— От них меня тоже корбило. Они были такие безобразные и бесполое со своими стрижками, словно какие-то... оборотни-подростки. Но запросто гипнотизировали двенадцатилетних девочек.

Питер кивнул.

— Основная часть фанатов АМА еще моложе. Так что лучше начинай к ним привыкать прямо сейчас. Это надолго.

— Слушай, Питер, давай-ка вместе перекусим, — сказал Джо. — Потом мне нужно сделать кое-какую работу, а в четыре я уйду на этот вечер пластикового мартини. Хотя нет, сначала я сниму со стены «Роллинг Стоунз» и повешу вместо них «Американскую Медицинскую Ассоциацию», а ты поддержи мне пока стул.

Оказывается, «Братья де Молэ» не шутили. Мартини с оливками (или луковками, кому как нравилось) подавали в прозрачных пластиковых стаканчиках в форме обнаженных женских тел. Какая безвкусица, подумал Джо. Затем у него мелькнула мысль, что неплохо было бы внедриться в эту компанию, чтобы во все пластиковые голые мартини подлить порцию АУМа. Потом он вспомнил эмблему и подумал, что проникновение в компанию могло уже состояться. Вот только с чьей стороны?

В зале была красивая девушка яркой дальневосточной наружности. У нее были черные волосы, доходившие до поясницы, а когда она подняла руки, чтобы поправить украшение на голове, Джо с изумлением увидел в ее подмышках густые черные волосы. Он знал, что у женщин этой расы обычно мало волос на теле. Возможно, у нее в роду были волосатые айну из Северной Японии? Он сам удивился, что волосы в подмышках могут так его взволновать, и подошел к девушке пообщаться. Первым делом он заметил, что в центре ее головной повязки красовалось золотое яблоко с буквой К. Джо обрадовался: «Она одна из НАС!» Нет, не зря он пришел на эту вечеринку.

— Правда, дурацкая форма у этих стаканов с мартини? — начал Джо издали.

— Почему? Вам неприятны обнаженные женщины?

— Да нет, просто эти сосуды имеют такое же отношение к обнаженным женщинам, как любой другой кусок пластмассы, — отозвался Джо. — Я имею в виду, что это дешевка, свидетельствующая о полном отсутствии вкуса. Впрочем, вся американская индустрия — это не что иное, как огромный цирк шапито. Как вас зовут?

Черные глаза внимательно его оглядели.

— Мао Цзуси.

— Родственница?

— Нет. Мое имя по-китайски означает «кошка». А его — нет. Его зовут *Мао*, а меня — *Мао*. — Джо был очарован ее певучим бархатным голосом.

— Ну что ж, мисс Кошка, скажу вам, что вы — самая привлекательная женщина, которую я встречал в своей жизни.

Она не стала возражать против флирта, и вскоре они уже вели удивительно интересный разговор — содержание которого он так никогда и не вспомнил. Как не заметил и щепотку порошка, подсыпанного ею в его martini. Просто начал чувствовать себя как-то странно. Цзуси взяла его под руку и повела в гардероб. Они взяли верхнюю одежду, оделись, вышли на улицу и остановили такси. Сидя на заднем сиденье, они долго целовались. Она распахнула пальто, а он расстегнул молнию, на которой держался ее наряд. Он дотронулся до ее груди, погладил живот и уткнулся головой в черный треугольник волос. На ней не было белья. Используя свое пальто в качестве ширмы, загораживавшей их от водителя такси, она помогла Джо вытащить наружу его возбужденный член. Сделав несколько быстрых проворных движений, она задрала повыше юбку, приподняла маленькую попку, соскользнула вниз и нанизала свое хорошо увлажненное влагалище на его член. Оседлав Джо, она начала двигаться. Трахаться в такой позе было трудно и неудобно, но она оказалась настолько легкой и настолько хорошо удерживала равновесие, что без труда достигла сладостного оргазма. Шумно втянув воздух, она затаила дыхание, и по ее телу пробежала сладкая дрожь. На долю секунды она откинула голову на его плечо, затем легко приподнялась и вращательными движениями таза довела до оргазма и Джо.

Он осознал, что, случись это несколькими месяцами, или годами, раньше, его ощущения были бы намного острее. Сейчас же, несмотря на возросшую чувствительность, Джо отчетливо понимал, что ему не хватает подлинного энергетического контакта. По обычным стандартам, эффект, оказанный на него ДЖЕМами и дискордианцами, был парадоксальным. С тех пор как они начали работать над его нервной системой, он стал пуританином не больше (скорее меньше), чем прежде, но в тоже время ему стал менее приятен случайный секс. Он вспомнил резкие филиппики Атланты Хоуп против «сексизма» в ее книге *«Телемах чихнул»*, ставшей Библией движения «Божья молния», и внезапно уловил в них некоторый смысл. «Сексуальная Революция в Америке была таким же обманом, как Политические Революции в Китае и России», — писала Атланта в обычном для нее стиле, не жалея заглавных букв; и в каком-то смысле она была права. Люди по-прежнему завернуты в целлофан ложного эго, и даже если они друг с другом совокупляются и испытывают оргазмы, на них по-прежнему остается слой целлофана, препятствующий реальному контакту.

И потом, если Мао — та, за кого он ее принимал, то она должна знать это лучше него. Был ли этот быстрый холодный спазм неким испытанием, уроком или демонстрацией? Если да, то какого рода реакция от него ожидалась?

А затем он вспомнил, что она не назвала водителю адрес. По неизвестным ему причинам такси дожидалось именно их, чтобы отвезти в какое-то заранее назначенное место.

«Я видел фнордов, — подумал он. — Теперь я увижу что-то большее».

Такси остановилось на узкой, совершенно темной, явно нежилой улице. Мисс Мао вошла в одно из старых зданий, открыв дверь своим ключом. Джо проследовал за ней. Они поднялись по каким-то лязгающим чугунным ступенькам, прошли рука об руку по длинному темному коридору, потом через вереницу приемных, где каждая последующая была обставлена лучше предыдущей, и наконец вошли в роскошный зал заседаний. Джо покачал головой, пораженный тем, что увидел, но что-то (он подозревал, что наркотик) удерживало его от излишней эмоциональности и активности.

За столом сидели мужчины и женщины в костюмах разных эпох человеческой истории. Джо узнал одежду индейцев, китайцев, японцев, монголов и полинезийцев, классическую греческую и римскую одежду, наряды средневековья и эпохи Возрождения. Были и другие наряды, которые с первого взгляда показались ему незнакомыми. Джо подумал, что это напоминает собрание на борту «Летучего Голландца». Разговор шел об иллюминатах, дискордианцах, ДЖЕМах и эридианцах.

Человек с аккуратно подстриженными усами и козлиной бородкой, в стальном нагрудном панцире и шлеме с золотой инкрустацией сказал:

— Сейчас с вероятностью девяносто восемь процентов можно прогнозировать, что иллюминаты готовят на Фернандо-По международный кризис. Вопрос лишь в том, совершить ли нам рейд на остров и забрать исторические памятники прямо сейчас, заранее побеспокоившись о том, чтобы ничего не пропало, или же подождать и проникнуть на остров, воспользовавшись беспорядками?

Человек в красной шелковой мантии с вышитым на ней драконом сказал:

— С моей точки зрения, воспользоваться беспорядком будет невозможно. Ситуация кажется хаотической только внешне, на самом же деле иллюминаты держат ее под жестким контролем. Действовать надо сейчас.

Женщина в просвечивающей шелковой блузе, которая не скрывала ее темных округлых грудей, сказала:

— Как вы понимаете, мистер Малик, для вашего журнала это может стать просто находкой. Отправьте туда репортера, чтобы он изучил условия и разобрался в ситуации на Фернандо-По. Экваториальной Гвинее свойственны обычные проблемы всех развивающихся африканских государств. Вспыхнет ли война между племенами фанг и буби, препятствуя дальнейшему развитию общенациональной экономики? Не приведет ли бедность материковой части страны к попыткам экспроприировать богатства острова Фернандо-По? И как там с армией? И что слышно насчет капитана Хесуса Текилья-и-Моты? Интервью, взятое у него, через три года может стать журналистской сенсацией.

— Да, — согласно кивнула крупная женщина в ярко окрашенных мехах. — Если мы считаем, что желательно заблаговременно предупредить мир о тревожной ситуации на Фернандо-По, то почему бы не сделать это через «Конфронтэйшн»?

— Вы за этим меня сюда пригласили? — спросил Джо. — Чтобы рассказать о событиях на Фернандо-По? Но где вообще это чертово Фернандо-По?

Загляни в атлас мира, когда вернешься на работу. Это такой остров у западного побережья Африки, — сказал темнокожий узкоглазый мужчина в бизоньей шкуре, украшенной перьями. — Сам понимаешь, мы не просим тебя упоминать о тех реальных силах, которые там действуют, — добавил он. — Не стоит, например, рассказывать, что Фернандо-По — это один из последних оставшихся на поверхности фрагментов континента Атлантиды.

Мао Цзуси стояла около Джо со стаканом розовой жидкости.

— Выпей-ка это, — сказала она. — Это обострит твоё восприятие.

Человек в расшитом золотыми галунами фельдмаршальском мундире сказал:

— Следующий вопрос повестки дня — это мистер Малик. Мы должны его просветить, в некоторой степени. Давайте этим, в той самой степени, и займемся.

Свет в зале сразу же погас. В дальнем углу послышалось стрекотание, а на противоположной стене Джо заметил киноэкран.

КОГДА ЗЕМЛЕЙ ПРАВИЛА АТЛАНТИДА

Буквы, из которых состоят слова названия, напоминают сложенные штабелями кирпичики, формируя что-то вроде ступенчатой пирамиды. За названием фильма идут кадры с видами Земли, какой она была тридцать тысяч лет назад во время Ледникового периода: мамонты, саблезубые тигры, охотники-кроманьонцы... Голос за кадром объясняет, что в это же время на континенте Атлантида процветает величайшая человеческая цивилизация. Как говорит диктор, атлантам неведомы Добро и Зло. Они живут до пятисот лет и не боятся смерти. Тела всех атлантов покрыты шерстью, как у обезьян.

После показа разнообразных сцен жизни в Зуконг-Гиморлад-Сирагозе, крупнейшем и главном городе на континенте (но не *столице*, потому что у атлантов нет *правительства*), зритель видит лабораторию, где молодой (ему всего сто лет) ученый ГРУАД демонстрирует коллеге ГАО ДВОДИНУ биологический эксперимент. Он показывает гигантского водяного змеечеловека. Гао Дводин потрясен, но Груад заявляет, что ему скучно; он жаждет изменить себя каким-нибудь неожиданным образом. Груад уже и так выглядит довольно необычно: в отличие от всех атлантов, его тело не покрыто шерстью. У него есть только короткие светлые волосы на верхней части головы и вокруг рта. По сравнению с другими жителями Атлантиды он выглядит уродливо голым.

Груад одет в светло-зеленую мантию с высоким воротником; на его руках перчатки. Он говорит Гао Дводину, что ему надоело копить знание ради самого знания:

— Это еще один замаскированный способ жизни в поисках наслаждения; именно так живет подавляющее большинство наших соотечественников-атлантов. Разумеется, ничего плохого в наслаждении как таковом нет, ибо оно приводит в движение энергии, но я чувствую, что есть нечто более высокое и героическое. Я не знаю, как это назвать, но знаю, что оно существует.

Гао Дводин ошарашен:

— Как же ты, ученый, можешь утверждать, что *знаешь* о существовании

чего-то, не имея никаких свидетельств?

Груад удручен его словами и признает:

— Мне нужно почистить объектив.

Но через мгновение к нему возвращается бодрость духа:

— И тем не менее, несмотря на минутные сомнения, я уверен, что мой объектив на самом деле прозрачен. Конечно, я должен найти свидетельства. Но уже сейчас, даже не начав, я, кажется, знаю, что найду. Мы можем быть величественнее и изысканнее, чем сейчас. Я смотрю на то, что собой представляю, и порой презираю себя. В сущности, я просто разумное животное. Обезьяна, которую научили играть с орудиями труда. Я хочу быть кем-то большим. Я утверждаю, что мы можем быть такими же, как ллойгоры, и даже подняться выше их уровня. Мы можем победить время и завладеть вечностью, как и они. И я хочу этого достичь — или погибнуть.

Место действия переносится в банкетный зал, куда почтенный атлантический ученый ИНГЕЛ РАЙЛД пригласил всю элиту Атлантиды, чтобы отпраздновать большое достижение в исследовании космического пространства — искусственное генерирование солнечной вспышки. Ингел Райлд вместе с коллегами создал ракету, которая при столкновении с Солнцем взрывается. Он рассказывает покуривающему марихуану собранию:

— Мы можем запрограммировать вспышку с точностью до секунды, а расстояние, на которое она вырвется из Солнца, — до миллиметра. Вспышка достаточной мощности может сжечь нашу планету дотла. В результате вспышки меньшей мощности Земля может подвергнуться бомбардировке такими радиационными потоками, что зона, расположенная ближе всего к Солнцу, будет вообще уничтожена, а остальная часть планеты претерпит радикальные изменения. Пожалуй, самыми серьезными последствиями избыточного ионизирующего излучения станут биологические изменения. Жизненные формы сильно пострадают и, очевидно, начнут вымирать. Появятся новые жизненные формы. Во всей природе произойдет колоссальный сдвиг. Это уже происходило естественным образом с нашей планетой несколько раз. Например, семьдесят миллионов лет назад, когда внезапно с лица Земли были стерты динозавры, а вместо них появились млекопитающие. Нам еще предстоит многое узнать о механизме самопроизвольных солнечных вспышек. Однако наше умение вызывать искусственные вспышки на Солнце — это шаг в сторону контроля над вспышками естественными. Когда мы достигнем этой стадии, наша планета будет надежно защищена от тех катаклизмов, которые когда-то уничтожили динозавров.

После аплодисментов женщина по имени КАДЖЕСИ спрашивает, не будет ли дерзостью такое насилие над «нашим Отцом Солнцем». Ингел Райлд отвечает, что человек — это часть природы. Поэтому все, что делает человек, — естественно и не может считаться насилием. Тут сердито вмешивается Груад и говорит, что он, непривлекательный мутант, — как раз и есть продукт насилия над природой. Он заявляет Ингелу Райлду, что атланты по-настоящему не понимают ни природы, ни царящего в ней порядка. Он утверждает, что человек — детище природы и должен подчиняться ее законам. Им подчиняется все сущее в природе, но с человеком дело обстоит иначе, потому что он способен нарушать законы природы, которые им управляют.

— О человечестве, — продолжает Груад, — можно говорить, как мы говорим о наших машинах, на языке действия ожидаемого и действия

произведенного. Если машина не выполняет то, ради чего она создана, мы пытаемся ее подправить. Мы хотим, чтобы она делала то, что *должна* делать, что ей *следует* делать. Мне кажется, у нас есть право и обязанность требовать то же самое от людей. Чтобы они выполняли то, что *должны*, то, что им *следует*.

Его перебивает ЛХУВ КЕРАФТ, старый ученый с живыми глазами:

— Но ведь люди — не машины, Груад.

— Вот именно, — отвечает Груад. — Я уже размышлял над этим. Поэтому я придумал новые слова, слова более сильные, чем *должно* и *следует*. Когда человек выполняет, что должен, я называют это *Добром*; все остальное я называю *Злом*.

Эту диковинную концепцию собравшиеся встречают дружным смехом. Груад пытается говорить убедительно, осознавая свое одиночество первопроходца и отчаянно стремясь достучаться до закрытых душ окружающих. Безуспешно приведя еще ряд доводов, он начинает угрожать:

— Люди Атлантиды живут не по закону. В своей гордости они стреляют даже по Солнцу, да еще и хвалятся этим, как сегодня делали вы, Ингел Райлд. Я утверждаю, что, если атланты не начнут жить в соответствии с законом, их ждет неминуемая катастрофа. Катастрофа, которая сотрясет всю Землю. Предупреждаю вас! Прислушайтесь к моим словам!

Груад величественно покидает банкетный зал, у двери берет плащ, набрасывает его на плечи и уходит. Каджеси идет следом за ним и говорит, что отчасти понимает смысл того, что он пытался втолковать собравшимся. Законы, о которых он говорит, похожи на желания родителей, а «Великие светила вселенной — наши родители. Разве не так?»

Голая рука Груада поглаживает шерстистую щеку Каджеси, и они вместе растворяются в темноте.

За шесть месяцев Груад сформировал организацию, названную Партией Науки. Их знаменем становится глаз внутри треугольника, который обвит змеей, кусающей себя за хвост. Партия Науки требует, чтобы в Атлантиде обнародовали законы природы, открытые Груадом, и заставили всех повиноваться им при помощи системы поощрений и наказаний. Слово «наказание» было очередным нововведением Груада. Один из его оппонентов поясняет своим друзьям, что это слово означает пытки, и на каждом из слушателей шерстка поднимается дыбом. Ингел Райлд сообщает собранию своих сторонников: Груад доказал, что секс составляет часть так называемого Зла. Система Груада допускает только секс, направленный на благо общества, то есть на продолжение рода.

Ученый по имени ТОН ЛИТ восклицает:

— Вы хотите сказать, что во время полового акта мы должны думать о зачатии? Это невозможно. У мужчин поникнут пенисы, а у женщин не выделится смазка, увлажняющая влагалище. Это все равно что... ну, все равно что громко свистеть во время мочеиспускания. Это очень непросто, если вообще возможно.

Ингел Райлд предлагает для борьбы с Груадом создать Партию Свободы. Касаясь личности Груада, Ингел Райлд говорит, что проверял генеалогический архив и обнаружил среди предков Груада несколько самых *энергетически возбужденных* жителей Атлантиды за всю историю ее существования. Груад — результат мутации, как и многие из его последователей. Энергия обычных атлантов течет медленно. Люди Груада нетерпеливы и разочарованы, и именно это пробуждает в них желание

навлечь страдания на головы соотечественников.

Джо встрепнулся. Если он правильно понял эту часть фильма, Груад — очевидно, первый иллюминат — был также первым *homo neophilus* [31]. А Партия Свободы, которая, видимо, дала начала движениям дискордианцев и ДЖЕМов, состояла целиком из *homo neophobus* [32]. Но как, черт побери, это согласуется с глубокой реакционностью современных иллюминатов и новаторством дискордианцев и ДЖЕМов? Но фильм продолжался...

В сомнительной таверне, больше похожей на притон, где мужчины и женщины курят зелье в трубках, передаваемых по кругу, и тискаются в темных углах парочками и целыми группами, СИЛВАН МАРТИСЕТ предлагает создать Партию Безверия, которая была бы в оппозиции как к Партии Науки, так и к Партии Свободы.

Вслед за этим мы видим уличные бои, разные зверства и наказание ни в чем не повинных жертв мужчинами, носящими эмблему Груада (глаз в треугольнике). Партия Свободы создает собственный символ: золотое яблоко. Борьба ширится, число убитых растет, Ингел Райлд плачет. Он и его последователи решаются на отчаянный шаг — выпустить ллойгора Йог-Сотота. Они намерены предложить этому чудовищному существу из другой вселенной, пожирающему энергию душ, свободу в обмен на его помощь против Груада. Йог-Сотот заперт в громадном Пентагоне Атлантиды, расположенном среди болот безлюдной южной части континента. Электроплан с Ингелом Райлдом, Тоном Литом и еще одним ученым на борту заходит на посадку, оставляя в небе россыпи искр. Он садится на площадке, поросшей серыми сорняками. В Пентагоне, громадном сооружении из черного камня, выжжена земля, а над ней в темном мареве время от времени проскакивают вспышки статического электричества. Над всей этой заболоченной местностью слышится неприятное жужжание — словно мухи над трупом. Лица трех атлантических мудрецов выражают отвращение, тошноту и страх. Они поднимаются на ближайшую башню и разговаривают со стражником. Внезапно Йог-Сотот завладевает Тоном Литом. Разговаривая сочным, глубоким и раскатистым голосом, он спрашивает, что им от него нужно. Тон Лит издает дикий вопль и зажимает руками уши. В уголках его рта выступает пена, шерсть встает дыбом, пенис тоже. У него безумный страдающий взгляд, словно у умирающей гориллы. С помощью электронного инструмента, похожего на жезл с пятиконечной звездой, стражник пытается подчинить Йог-Сотота своей воле. Тон Лит лает, как собака, и подпрыгивает, стремясь вцепиться в горло Ингела Райлда. Электронный луч отбрасывает его назад. Он останавливается, задыхаясь и свесив язык. В это время сначала Пентагон, а потом и сама земля под ним начинают дрожать. Йог-Сотот поет: «Иа-нггх-ха-нггх-ха-нггх-фтхагн! Иа-нггх-ха-нггх-ха-нггх-хгуал! Кровь — это жизнь... Кровь — это жизнь...» Все искажается, лица и тела становятся асимметричными, покрываются зеленоватым налетом. Вдруг стражник ударяет своим электронным жезлом по ближней стене Пентагона, Тон Лит пронзительно кричит, его взгляд становится осмысленным, наполняясь стыдом и отвращением. Три мудреца бегут из Пентагона под небом, которое постепенно принимает обычный вид и цвет. За их спинами слышится хохот Йог-Сотота. Они решают, что ллойгора освободить ни в коем случае нельзя.

Между тем Груад созывает ближайших сподвижников, так называемый «Неразрывный Круг Груада», и сообщает им, что Каджеси зачала. Далее он показывает им группу человекообразных существ, покрытых зеленой

чешуей, в длинных черных плащах и черных колпаках с алыми перьями. Он называет их *змеелюдью*. Поскольку атланты, если только не впадают в состояние аффекта, неспособны убивать себе подобных, Груад создал этих искусственных гуманоидов. Он вывел их из змей, которых считает самыми разумными из рептилий. Змеелюди будут без колебаний убивать атлантов и подчиняются только Груаду. Некоторые из его сторонников протестуют, и Груад объясняет, что на самом деле это не убийство.

Он говорит:

— Атланты, которые не признают учение Партии Науки, — просто свиньи. В сущности, это роботы, не обладающие внутренней духовной субстанцией, которая руководила бы ими. Наши тела заблуждаются, считая, что если они принадлежат нам, то мы не можем поднять на них руку. Теперь наука дала нам «руку», которая очень даже сможет подняться.

На этом собрании Груад впервые называет своих сторонников «просветленными» (иллюминатами).

Змеелюди совершают нападение на очередное собрание Партии Свободы. Орудия железными штырями, они забивают людей до смерти. Другим вспарывают горло клыками. На похоронах соратников с речью выступает сам Ингел Райлд. Он рассказывает о том, как борьба между сторонниками Груада и другими атлантами изменяет характер всех человеческих существ:

— До сих пор атланты наслаждались своими знаниями, но не особенно беспокоились о том, что мы многого еще не знаем. Мы консервативны и безразличны к новым идеям, мы не переживаем внутренних конфликтов, мы хотим делать то, что представляется нам разумным. Мы думаем, что действия, которые нам нравится выполнять, всегда ведут к лучшему исходу. Мы считаем страдание и наслаждение разными сторонами одного и того же явления, которое называем *ощущением*, и реагируем на неизбежные страдания расслаблением или иступлением. Мы не боимся смерти. Мы способны читать мысли друг друга, потому что находимся в контакте со всеми энергиями наших тел. Сторонники Груада утратили эту способность — и рады этому. «Научники» до безумия любят новые явления и новые идеи. Эта любовь ко всему новому возникает в результате генетических манипуляций. Груад призывает рожать детей даже двадцатилетних юнцов, хотя по обычаю мы обзаводимся потомством только по достижении ста лет. Ряды последователей Груада все множатся и ширятся, и они совсем не такие, как мы. Они мучаются от собственного невежества. Они исполнены неуверенности и испытывают внутренние конфликты, потому что есть глубокое противоречие между тем, что они *должны* делать, и тем, что им *хочется* делать. Дети, которые воспитываются на учениях Груада, еще более неуравновешенны и противоречивы, чем их родители. Один врач мне сказал, что тех установок и привычек, которые Груад навязывает своим приверженцам, вполне достаточно, чтобы существенно сократить продолжительность их жизни. К тому же они боятся страданий. Они боятся смерти. И поскольку их жизнь укорачивается, они отчаянно ищут средств достижения бессмертия.

Груад рассказывает собранию членов Неразрывного Круга, что пришло время усилить борьбу. Если они не станут правителями Атлантиды, то просто уничтожат эту страну.

— Атлантиду уничтожит свет, — говорит Груад. — Свет Солнца. Груад знакомит своих сторонников с культом Солнца. Он раскрывает им тайну

существования богинь и богов.

— Все они — чистая энергия, энергия сознания, — сообщает он. — Эту направленную, сфокусированную мощную энергию сознания я называю духом. Все движение — это дух. Весь свет — это дух. Весь дух — это свет.

Под руководством Груада Партия Науки строит великую пирамиду высотой в тысячи футов. Она состоит из двух половин. Верхняя половина из неразрушимого керамического вещества плавает на высоте пятисот футов над основанием и удерживается на месте анти гравитационными генераторами. На ней изображено страшное всевидящее око.

Группа мужчин и женщин, возглавляемая ЛИЛИТ ВЕЛЬКОР, лидером Партии Безверия, собирается у основания великой пирамиды и высмеивает это сооружение. Они держат в руках транспаранты:

НЕ ЧИСТЬ НАШИ ОБЪЕКТИВЫ, ГРУАД, — ЗАДЕЛАЙ ТРЕЩИНЫ В СОБСТВЕННОМ.

КОГДА Я СЛЫШУ СЛОВО «ПРОГРЕСС», МОЯ ШЕРСТЬ ВСТАЕТ ДЫБОМ.

СОЛНЦЕ? НЕТ, СПАСИБО!

РЕГЛАМЕНТИРОВАННАЯ СВОБОДА — ЭТО ОТСУТСТВИЕ СВОБОДЫ.

ТО, ЧТО НАПИСАНО

НА ЭТОМ ТРАНСПАРАНТЕ, -

НАГЛАЯ ЛОЖЬ.

Лилит Велькор обращается к «безверникам», высмеивая все убеждения Груада. Она утверждает, что самый могущественный бог — безумная женщина, и она есть богиня хаоса.

Под аккомпанемент смеха она заявляет:

— Груад утверждает, что Солнце — это глаз бога солнца. Все та же концепция превосходства мужчин, превосходства разума и порядка. А ведь на самом деле Солнце — это гигантское золотое яблоко, игрушка в руках богини хаоса. И эта игрушка может стать собственностью того, кто, по ее мнению, достаточно прекрасен, чтобы ее заслужить.

Неожиданно банда змеелюдей нападает на сторонников Лилит Велькор и убивает нескольких. Лилит Велькор поднимает своих людей в беспрецедентную атаку на змеелюдей. Они штурмуют стену великой пирамиды и гонят змеелюдей по улице, убивая их. К их удивлению, удается уничтожить практически всех змеелюдей. Груад заявляет, что Лилит Велькор должна умереть. При первом удобном случае его люди ее хватают и бросают в подземную тюрьму. Там сооружено громадное колесо с четырьмя спицами такой формы:

Лилит Велькор распинают на этом колесе вниз головой. Несколько членов партии Науки равнодушно наблюдают за ее смертью. Входит Груад, приближается к колесу и смотрит на умирающую женщину, которая говорит:

— Сегодня умереть ничуть не хуже, чем в любой другой день. Груад возражает, пытаясь ее убедить, что смерть — это огромное зло и она должна бояться смерти.

Лилит Велькор смеется и отвечает:

— Всю жизнь я презирала традиции, а теперь презираю и новшества. Конечно, я образец безнравственности для всего мира!

Она умирает смеясь. Груад неистовствует. Он клянется, что не будет больше ждать; Атлантида погрязла в пороке, она не заслуживает спасения, и он ее уничтожит.

На продуваемой всеми ветрами равнине в северной части Атлантиды готовится к запуску гигантская ракета в форме слезинки. Груад находится в центре управления полетом и спорит с Каджеси и ВУ ТОПОДОМ, которые пытаются его отговорить.

Груад говорит:

— Род людской выживет. Выживут самые чистые из атлантов, а не те свиньи, не те роботы, не те жалкие существа, не понимающие разницы между добром и злом. ОНИ пусть погибнут!

Он с силой бьет по красной кнопке, и ракета с ревом уносится к Солнцу. Она долетит до Солнца за несколько дней, а тем временем Груад собирает всех членов Неразрывного Круга на борту воздушного корабля и они устремляются из Атлантиды на восток, в высокогорную область, которая когда-то станет называться Тибетом. Груад рассчитал, что к тому времени, когда ракета столкнется с Солнцем, они совершат посадку и уже два часа будут находиться под землей.

Над равнинами Атлантиды движется ослепительно желтое Солнце. В Зуконг-Гиморлад-Сирагозе прекрасный день, Солнце освещает изящные башни, соединенные паутиной мостов, парки, храмы, музеи, красивые административные здания и роскошные дворцы. Симпатичные, покрытые роскошной шерстью жители беспечно разгуливают среди красот первой и величайшей цивилизации, созданной человеком. Семьи, влюбленные, друзья и враги, ничуть не догадываясь о том, что должно произойти, наслаждаются жизнью. Повсюду звучат прекрасные мелодии: цинтрон, балатет, мордан, сваз и фендрар. А со стены пирамиды Груада на все это смотрит громадный, страшный красный глаз.

Вдруг светило начинает бушевать. Из него выскакивают вспышки пламени, свиваясь в кольца и раздуваясь шарами. Солнце напоминает гигантского паука или осьминога. Один громадный язык пламени устремляется к Земле: горящий красный газ, который становится желтым, потом зеленым, синим и под конец белым.

От Зуконг-Гиморлад-Сирагозы ничего не остается, кроме пирамиды, верхний сегмент которой теперь покоится на основании, потому что анти гравитационные генераторы уничтожены. Злобный глаз смотрит на абсолютно голую, выжженную дотла равнину. Земля сотрясается, в ней появляются огромные трещины. Почерневшая зона имеет форму гигантского круга диаметром в сотни миль; за этим кругом, как и ранее, темнеет заброшенная бесплодная пустыня. Трясущаяся земля континента вспарывается сетью гигантских разломов, под действием невероятно высокой температуры солнечной вспышки разрушаются горные породы. На поверхность голой равнины выползают толщи грязевых потоков. Тонны воды проносятся поверх этой грязи, сначала образуя озера, потом поднимаясь все выше и выше, и вот над гигантским озером торчит лишь верхушка пирамиды. Под водой с обеих сторон почерневшего центрального круга вскрываются громадные параллельные расщелины, земля раскалывается. Средняя часть континента, включая пирамиду, начинает опускаться под воду. Пирамида пропадает в глубинах океана, но над водой еще выступают утесами

отдельные периферийные участки Атлантиды. Им суждено простоять так еще многие тысячи лет и стать той Атлантидой, о которой впоследствии будут рассказывать легенды. Но истинная Атлантида — *Высокая Атлантида* — исчезла навсегда.

Груад не сводит глаз с полыхающего багрянцем экрана, наблюдая за гибелью Атлантиды. Красное свечение постепенно становится серым, и лицо Груада тоже сереет. Это страшное лицо. За несколько минут оно постарело на сто лет. Хотя вслух Груад заявляет, что имеет на это право, глубоко внутри он знает, что поступил нехорошо. Но еще глубже он испытывает удовлетворение. Ведь если раньше он все время мучался *беспричинным* чувством вины, то теперь причина для чувства вины есть. Он поворачивается к Неразрывному Кругу и предлагает, коль скоро планета не погибла во время этого катаклизма (он и сам заранее не знал, как оно будет), приступить к планированию будущего. Однако большинство членов Круга все еще находится в состоянии шока. Безутешный Ву Топод закалывает себя ножом, и его смерть становится первым актом сознательного самоубийства, совершенным представителем человеческого рода. Груад призывает последователей уничтожить все следы культуры Атлантиды, а потом, позднее, когда забудутся даже атлантические руины, построить идеальную цивилизацию.

Огромные звери, обитавшие в Европе, Азии и Северной Америке, вымирают в результате мутаций и лучевых болезней (последствия солнечной вспышки). Все следы атлантической цивилизации уничтожены. Люди, которые некогда были соотечественниками Груада, либо погибли, либо рассеяны по миру. Помимо гималайской колонии Груада, сохраняется еще один свидетель эпохи Высокой Атлантиды. Это Пирамида Глаза, керамический материал которой выдержал температуру солнечной вспышки, землетрясение, цунами и затопление на океанском дне. По мнению Груада, то, что глаз остался, — правильно. Это Божье Око, научно-технический глаз упорядоченного знания, который смотрит на Вселенную и, воспринимая ее, позволяет ей существовать. Если событие не засвидетельствовано, оно не происходит. Следовательно, чтобы произошла Вселенная, должен быть Свидетель.

Среди первобытных охотников и собирателей быстро распространяется мутация: все больше людей рождается без шерсти, но с волосами, растущими в тех же местах, что и у Груада. В Годину Божьего Ока мутируют все виды жизни.

Над Гималаями взлетают эскадрильи ракет, окрашенных в красный и белый цвета. Это флот Неразрывного Круга. Ракеты проносятся над Европой и совершают посадку на бурые острова, где некогда процветала Атлантида. После приземления совершается налет на город, в котором поселились люди, уцелевшие после катаклизма. Многих лидеров и интеллектуалов убивают, а остальных сажают в ракеты и отправляют на обширные равнины Южной и Северной Америки. На дне Атлантики покоится Пирамида Глаза. Она почти вся занесена илом. Но и та верхняя часть, что еще вздымается над донными отложениями, в три раза выше Великой Пирамиды Египта, которая будет построена только через двадцать семь тысяч лет. Гигантская тень падает на пирамиду. В темноте океанского дна мелькают гигантские щупальца, присоски размером с вулканический кратер и нечто вроде огромного одинокого глаза разглядывает тот глаз, что на пирамиде. Что-то прикасается к пирамиде, такое же громадное... шевелится рядом... затем исчезает.

И вот что удивительно! Пятиугольная ловушка, в которую герои Атлантиды заманили ужасное древнее существо Йог-Сотота, в результате катастрофы совсем не пострадала. На южную равнину вокруг Пентагона стягиваются люди, уцелевшие при катаклизме. Строятся города, где люди пытаются лечить друг друга от лучевой болезни. Пускает корни вторая Атлантида. И вдруг из Гималаев прилетают корабли Неразрывного Круга. Очередной налет. Мужчин и женщин Атлантиды под конвоем сгоняют к стенам Пентагона и там уничтожают лазерным огнем. Затем люди Неразрывного Круга в униформе и масках закладывают взрывчатку среди груд трупов и отходят. Слышатся взрывы, поднимаются клубы едкого желтого дыма. Серая каменная стена рушится. Наступает миг тишины, шаткого равновесия, напряжения. Затем куча обломков стены внезапно разлетается в разные стороны, словно от удара руки великана. На мягкой почве у развалин Пентагона появляется след гигантского когтя. Люди в масках со всех ног бегут к своим кораблям и стартуют. Корабли устремляются в небо, но внезапно останавливаются, камнем падают вниз и взрываются при столкновении с землей. Люди, не успевшие взлететь, разбегаются, вопя от ужаса. За ними гонится смерть и косит всех без разбора. Спаситься удастся лишь горстке беглецов. Над грудями тел торжествующе возвышается колоссальная красноватая фигура неопределенной формы с непонятным числом конечностей.

В Гималаях Груад вместе с Неразрывным Кругом наблюдает за массовой казнью атлантов и разрушением Пентагона. Неразрывный Круг аплодирует, но Груад вдруг плачет.

— Вы думаете, я ненавижу стены? — произносит он. — Я люблю стены. Я люблю все виды стен. Все, что разделяет. Стены защищают хороших людей. Стены надежно охраняют зло. Всегда должны быть стены и любовь к стенам, и в разрушении великого Пентагона, удерживавшего Йог-Сотота, я усматриваю гибель всего, что отстаивал. Поэтому я испытываю сожаление.

При этих словах лицо молодого жреца ЭВОЭ приобретает красноватый оттенок и демонический вид. Он явно одержим чужеродным духом.

— Приятно слышать такие слова, — говорит он Груаду. — До сих пор ни один человек не относился ко мне по-дружески, хотя многие пытались меня использовать. Я приготовил особо почетное место для твоей души, о первый Человек Будущего!

Груад пытается беседовать с Йог-Сототом, но одержание уже закончено. Остальные члены Неразрывного Круга нахваливают новый напиток из сброженного виноградного сока, который приготовил Эвоэ. В тот же день за обедом его пробует и Груад. Он хвалит напиток:

— Этот виноградный сок меня расслабляет, не вызывая, как то растение, которое курили атланты, тревожных видений и слуховых галлюцинаций, неприятных любому сознательному человеку.

Эвоэ подливает ему из кувшина. Перед тем как выпить, Груад говорит:

— В любой культуре, которая возникнет в ближайшие двадцать тысяч лет, будет присутствовать атлантическая гнильца. Поэтому я объявляю следующие восемьсот поколений *эпохой без культуры*. А потом мы разрешим человеку реализовать его пристрастие к строительству цивилизаций. Мы будем руководить культурой, которую он создаст. Мы исподволь внедрим в нее наши идеи и на каждом этапе развития будем ее контролировать. Через восемьсот поколений будет заложена новая человеческая культура. Она будет следовать естественному закону. Она будет знать о добре и зле, о

свете, который приходит с Солнца — Солнца, которое богохульники считают просто яблоком. Но я говорю вам: это не яблоко, хотя это плод, как и напиток Эвоэ, который я сейчас проглочу, изготовлен из плодов. Виноград дает нам этот напиток, а Солнце дает нам знание о добре и зле, разделение света и тьмы на всей Земле. Не яблоко, но плод знания!

Груад пьет. Он ставит стакан, хватается за горло и отшатывается назад. Другой рукой хватается за сердце. Бездыханный, падает на спину. Его глаза застывают.

Понятно, все обвиняют Эвоэ в том, что он отравил Груада. Но Эвоэ спокойно отвечает, что это сделала Лилит Велькор. Он занимался исследованием энергии мертвецов и узнал, как можно возвращать им энергию. Но иногда энергии мертвецов обретают над ним контроль, и тогда он становится просто медиумом, при помощи которого они действуют.

Он кричит:

— Когда вы запишете эту трагедию и внесете ее в архивы, вы должны сказать, что это сделал не Эвоэ-человек, а Эвоэ-Лилит, одержимый злым духом женщины. Эта женщина меня искушала, говорю я вам! Я был беспомощен.

Неразрывный Круг считает его слова убедительными. Решено: если за смерть Груада отвечают Лилит Велькор и безумная богиня, которой она поклоняется, отныне и впредь женщины должны подчиняться мужчинам, чтобы подобные злодеяния больше не повторялись. Решено также построить для Груада гробницу и высечь на ней надпись: *«Первый Просветленный. Никогда недоверии женщине»*. Наконец, решено: поскольку ллойгор на свободе, надо приносить ему жертвы, а жертвами будут молодые девственницы. Эвоэ явно становится лидером, а Гао Дводину это не нравится. Чтобы доказать приверженность истине и добру, Эвоэ признается, что ампутировал себе пенис, принес его в жертву Всевидящему Глазу. Он распахивает мантию. Все смотрят на его обезображенный пах и тут же начинают плевать.

Эвоэ продолжает:

— Так вот, именем Глаза и Естественного Закона все мальчики, которые будут привержены добру и истине, должны пойти на такое же самопожертвование или хотя бы на обрезание крайней плоти.

Тут появляется Каджеси, и они вместе с Эвоэ планируют пышные похороны, договорившись, что не станут сжигать тело Груада согласно атлантическому обычаю (ибо это означает, что мертвый останется мертвым навсегда), но сохранят его тело, как бы выражая надежду, что на самом деле он не умер и снова воскреснет.

Несколько тысяч лет проходят в войнах между потомками спасшихся атлантов и жителями Агхарты, цитадели «научников», которые теперь называют себя иначе — Знающими или Просветленными. Исчезли последние следы атлантической культуры. Великие города погибли от ядерных взрывов. За одну ночь *пожирателем душ* погублены все жители города Пеоса. На дно океана погружается то, что осталось от Атлантиды после предыдущей катастрофы. Остаются лишь разбросанные единичные осколки, один из которых — конусообразный остров Фернандо-По.

Примерно за тринадцать тысяч лет до нашей эры у истоков Евфрата искусственно создается новая культура. Под дулами огнеметов племя кроманьонцев, этих поразительно высоких, сильных и крупноголовых людей, покидает заснеженную Европу и отправляется на плодородные земли

Ближнего Востока. Им показывают, как засеять поля. В течение нескольких лет они учатся сельскому хозяйству под присмотром вооруженных людей Неразрывного Круга. Поколения кроманьонцев быстро сменяют друг друга, и как только новый образ жизни укореняется, Просветленные оставляют их в покое. Племена разделяются на царей, жрецов, писцов, воинов и фермеров. Поднимается город, окруженный крестьянскими хозяйствами. Цари и жрецы — вялые и толстые. Крестьяне — низкорослые и чахлые от недоедания. Воины — сильные и здоровые, но грубые и невежественные. Писцы — интеллигентные, но худые и малокровные. Теперь город ведет войну с соседствующими племенами варваров. Благодаря организованности и технологическому превосходству городские побеждают. Они берут варваров в рабство и основывают неподалеку новые города. Затем с северных гор спускается огромное племя варваров, которое покоряет цивилизованный народ и сжигает их город. Однако это не конец новой цивилизации. Это лишь очередной виток ее развития. Вскоре завоеватели обучаются играть роли царей, жрецов и воинов, и тогда возникает что-то вроде государства, состоящего из нескольких городов с большой армией вооруженных людей, которые должны быть постоянно заняты. Маршируя колоннами, как роботы, они растекаются по равнине в поисках новых народов, которые можно завоевать. Сверху Солнце освещает цивилизацию, созданную Иллюминатами. А снизу, с океанского дна, злобно смотрит глаз в пирамиде.

КОНЕЦ

Неожиданно зажегся свет. Экран уполз вверх. Джо протер глаза. Его мучила нестерпимая головная боль. А еще он *ужасно* хотел помочиться. Казалось, мочевого пузыря вот-вот лопнет. Он изрядно выпил на вечеринке пластикового martini, затем занимался любовью в такси с китайской девушкой, затем сидел и смотрел этот фильм, и за все это время ни разу не зашел в туалет. Боль в паху была невыносимой. Он подумал, что так же больно, наверное, было тому Эвоэ из фильма, который сам себя кастрировал.

— Где тут у вас сортир? — громко спросил Джо. В зале никого не было. Пока он увлеченно смотрел фильм, который они, несомненно, видели раньше, все потихоньку ушли.

— О боже, — застонал он. — Мне *необходимо* отлить. Если я сию же секунду не найду туалет, то уссусь на месте. — Тут Джо заметил под столом урну для канцелярского мусора. Она была цельно деревянная, с металлической обшивкой. То, что надо! Джо расстегнул молнию на брюках, вытащил член и опустил его в урну. «Вот будет мило, если они сейчас всей толпой вернутся в зал», — подумал он. А впрочем, какого черта? Сам виноваты, что навалились на него с этим фильмом, не дав возможности предварительно опорожнить мочевого пузыря. Джо мочился и угрюмо рассматривал образовавшуюся в урне пену.

— Нассать мне на вашу Атлантиду, — бурчал он. Кто эти люди, которых он видел сегодня вечером? Ни Саймон, ни Падре, ни Большой Джон никогда ему не рассказывали о такой группе. И ни разу ни словом не упоминали об Атлантиде. Но если верить этому фильму, то Древних Видящих Иллюминатов Баварии лучше называть Древними Видящими Иллюминатами Атлантиды. И слово «древний» относится к *гораздо* более далекому прошлому, чем 1776 год.

Пора было и уходить. Он слишком устал и уже «ловил отходняк», причем

не только от выпитого алкоголя, но и от странного наркотика, который дала ему перед фильмом китаянка. Впрочем, дурь была ничего себе. С 1969 года Джо завел привычку иногда вечером накуриваться и смотреть ночные телепередачи (если, конечно, не должен был рано утром вставать). Предаваясь подобным развлечениям, он испытывал такой кайф, что даже лишился из-за этого двух подружек. Они, видите ли, хотели ложиться в постель, когда он удобно устраивался перед телевизором и глупо посмеивался над невероятно умными остротами, восхищался глубиной философских афоризмов, брошенных персонажами (например, словами Джонни в *«Горьком рисе»*: «Всю неделю я работаю, а по воскресеньям смотрю, как люди катаются на карусели», — какая страсть сквозит в простых словах этого человека, описывающего свою жизнь!), или отдавал должное заумной тонкости рекламных роликов и их скрытой связи с фильмами, в которых их показывали. Наркотик Мао Цзуси был не хуже травы, а тут еще и настоящий цветной фильм на большом экране, причем без перерывов на рекламу — то есть, если задуматься, без фнордов! Ведь рекламные вставки, как бы хитроумно они ни вплетались в сюжетную линию фильма, все равно всегда *воспринимаются* как перерывы, даже если ты настолько обкурен, что мог бы этого не замечать. Это был отличный фильм. Лучший фильм в его жизни. Он никогда его не забудет.

Джо прошел по темным коридорам, спустился, пошатываясь, по лестнице и вывалился на улицу. Глядя в сторону Ист-Ривер, он увидел светлое небо над Квинсом. Восходит солнце? Неужели он пробыл здесь так долго?

Мимо проезжало свободное такси. Джо махнул ему рукой.

А вот и эта лестница, Полезем вверх по ней. Тебе ступенька первая, А остальные — мне.

«Забавно, — думал лейтенант Отто Уотерхаус, полицейский при прокуроре штата. — Всякий раз, когда в голове начинает звучать эта чертова песенка, все сразу запутывается. Должно быть, у меня навязчивый невроз». Впервые он услышал песню *«To Be a Man»* в исполнении Лена Чандлера еще в шестьдесят пятом году в доме своей тогдашней сожительницы. Эта песня прекрасно отражала его самоощущение: он чувствовал себя членом племени. *Племя*, да именно так он думал о чернокожих; он слышал, как один еврей точно так же говорил о евреях, и ему это нравилось больше, чем всякая ахинея насчет духовного братства. В глубине души он ненавидел других чернокожих и свою собственную черную масть. Надо лезть вверх, это точно. Надо лезть вверх, и каждый делает это в одиночку.

Когда Отто Уотерхаусу было восемь лет, черные мальчишки из Саут-Сайда избили его, пырнули ножом и бросили в озеро Мичиган тонуть. Отто не умел плавать, но каким-то чудом ему удалось дотянуться до бетонных свай пирса и уцепиться за них; окрашивая воду своей кровью, он прятался под пирсом, пока банда не ушла. Затем он лежал на холодном бетоне, почти мертвый, и думал, не придет ли банда назад, чтобы его прикончить.

Кто— то действительно пришел. Полицейский. Полицейский подцепил тело Отто носком ботинка, перевернул его на спину и взглянул сверху вниз. Отто смотрел снизу вверх на ирландское лицо -круглое, голубоглазое, со свиным пяточком вместо носа.

— Вот дерьмо, — пробормотал полицейский и ушел.

Опять-таки чудом Отто дожид до утра. Проходившая мимо женщина его обнаружила и вызвала «скорую помощь». Прошли годы, и ему показалось

вполне логичным пойти служить в полицию. Он знал всех мерзавцев, которые его чуть не убили. Он не трогал их до тех пор, пока не стал полицейским. Потом он нашел причины убить каждого из них по очереди (некоторые стали к тому времени уважаемыми гражданами). Большинство из них не знало, кто он такой и почему их убивает. В чикагской полиции он прославился количеством убитых чернокожих. Это был коп-ниггер, который умел разбираться с другими ниггерами.

Отто так и не удалось опознать того полицейского, который бросил его умирать: он в общих чертах помнил его внешность, но все белые копы казались ему на одно лицо.

У него сохранилось еще одно на редкость яркое воспоминание об одном осеннем дне 1970 года, когда он, патрулируя Пайонир-корт, пристал к какому-то хлыщу, бесплатно разливавшему на пробу — подумать только! — томатный сок. Отто взял с хлыща десятку и выпил стаканчик сока. Этот парень носил роговые очки и стрижку «ежилом». Судя по всему, он не особо расстроился по поводу взятки, но почему-то, когда Отто осушил стаканчик, в глазах очкарика появился странный блеск. У Отто даже мелькнула мысль, что томатный сок, возможно, отравлен. У полицейских повсюду были враги. Казалось, что многие поклялись убивать «легалых» при каждом удобном случае. Но десятки людей уже выпили сок и как ни в чем не бывало ушли. Отто пожал плечами и отправился дальше.

Задумываясь о странных изменениях, которые с ним после этого произошли, Отто всегда мысленно возвращался к этому случаю на Пайонир-корт. С томатным соком что-то было не так.

Только когда Стелла Марис рассказала ему про АУМ, он понял, как его поимели. Но к тому времени было слишком поздно. Он трижды проиграл, работая на Синдикат, иллюминатов и дискордианское движение. Есть только один способ спастись — затеряться в хаосе со Стеллой, которая укажет путь.

— Скажи мне только одно, крошка, — сказал он ей как-то днем, когда они лежали голые в его квартире. — Почему для контакта со мной выбрали именно тебя?

— Потому что ты ненавидишь черномазых, — спокойно сказала Стелла, поглаживая пальчиком его член. — Ты ненавидишь ниггеров больше, чем любой белый расист. Вот почему путь к твоей свободе проходит через меня.

— А ты? — сердито буркнул он и, отодвинувшись от нее, резко сел. — Тебе, конечно, без разницы, черные или белые. Черное мясо, белое мясо — тебе все едино, ведь так, а, грязная *шлюха*?

— Тебе хотелось бы так думать, — сказала Стелла. — Тебе хотелось бы думать, что с тобой может спать только черномазая шлюха, дешевка, которая ляжет под любого, невзирая на цвет кожи. Но ты прекрасно знаешь, что не прав. Ты знаешь, что тот чернокожий Отто Уотерхаус, который лучше всех чернокожих, потому что ненавидит всех чернокожих, — это выдумка. Это *ты* не отличаешь черное от белого и считаешь, что черный человек должен быть там же, где белый. Это *ты* ненавидишь черного человека, потому что он не белый. Нет, цвета я как раз различаю. Но кроме цвета, милый, я вижу в человеке еще и многое другое. И я знаю, что все мы не там, где нам следует быть, и всем нам следует быть там, где мы есть.

— Да черт с твоей заумной философией, — сказал Уотерхаус. — Иди ко мне.

Но он учился. Он считал, что усвоил все, чему должны были его обучить Стелла, Хагбард и остальные. Информации было много, и она

нагромождалась сверху на ставшую теперь мертвым грузом иллюминатскую информацию. Но теперь его совсем загнали в угол.

Ему предстояло *убить*.

Это известие, как и все другие новости, сообщила ему Стелла.

— Это Хагбард велел?—Да.

— Надеюсь, если я дам согласие, мне все же объяснят причину, или я должен понять ее самостоятельно? Черт возьми, Стелла, ты понимаешь, что это серьезная просьба?

— Понимаю. Хагбард сказал мне, что ты должен сделать это по двум причинам. Первая: выразить уважение к дискордианцам, чтобы и они тебя уважали.

— Сказано *настоящим* сицилийцем. Но он прав. Это я понимаю.

— Вторая. Он сказал, что Отто Уотерхаус должен убить белого человека.

— *Что!*

Отто затрясся в телефонной будке. Он нервно царапал, не читая, наклейку с надписью: *ЭТА ТЕЛЕФОННАЯ КАБИНА ЗАРЕЗЕРВИРОВАНА ЗА КЛАРКОМ КЕНТОМ*.

— Отто Уотерхаус должен убить белого человека. Он сказал, ты поймешь, что он имеет в виду.

Когда Отто повесил трубку, у него все еще дрожали руки.

— *О черт*, — сказал он. Он чуть не плакал.

Поэтому сейчас, 28 апреля, он стоял перед зеленой металлической дверью с номером 1723. Это был черный ход в квартиру кондоминиума по адресу 2323 Лэйк-Шор-драйв. Позади него стояла дюжина полицейских, состоявших в распоряжении прокурора штата. Все они, как и он, в бронежилетах и светло-голубых шлемах с прозрачными пластиковыми щитками. Двое держали в руках автоматы.

— Так, — сказал Уотерхаус, глядя на часы. Фланагану нравилось назначать время операций на 5:23 утра. Сейчас было 5:22:30. — Помните: стрелять во все, что движется. — Он стоял спиной к своим людям, чтобы они не видели дурацких слез, которые упорно наворачивались на его глаза.

— Правильно, лейтенант, — насмешливо сказал сержант О'Банион.

Сержант О'Банион ненавидел черных, но еще больше он ненавидел вонючих, вшивых, длинноволосых, гомосексуальных, прокоммунистических изготовителей бомб из группировки Моритури. Он был убежден, что по ту сторону зеленой металлической двери находится их мерзкий притон, в котором они спят вповалку, обвиняя друг друга грязными голыми телами, словно черви в банке. Он явственно видел это. Сержант облизнул губы. Уж он-то с ними разберется. Он крепче сжал автомат.

— Пора, — сказал Уотерхаус.

Было 5:23. Прикрыв лицо рукой в перчатке, он навел свой автоматический пистолет сорок пятого калибра на дверной замок. Согласно устным инструкциям Фланагана, они не должны предъявлять ордер и даже стучаться в дверь. Им сказали, что запасов динамита, которые хранятся в квартире, хватит на то, чтобы уничтожить целый квартал роскошных высотных многоквартирных домов.

О'Банион представлял себе, как увидит белую девушку в объятиях черного парня и прикончит их одной пулеметной очередью. Его член начал разбухать.

Уотерхаус выстрелил в замок, бросился всем телом на дверь и распахнул ее настежь. Быстро вошел в квартиру. Его ботинки стучали по голому

плиточному полу. По щекам текли слезы.

— Господи, Господи, почему ты меня оставил? — всхлипывал он.

— Кто там? — спросил голос.

Уотерхаус, глаза которого уже привыкли к темноте, взглянул через пустую гостиную в следующую комнату и увидел силуэт стоявшего Майло А. Фланагана.

Уотерхаус выбросил вперед руку с тяжелым автоматическим пистолетом, тщательно прицелился, сделал глубокий вздох, задержал воздух и нажал на курок. Пистолет выстрелил, ударила отдача, и черная фигура медленно повалилась на руки изумленных людей позади нее.

Летучая мышь, сидевшая на подоконнике, вылетела в открытое окно в сторону озера. Ее видел только Уотерхаус.

В комнату неуклюже вошел О'Банион. Присев на одно колено, он дал очередь из шести пуль в направлении парадной двери.

— Отставить! — рявкнул Уотерхаус. — Не стрелять! Тут херня какая-то. — *Херня* начнется, подумал он, если те наши, что у парадного входа, сдуру войдут и откроют ответный огонь. — Включи свет, О'Банион, — приказал Уотерхаус.

— Здесь кто-то стреляет.

— Мы стоим здесь и разговариваем, О'Банион. В нас никто не стреляет. Найди выключатель.

— Они взорвут бомбы! — В голосе О'Баниона слышались визгливые нотки.

— Включи свет, О'Банион, и мы увидим, что они делают. Возможно, нам даже удастся их остановить.

О'Банион ринулся к стене и начал хлопать по ней ладонью. Кто-то из полицейских, вошедших вслед за О'Банионом через черный ход, наконец нашел выключатель.

Квартира пустовала. В ней не было мебели. Не было ковров на полу, не было занавесок на окнах. Тот, кто здесь жил, исчез.

Скрипнула парадная дверь. Уотерхаус заорал:

— Все нормально! Это Уотерхаус. Здесь никого нет.

Он больше не плакал. Дело сделано. Он убил первого белого человека.

Парадная дверь широко распахнулась.

— Тут тоже никого? — спросил полицейский в каске. — Кто же тогда убил Фланагана?

— Фланагана? — переспросил Уотерхаус.

— Фланаган мертв. Его убили.

— Тут никого нет, — сказал О'Банион, осматривавший соседние комнаты. — Что происходит, черт побери? Фланаган лично планировал эту операцию.

Сейчас, при включенном свете, Уотерхаус увидел, что кто-то нарисовал мелом на полу пентаграмму. В центре пентаграммы лежал серый конверт. Отто его поднял. На обратной стороне конверта стояла круглая зеленая печать с надписью «ЭРИДА». Отто вскрыл конверт и прочитал:

Неплохо, Отто. Теперь немедленно отправляйся в Баварию, в Ингольштадт. Эти гады хотят имманентизировать Эсхатон.

С— М

Одной рукой складывая записку и засовывая ее в карман, а другой пряча в кобуру пистолет, Отто Уотерхаус прошел через столовую. Он едва взглянул на тело Майло А. Фланагана с пулевым отверстием в середине лба,

похожим на третий глаз. Хагбард был прав. Убийству предшествовали тоска и ужас, но как только дело было сделано, он перестал что-либо чувствовать. «Я встретил врага, и он — мой», — думал он.

Отто обошел людей, столпившихся над телом Фланагана. Все решили, что он отправился куда-то с докладом. Никто не мог понять, кто же все-таки убил Фланагана.

Когда до О'Баниона наконец дошло, Отто уже сидел в своей машине. Через шесть часов, когда были блокированы аэропорты и вокзалы, Отто в международном аэропорту Миннеаполиса покупал билет в Монреаль. Ему пришлось лететь обратно в Чикаго, но во время посадки в международном аэропорту О'Хэр он не покидал борт самолета, пока его собратья полицейские рыскали по всем вокзалам. Еще через двенадцать часов Отто Уотерхаус был на пути в Инголыптадт, имея на руках паспорт, сделанный монреальскими дискордианцами.

— Инголыптадт, — сообщил БАРДАК. На этой неделе Хагбард ввел в него программу, позволяющую компьютеру разговаривать на довольно сносном английском языке. — Крупнейший рок-фестиваль в истории человечества, самое большое скопление людей в новейшей истории произойдет близ Инголыптадта на берегу озера Тотенкопф. Ожидается до двух миллионов молодых людей со всего мира. Выступит «Американская Медицинская Ассоциация».

— Ты до этого знал или подозревал, что музыканты «АМА» Вольфганг, Вернер, Вильгельм и Винифред Зауре — четверо из Первоиллюминатов? — спросил Хагбард.

— Они были в списке, но четырнадцатыми по степени вероятности, — ответил БАРДАК. — Возможно, некоторые другие группы, которые я подозревал, — Истинные Иллюминаты.

— Теперь ты можешь сформулировать, с какого рода кризисом мы столкнемся на этой неделе?

Возникла пауза.

— В этом месяце произошло три кризиса. Подписано несколько документов, которые призваны довести три главных кризиса до максимума. Первый кризис — это Фернандо-По. Из-за переворотов Фернандо-По мир практически стоял на грани войны, но у иллюминатов в резерве был контр переворот, и это решило проблему к всеобщему удовлетворению. Главы государств — тоже люди, поэтому такое событие, хотя оно и было инсценировано, выбило их из колеи, они стали боязливее и иррациональнее. Они не в состоянии разумно реагировать на два следующих потрясения. Если тебя не интересуют более подробные характеристики личностей нынешних глав государств, служащих неотъемлемой частью мировых кризисов, то пойдем дальше. Лас-Вегас. Я по-прежнему не знаю подробностей того, что там происходит, но оттуда все еще прорываются мощные болезненные вибрации. Как я понял, анализируя получаемую в последнее время информацию, где-то в пустыне под Лас-Вегасом находится бактериологический военный научно-исследовательский центр. Один из моих самых мистических датчиков выдал фразу: «Туз в рукаве — отравленный леденец». Но вряд ли мы ее сможем понять, пока не выясним более традиционным способом, что происходит в Лас-Вегасе.

— Я уже направил туда Малдуна и Гудмана, — сказал Хагбард. — Что ж, БАРДАК, очевидно, третий кризис — это Ингольштадт. Что произойдет на этом рок-фестивале?

— Они намерены применить иллюминатскую науку *стратегического биомистицизма*. Озеро Тотенкопф — одно из знаменитых европейских «бездонных озер». Это значит, что там есть выход в подземное Валусийское море. В конце Второй мировой войны Гитлер держал в Баварии целую резервную дивизию СС. Он планировал отойти к Оберзальцбургу и вместе с этой фанатично преданной ему дивизией дать последний бой врагу в Баварских Альпах. Однако иллюминаты убедили Гитлера, что у него еще есть шанс выиграть войну, если он последует их инструкциям. Гитлер, Гиммлер и Борман отравили всю дивизию, несколько тысяч человек, цианидом. Затем водолазы опустили их трупы в полном боевом снаряжении на огромное подземное плато близ того места, где Валусийское море соединяется с озером Тотенкопф. К ботинкам эсэсовцев привязали груз, и со стороны казалось, что они стоят по стойке «смирно». Дивизионные самолеты, танки и артиллерию тоже опустили на это плато. Между прочим, многие эсэсовцы знали, что в их последнюю трапезу добавлен яд, но все равно ели. Они были уверены: если Фюрер считает, что им лучше умереть, значит, это действительно для них лучше.

— Не думаю, что за тридцать лет от них что-нибудь осталось, — заметил Хагбард.

Ты, как обычно, ошибаешься, Хагбард, — ответил БАРДАК. — Все эти эсэсовцы были окружены *биомистическим* защитным полем. Вся дивизия находится в том же состоянии, в каком была в день отравления. Естественно, иллюминаты обманули Гитлера и Гиммлера. На самом деле целью массового жертвоприношения был взрывообразный выброс *энергии сознания*, достаточной для переброса Бормана на энергетический план бессмертия. Борману, одному из Первоиллюминатов того времени, полагалась награда за его вклад в развязывание Второй мировой войны. Пятьдесят миллионов насильственных смертей во время этой бойни помогли многим иллюминатам достичь трансцендентальной иллюминации и доставили большое удовольствие их старшим братьям и союзникам, ллойгорам.

— Так что же произойдет в Ингольштадте во время фестиваля?

— Выступление «Американской Медицинской Ассоциации» пятым номером программы «европейского Вудстока» сгенерирует биомистические волны, которые оживят нацистские легионы в озере и заставят их выйти на берег. Воскреснув, они будут наделены сверхъестественной силой и энергией: их практически невозможно будет убить. Но они обретут еще большую силу, когда зверски убьют миллионы юношей и девушек на берегу озера. Ведь тогда высвободится еще больше сознательной энергии. Затем возглавляемая четверкой Зауре дивизия двинется на Восточную Европу. Русские и без того крайне взвинчены в результате кризиса в Фернандо-По. Они решат, что Германия, с помощью капиталистических держав восставшая из пепла, снова вероломно напала на Россию, уже в третий раз за это столетие. Они обнаружат, что обычное оружие не останавливает воскресших нацистов. Они обязательно подумают, что столкнулись с каким-то новым видом американского сверхсекретного оружия, ведь за всем этим не могут не стоять американцы. Тогда русские начнут применять собственное сверхсекретное оружие. Вот тут-то иллюминаты и разыграют свой припрятанный в Лас-Вегасе туз, чем бы он ни был.

— А потом? — спросил Хагбард, напряженно подавшись вперед. Джордж увидел, как его лоб покрылся потом.

— Неважно, что будет потом, — отозвался БАРДАК. — Если мой прогноз

верен и ситуация будет развиваться по этому сценарию, Эсхатон будет имманентизирован. Осуществится замысел иллюминатов, который они лелеяли еще со времен Груада. Это будет их полная победа. Все они одновременно достигнут «трансцендентальной иллюминации». А для человечества это означает вымирание. Конец.

Книга четвертая

Beamtenherrschaft

Да, Гувер умел работать. Он бы повоевал. Вот в чем дело. Он не поддался бы этим людям. Он запугал бы их до смерти. У него досье на каждого.

Ричард Милхаус Никсон

Трип восьмой, или Ход

Пришел к Верховному Чаппаралю человек, который учился в школах Пурпурного Мудреца, и Хун-Мэн-Тонга, и иллюминатов, и во многих других школах; но так и не обрел мира в душе.

И вот, учился он и в школах дискордианцев, и проповедников Мумму, и назареев, и Будды; но так и не обрел мира в душе.

И обратился он к Верховному Чаппаралю, и просил его: «Дай мне знак, чтобы я мог поверить».

И ответил ему Верховный Чаппараль: «Оставь меня и обрати взор к горизонту, и будет тебе знак, и да не ищешь больше».

И повернулся этот человек, и обратил взор к горизонту; но Верховный Чаппараль подкрался к нему сзади, замахнулся ногой и дал этому человеку сильный пинок в зад, заставивший его страдать и ужасно его униживший.

Имеющий глаза да прочитает и поймет.

Мордехай Малигнатус, Х. Н. С. «Книга материнской любви», «Нечестная Книга Лжи»

Церковь Звездной Мудрости ничуть не соответствовала представлению агента 00005 о том, каким должно быть добропорядочное духовное заведение. Архитектура была слишком готической, узоры на витражах — отталкивающе неприличными («О Боже, они, верно, кровожадные дикари», — думал он), а когда он открыл дверь, на алтаре не оказалось распятия. Более того, на месте распятия он обнаружил более чем непристойное изображение. По его мнению, оно выглядело откровенно безвкусным.

«Совсем не Ортодоксальная Церковь», — решил Чипе.

Он двигался осторожно, хотя здание казалось пустым. Судя по конструкции скамеек, они скорее предназначались для каких-то рептилий, чем для людей. В церкви, конечно, не должно быть комфортно, и это полезно

для души, но здесь было... гм, слишком уж некомфортно. Первый витраж изнутри выглядел еще хуже, чем снаружи; Чипе не знал, кто такой *Святой Жаба*, но если это мозаичное изображение с его именем было его портретом, то, ей-богу, ни одна уважающая себя христианская конгрегация никогда не причислила бы его к лику святых. Следующий тип, *Шоггот*, был еще менее привлекательным, но он хотя бы не был причислен к лику святых.

Прямо перед ногами Чипса из прохода, отделяющего ряды скамеек, деловито пробежала крыса. Ну и обстановочка!

Чипе подошел к кафедре проповедника и увидел Библию. Хотя какой-то признак цивилизованности. Решив полюбопытствовать, какому библейскому тексту посвящалась последняя проповедь в этом дикарском притоне, Чипе взобрался на кафедру и пробежал глазами открытые страницы. К его ужасу, это была вовсе не Библия! Напыщенные речи о каком-то Йог-Сототе, вероятно, боге этих дикарей, который одновременно был и Воротами, и Стражем Ворот. Полнейший вздор. Чипе взял в руки громадный том и повернул к себе корешком. «*Некрономикон*»? Если его университетской латыни можно доверять, это означает что-то вроде «книги имен мертвых». Такая же пакость, как и вся эта церковь!

Он отправился к алтарю, стараясь не смотреть на гнусное изображение над ним. Ржавчина — интересно, что можно сказать о тварях, у которых ржавеет алтарь? Он ковырнул поверхность алтаря ногтем. Алтарь был мраморным, а мрамор не ржавеет. У Чипса возникло страшное подозрение, и он попробовал скovyрнутое на вкус. Так и есть: кровь. И довольно свежая.

Да уж, совсем не Ортодоксальная Церковь.

Чипе приблизился к ризнице и наткнулся на паутину. «Черт», — выругался он, разорвав ее фонариком, — и тут на плечо ему упал огромный безобразный паук. Продолжая чертыхаться, Чипе стряхнул его на пол и раздавил. Черные боги, Святые Жабы, крысы, таинственные языческие Ворота, этот отвратительный Шоггот, а теперь еще и пауки. «Теперь очередь графа Дракулы», — мрачно думал он, толкая дверь в ризницу. Она неожиданно легко открылась, и Чипе остановился на пороге, ожидая.

Внутри то ли никого не было, то ли они не возражали, чтобы он вошел.

Чипе переступил порог и посветил вокруг фонариком.

— О Боже, нет, — сказал он. — Нет. Господи, нет.

— До свиданья, мистер Чипе, — сказал Святой Жаба.

Вы когда-нибудь ездили в пригород на метро со станции Черинг-Кросс? Вам знакомо это ощущение долгой поездки без остановок, когда кажется, что вы неподвижны, а стены туннеля с огромной скоростью проносятся мимо вас? Физики называют это *относительностью*. В сущности, это больше напоминало полет вверх по трубе, чем поездку в туннеле, но скорее было и тем и другим одновременно, если вы понимаете, о чем я говорю. Относительность. Мимо прошел старик с угрюмым лицом, одетый по американской моде начала двадцатого века, бормоча что-то о Каркозе. За ним ехал антикварного вида «понтиак», в котором сидело четверо растерянных итальянцев. Ехал довольно медленно, так что я успел заметить год — 1936, и даже прочитать номерной знак: *Род-Айленд AW 1472*. Затем прошел черный человек, но не чернокожий, не негр, а именно *черный*, без лица, и мне очень не хочется рассказывать, что у него было вместо лица! Он жалобно поскуливал и повизгивал, произнося что-то вроде «Текели-ли! Текели-ли!». Появился еще один мужчина, похожий на англичанина, но уже в одежде начала девятнадцатого века. Он посмотрел в мою сторону и сказал: «Я просто

обходил лошадей». Я мог ему посочувствовать: я тоже «просто» открыл чертову дверь. Пролетел гигантский жук, во взгляде которого было больше ума, чем во взгляде любой виденной мною прежде букашки. Казалось, он одновременно перемещался в разных направлениях, если в том месте вообще уместно было говорить о направлении. Потом мимо меня с криком «Родерик Ашер!» пролетел седовласый пожилой мужчина, удивленно округлив голубые глаза. Затем прошел целый парад пятиугольников и других геометрических фигур, которые, казалось, разговаривали друг с другом на каком-то языке прошлого или будущего или той местности, которую они считали родиной. И теперь уже ощущение напоминало не движение в туннеле или по трубе, а катание на «американских горках» с «нырками» и «петлями», но не такими крутыми, как в Брайтоне. По-моему, я видел такую кривую в учебнике неевклидовой геометрии. Затем я промчался мимо шоггота, или он промчался мимо меня, и хочу вам сказать, что все картинки — ничто в сравнении с реальностью! Я готов отправиться куда угодно и рисковать жизнью, Служа Ее Величеству, но я прошу лорда Гарри не давать мне поручений, в которых мне снова придется сталкиваться с этими шогготами. Далее рывок или, правильнее, «точка перегиба», и я начинаю кое-что узнавать: это Инголынтадт, центр университетского городка. Затем мы снова взлетаем, но ненадолго, и снова точка перегиба: Стоунхедж. Люди в капюшонах, совсем как янки из Ку-Клукс-Клана, совершают среди камней какой-то чудовищный ритуал, то и дело громко поминая «Козла Лесов Легионов Младых», и звезды над головой какие-то чужие. Что ж, знания хватаешь там, где можешь, — и сейчас я знаю, пусть и не смогу объяснить ни одному паршивому академику, откуда я это знаю, — что Стоунхедж намного древнее, чем мы считаем. Свист рассекаемого воздуха, бах, мы снова взлетаем, и сейчас мимо проплывают корабли — самые разные: от старых клипперов янки до современных роскошных лайнеров, и все они отчаянно подают сигналы SOS, а следом летит группа самолетов. Я понял, что, видимо, в этой части расположен Бермудский Треугольник, и примерно тогда же меня осенило, что американец с угрюмым лицом — возможно, Ам-броз Бирс. Хотя я по-прежнему не имел ни малейшего представления, кем были остальные типы. Затем в одном направлении со мной двинулись Девочка, Песик, Лев, Железный Дровосек и Страшила. И тут же возник вопрос: посещаю ли я реальные места или это лишь места в сознании разных людей? И есть ли между первыми и вторыми какое-то различие? Когда рядом со мной оказались Мнимая Черепаха, Морж, Плотник и другая Девочка, моя вера в подобное различие начала разрушаться. Неужели некоторые писатели действительно умели подключаться к альтернативному миру, или пятому измерению, или как там это называется? Снова мимо меня прошел шоггот (тот самый или уже другой?), тараторивший: «Йог-Сотот-Неблуд-Зин», и по его интонации я понял, что речь идет о чем-то совершенно омерзительном. Знаете, я умею адекватно реагировать на самые неприличные предложения, не распуская рук: в конце концов, я человек цивилизованный. Но все же намного лучше, когда такие предложения исходят из человеческого рта, или хотя бы вообще из *рта*, а не из отверстий, которые и называть-то неудобно. Боже праведный, чтобы полностью понять, о чем я говорю, нужно самому встретиться с шогготом. Но я снова взлетел, изгибы становились все круче, а точки перегиба встречались все чаще. Увидев Головы, я безошибочно понял, что прибыл на остров Пасхи. У меня мелькнула мысль о поразительном сходстве этих Голов с Тлалокком и *ллойгором* с Фернандо-По, но этот

безумный круиз продолжился и я попал в место последней стоянки.

— Сто тысяч чертей! — сказал я, глядя на Манолета с *вероникой* ина лежавшую с перерезанным горлом бедняжку Консепсьон. — Моетерпение лопнуло!

На этот раз я решил не бродить внутри Церкви Звездной Мудрости. В конце концов, *есть* же предел.

Вместо этого, выйдя на улицу Текилья-и-Моты, я подошел к церкви и, держась от нее на некотором расстоянии, попытался представить, где БАЛБЕС прячут машину времени.

Когда я над этим думал, раздался первый выстрел.

Потом автоматная очередь.

Позже я узнал, что на улицу Текилья-и-Моты, стреляя из всего, что стреляет, вышло все население Фернандо-По — потомки кубинских и испанских ссыльных, местные негры и всякий цветной сброд. Это был самый настоящий контрпереворот: группа под предводительством капитана Путы сместила Текилья-и-Моту и предотвратила ядерную войну. Но тогда я об этом еще не знал, поэтому бросился к ближайшему дверному проему, чтобы укрыться от пуль. Было страшно. Мимо меня, размахивая старинной морской саблей, пробежал какой-то испанец — голубой, словно небо в полный штиль. С криком «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!» он понесся прямо на регулярные части, которые наконец-то прибыли, чтобы навести порядок. Он кинулся на солдат, рубя головы направо и налево, словно пират на abordage, пока его не изрешетили пулями. Таковы испанцы: даже педики умирают как мужчины.

Впрочем, все это меня не касалось, поэтому я попятился, толкнул дверь и вошел в здание. Не успел осознать, *куда* это я вошел, как увидел мрачный взгляд Святого Жабы и услышал:

— Опять ты!

На сей раз путешествие было не таким интересным (я ведь уже все это видел), и у меня было время поразмыслить и понять, что старая лягушачья морда не пользуется ни машиной времени, ни каким-нибудь другим механическим устройством. Я оказался перед пирамидой — в прошлый раз они пропустили эту стоянку — и ожидал возвращения в отель «Дурутти». К моему удивлению, после финального рывка сквозь измерения, или что там это было, я попал совсем в другое место.

00005 попал в огромный мраморный зал специальной конструкции, призванный до глубины души поражать воображение посетителей. Колонны вздымались на гигантскую высоту, поддерживая потолок, который был слишком высоким и темным, чтобы его можно было увидеть, а каждая из пяти стен выглядела непроницаемо-мраморной. Взгляд поневоле останавливался на гигантском золотом троне в форме яблока, ярко блестевшем даже в таком тусклом освещении. На троне сидел старик с седой бородой чуть не до пола и в белоснежной мантии. Он звучно произнес:

— Как ни банально это звучит, добро пожаловать, сын мой. Хотя эта церковь тоже не дотягивала до «ортодоксальной», она была явно лучше тошнотворной берлоги Святого Жабы. Впрочем, 00005 был настороже, как всякий здравомыслящий британец.

— Слушайте, — отважился произнести он, — вы ведь не из мистиков, а? Должен вам сказать, что я не намерен обращаться ни в какое язычество.

— Процесс обращения в другую веру, как понимаешь это ты, — спокойно отозвался старик, — состоит во вдалбливании определенных слов в уши

человека до тех пор, пока эти слова не начинают слетать с его языка. Мне такое совсем не интересно. Так что об этом не волнуйся.

— Ясно, — задумчиво произнес 00005. — Но это ведь не Шангри-Ла или какое-нибудь такое место?

— Это Даллас, штат Техас, сын мой. — В глазах старика вспыхнули искорки лукавства, хотя его поведение по-прежнему оставалось серьезным. — Мы находимся под канализационными трубами Дили-плазы, а я — Дили-Лама.

Агент 00005 покачал головой.

— Я не против, когда надо мной подшучивают, — начал он.

— Я Дили-Лама, — повторил старик, — а находимся мы в штаб-квартире Эридианского Фронта Освобождения.

— Шутки шутками, — сказал Чипе, — но как вы управляете этой лягушачьей тварью из Церкви Звездной Мудрости?

— Цатоггуа? Мы им никак не управляем. На самом деле мы тебя от него спасли. Причем дважды.

— Цатоггуа? — повторил Чипе. — А я думал, эту дрянь зовут Святым Жабой.

— Да, это одно из его имен. Когда он впервые появился в Гиперборее, его там знали как Цатоггуа, и под этим именем он фигурирует в «Пнакотических манускриптах», «Некрономиконе» и других писаниях. Верховные жрецы Атлантиды Кларкаш Тон и Лхув Керафт описали его самым подробным образом, но их труды нигде не сохранились, кроме как в наших архивах.

— Вот это откровение, — сказал агент 00005 напрямик. — Судя по всему, сейчас вы скажете, что меня привела сюда карма или что-нибудь в этом роде?

Вообще-то ему очень хотелось где-нибудь присесть. Конечно, перед стоявшим Чипсом сидящий Лама весьма выигрывал в значительности, но после такого тяжелого дня у агента уже гудели ноги.

— Да, у меня для тебя еще много откровений, — сказал старик.

— Вот этого я и боялся. Нельзя ли мне где-нибудь приткнуться свою задницу — как говаривал мой дядя Сид, — чтобы спокойно выслушать их? Уверен, ваш рассказ займет много времени.

Старик пропустил его реплику мимо ушей.

— Это решающий исторический момент, — сказал он. — Все силы Зла, которые раньше были рассеяны и часто находились в конфликте, собираются вместе под знаком *глаза в пирамиде*. Все силы Добра тоже собираются, но под знаком *яблока*.

— Понятно, — кивнул 00005. — И вы хотите завербовать меня в лагерь Добра?

— Вовсе нет, — воскликнул старик, со смехом подпрыгивая на троне. — Я хочу пригласить тебя остаться здесь, с нами, пока эти чертовы идиоты на поверхности не закончат драться.

00005 нахмурился.

— Это неспортивно, — неодобрительно сказал он, но тут же усмехнулся. — О, я чуть не попался, да? Вы *все-таки* меня разыгрываете!

— Я говорю тебе правду, — резко сказал старик. — Думаешь, как мне удалось дожить до такого преклонного возраста? Принимая участие в глупых кабацких драках, в мировых войнах, в том Армагеддоне, который сейчас начинается? Разреши напомнить тебе об улице, на которой мы тебя

подобрали; это совершенно типичная история для Кали-юги. Хочешь, я открою тебе тайну долголетия, мальчик, — мою тайну? Я прожил столь возмутительно долго потому, — высокопарно произнес он, — что мне насрать на Добро и Зло.

— На вашем месте я бы постеснялся такое говорить, — холодно ответил Чипе. — Если бы весь мир думал так, как вы, воцарился бы полный хаос!

— Ладно, — приподнял руку старик. — Я отправлю тебя обратно к Святому Жабе.

— Подождите! — дернулся в смущении Чипе. — Не могли бы вы отправить меня на встречу со Злом в какой-нибудь из его, э-э-э, более человеческих форм?

— Ага, — насмешливо произнес старик. — Ты хочешь выбрать меньшее из зол, так? Но даже сейчас, пока мы с тобой говорим, таких обманчивых возможностей для выбора остается все меньше. Если хочешь встретиться лицом к лицу со Злом, придется встречаться с ним на его условиях, и не в той форме, которая соответствует твоим обывательским представлениям о Страшном Суде. Оставайся здесь, малыш. Зло намного опаснее, чем ты думаешь.

— Ни за что, — твердо сказал Чипе. — «Не наше дело судить-рассуждать, наше дело в бою погибать!» Любой англичанин скажет вам это.

— Еще бы, — давась от смеха, фыркнул старик. — Твои соотечественники такие же придурки, как и эти тexasцы, что над нами. Гордятся своей идиотской Легкой Бригадой, как наша деревенщина — своим поражением при Аламо! Давай-ка я расскажу тебе одну историю, сынок.

— Как вам угодно, — сухо ответил 00005. — Но ни одна циничная притча не изменит моих понятий о Праве и Долге.

— На самом деле ты рад этой передышке; не так уж ты жаждешь снова столкнуться с силами Цатогуа. Ладно, к делу.

Старик уселся поудобнее, по-прежнему не замечая, как Чипе устало переминается с ноги на ногу, и начал:

— Это рассказ о Нашей Госпоже Раздора, Эриде, дочери Хаоса, матери Фортуны. Наверняка ты что-то читал об этом у Булфинча[33], но он дал экзотерическую версию. Я же расскажу тебе внутреннюю, эзотерическую историю.

(Мысль единорога — это реальная мысль? В каком-то смысле это основной вопрос философии...

Я думал, вы собирались рассказать мне какую-то историю, а не погружаться в кошмарную немецкую метафизику. Я досыта наелся этого в университете.

— Будет и история. Так вот, коротко говоря, мысль единорога — это реальная мысль. Как и мысль Спасителя на Кресте. Как Корова,

перепрыгнувшая через Луну. Как исчезнувший континент Му, валовой национальный продукт, квадратный корень из минус единицы и все остальное, что способно мобилизовать эмоциональную энергию. Таким образом, в определенном смысле Эрида и все прочие олимпийцы были — и остаются — реальными. В то же время, но уже в другом смысле, есть лишь один Истинный Бог, и твой Спаситель — это Его единственный сын; а Ллойгор, как и Цатогуа, достаточно реален, что затащить тебя в свой мир по ту сторону Кошмара. Впрочем, хватит философии.)

— Ты помнишь историю о Золотом Яблоке, хотя бы в экзотерическом и

смягченном варианте? Теперь послушай, как было на самом деле. Зевс (кстати, ужасно занудливый старикан) устроил на Олимпе пирушку и проявил неуважение к Нашей Госпоже, не пригласив Ее. И тогда Она действительно сделала яблоко, но не из металлического золота, а из «золотого акапулько»[34]. Она написала на этом яблоке «*Корхисти*», то есть «Прекраснейшей», и бросила его гостям. Все, а не только богини (это миф мужского шовинизма), — начали драться за право скурить его. От Париса никогда не требовали вынести решение, это плод чьей-то поэтической фантазии. Троянская война была просто очередным империалистическим скандалом и не имела к описываемым событиям никакого отношения.

В действительности же произошло следующее: из-за этого яблока все переругались и передрались, и довольно скоро их вибрации (а у богов очень высокие вибрации, на субсветовых частотах) настолько нагрели яблоко, что оно задымилось. Короче говоря, все олимпийцы забалдели.

И было им Видение — вернее, цикл Видений.

В первом Видении увидели они Яхве, бога соседнего мира. Он очищал свой мир, желая устроить в нем все по-новому. Олимпийцы были поражены его варварскими методами. Яхве просто взял и утопил всех людей — за исключением одного семейства, которому позволил спастись в Ковчеге.

«Это Хаос, — сказал Гермес. — Я бы сказал, что этот Яхве *слишком* лют, даже для бога».

И олимпийцы внимательно всматривались в это Видение, а поскольку они умели видеть будущее и все (как любое разумное существо) были ярыми поклонниками Лорела и Харди[35], да притом надышались дури, то увидели, что у Яхве лицо Оливера Харди. Повсюду вокруг горы, на которой он жил (его мир был плоским), прибывала вода. Они видели, как тонут мужчины и женщины, как вода накрывает невинных младенцев. Их чуть не вырвало. А затем вышел Другой и встал рядом с Яхве, глядя сверху на ужасное зрелище, и был он Противником Яхве, и обкуренным олимпийцам показалось, что он похож на Стэнли Лорела. А потом Яхве произнес вечные слова Оливера Харди. «Полюбуйся, что *ты* заставил меня сделать», — сказал он.

И то было — первое Видение.

Они посмотрели снова и увидели Ли Харви Освальда, расположившегося в окне техасского школьного книгохранилища; и снова у него было лицо Стэнли Лорела. А поскольку тот мир был создан великим богом по имени Эрл Уоррен[36], стрелял в тот день только Освальд, и Джон Фицджеральд Кеннеди благополучно отбыл в рай.

«Это Раздор», — сказала совоокая Афина с возмущением, ибо она была больше знакома с тем миром, который создал бог по имени Марк Лейн[37].

Затем они увидели коридор, по которому в сопровождении двух полицейских шел Освальд-Лорел. Внезапно вперед вышел Джек Руби с лицом Оливера Харди и выстрелил в это тщедушное хилое тело. И затем Руби повторил вечные слова труп у его ног. «Полюбуйся, что *ты* заставил меня сделать», — сказал он.

И то было второе Видение.

Далее они увидели город, в котором проживало 550 000 мужчин, женщин и детей, и в одно мгновение город исчез; от людей остались только тени, повсюду свирепствовала огненная буря, сжигая мерзких сутенеров, невинных детей, старую статую Счастливого Будды, мышей, собак, стариков и влюбленных; и над всем этим поднялось грибовидное облако. Это был мир, созданный самым жестоким из всех богов, *Реальной Политикой*.

«Это Беспорядок», — взволнованно сказал Аполлон, отложив в сторону свою лютню.

Слуга *Реальной Политики* Гарри Трумэн с лицом Оливера Харди посмотрел на свою работу и увидел, что это хорошо. Но стоявший рядом с ними Альберт Эйнштейн, слуга самого неуловимого из богов по имени *Истина*, залился слезами, знакомыми слезами Стэнли Лорела, увидевшего результаты своей деятельности. На какое-то мгновение Трумэн забеспокоился, но потом вспомнил вечные слова. «Полюбуйся, что ты заставил меня сделать», — сказал он.

И то было третье Видение.

Теперь они видели поезда, много поездов; все они двигались четко по расписанию по железным дорогам, покрывавшим всю Европу. Колеса стучали двадцать четыре часа в сутки, направляясь к нескольким станциям назначения, похожим друг на друга. Там человеческий груз клеймили, систематизировали, обрабатывали, умерщвляли газом, складывали штабелями, снова клеймили, переписывали, кремировали и выбрасывали.

«Это Бюрократия», — сказал Дионис и в ярости разбил свой кувшин с вином; рядом с ним свирепо сверкала глазами его рысь.

А затем они увидели человека, который приказал все это сделать, Адольфа Гитлера, носившего маску Оливера Харди. Он повернулся к одному очень богатому человеку, барону Ротшильду, носившему маску Стэнли Лорела, и олимпийцы поняли, что этот мир создан богом по имени Гегель и в нем ангел Тезис встретился с демоном Антитезисом. И тогда Гитлер изрек вечные слова. «Полюбуйся, что ты заставил меня сделать», — сказал он.

И то было четвертое Видение.

Потом они смотрели дальше, и вдруг со своей высоты они увидели зарождение великой республики и провозглашение новых богов. Их звали *Законность* и *Равноправие*. И увидели олимпийцы, что многие люди, занимавшие высокие посты в этой республике, создали свою собственную религию, поклоняясь *Богатству* и *Власти*. И превратилась республика в империю, и вскоре уже никто не поклонялся *Законности* и *Равноправию*, и даже *Богатству* и *Власти* поклонялись только на словах, потому что Истинным Богом для всех теперь стали импотент *Что-Мне-Делать*, его унылый брат *То-Что-Делал-Вчера* и уродливая злая сестра *Дави-Их-Пока-Они-Не-Раздавили-Нас*.

«Это Последствия», — сказала Гера, и ее грудь затряслась от слез скорби о детях этого народа.

И увидели они много взрывов, бунтующих толп, снайперов на крышах, бутылок с «коктейлем Молотова». И увидели они столицу в руинах, и правителя с лицом Стэнли Лорела, ставшего пленником в каменных стенах его дворца. И увидели они, как вождь революционеров осматривает улицы, заваленные трупами, и услышали они, как он вздохнул и, обращаясь к правителю в каменных стенах, выговорил вечные слова. «Полюбуйся, что ты заставил меня сделать», — сказал он.

И то было пятое Видение.

А потом олимпийские боги приходили в себя и переглядывались в смятении. Первым заговорил сам Зевс.

— Чуваки, — сказал он, — это Крутая Трава.

— *Давно* меня так не перло, — торжественно подтвердил Гермес.

— Дурь что надо, — поддакнул Дионис, поглаживая свою рысь.

— Нам всем просто крышу снесло, — подвела итог Гера.

И они снова перевели взгляд на Золотое Яблоко и прочли слово, которое написала на нем Наша Госпожа Эрида, — очень многоуровневое слово *Корхисти*. И познали они, что все боги и богини, все мужчины и женщины в глубине души — прекраснейшие, честнейшие, невиннейшие, Лучшие. И раскаялись они в том, что не пригласили на свою пирушку Эриду, и позвали ее к себе, и спросили: «Почему ты никогда раньше не рассказывала, что все категории ложны и даже Добро и Зло — лишь иллюзия, следствие ограниченности мировосприятия?»

И сказала Эрида:

— Как мужчины и женщины суть актеры на выдуманной нами сцене, так мы — актеры на сцене, выдуманной Пятью Парками. Вы должны были верить в Добро и Зло и судить мужчин и женщин внизу. Это было проклятие, которое наложили на вас Парки! Но вы пришли к Великому Сомнению, и теперь вы свободны.

После этого олимпийцы утратили интерес к игре в богов и вскоре были забыты человечеством. Ибо Она показала им великий Свет, уничтожающий тени. А ведь все мы, боги и смертные, — всего лишь скользящие тени. Ты в это веришь?

— Нет, — ответил Фишн Чипе.

— Отлично, — угрюмо произнес Дили-Лама. — Тогда пошел вон, катись обратно в мир майи!

И покотившегося кубарем Чипса затянуло в водоворот мычаний и визгов, в котором во время очередной деформации пространства и времени, но месяцем позже кувыркнулся, вскочил на ноги и бросился через *Трассу 91 Лилипут*, когда взвизгнул тормозами взятый напрокат «форд-бронтозавр» и из него выбежали Сол и Барни (инстинкт полицейских им подсказывал, что если пострадавший убегает после дорожно-транспортного происшествия, значит, ему есть что скрывать), но Джон Диллинджер, двигаясь в сторону Вегаса с севера, продолжает напевать «Прощайте навсегда, подружки и зазнобы, Господь... благослови...», и этот же рывок в пространстве-времени двумя столетиями раньше увлекает за собой Адама Вейсгаупта, заставляя его отказаться от запланированной ненавязчивой рекламы и сболтнуть изумленному Иоганну Вольфгангу фон Гете: «*Spielen Sie Strip Schnipp-Schnapp?*» — и Чипе, услышав слова Вейсгаупта, возвращается на кладбище в Инголытадт, когда четыре мрачные фигуры растворяются в темноте.

— *Strip Schnipp-Schnapp?* — спрашивает Гете, прижимая ладонь к подбородку в жесте, который впоследствии станет знаменитым. — *Das ist dein hoch Zauberwerk!*

— *Ja, Ja,* — нервно говорит Вейсгаупт, — *Der Zweck heiligt die Mitte!* [38].

Инголытадт всегда напоминал мне кино про Франкенштейна, и когда после Святого Жабы, мерзопакостного шоггота и старого Ламы с его азиатской метафизикой незримый голос пригласил меня сыграть с ним в какую-то вульгарную карточную игру, это не прибавило мне оптимизма. На Службе Ее Величества мне доводилось попадать в разные передряги, но вся эта история на Фернандо-По оказалась совершенно омерзительной, прямо-таки *unheimlich* [39], как сказали бы эти инголытадтские гансы. В отдалении слышалась музыка. Какая-то азиатчина с примесью янки. Внезапно я осознал самое худшее: этот проклятый Лама, или Святой Жаба, или кто-то еще вырвал из моей жизни почти целый месяц. Я вошел в церковь

Святого Жабы после полуночи 31 марта (фактически 1 апреля), а сегодня уже 30 апреля или 1 мая. *Вальпургиева ночь*. Когда появляются все эти фрицевские призраки. А в Лондоне меня, вероятно, уже считают мертвым. И если я позвоню и попытаюсь объяснить, что произошло, старик W. совершенно *озверевает* и наверняка решит, что я окончательно сбрендил. В общем, дело дрянное.

Тут я вспомнил, как старый Лама из Далласа говорил, что отправляет меня на последнюю битву между Добром и Злом. Возможно, это она и есть, именно здесь, именно сейчас, в эту ночь в Ингольштадте. При этой мысли у меня даже дух захватило. Интересно, когда появятся Ангелы Господни: хоть бы поскорее! Когда Дьявол выпустит на волю шоггота, и Святого Жабу, и прочую мерзость, их поддержка будет очень кстати.

Я бродил по улицам Ингольштадта и принохивался, не потянет ли откуда-нибудь смолой и серой.

А в полумиле от Чипса двенадцатью часами раньше Джордж Дорн и Стелла Марис курили «черный аламут» вместе с Гарри Койн-ном.

— Для интеллигента ты неплохо дерешься, — сказал Гарри Койн...

— А для самого неподготовленного в мире киллера, — ответил Джордж, — ты неплохо насилуешь.

Койн начал было злобно кривить губы, но гашиш был слишком крепким.

— Хагбард рассказал, а, браток? — весело спросил он.

— Он рассказал мне главное, — ответил Джордж. — Я знаю, что все на этой подводной лодке когда-то работали либо на иллюминатов, либо на их правительства. Я знаю, что более двух десятков лет Хагбард считается вне закона...

— Двадцать три года, если точно, — насмешливо сказала Марис.

— Поправка принимается, — кивнул Джордж. — Итак, двадцать три года вне закона, и до этого инцидента с кораблями-пауками, который произошел четыре дня назад, никого ни разу не убил.

— О, он *убил* нас, — сказал Гарри, затягиваясь трубкой. — То, что он с нами делает, — хуже смертной казни. Не могу сказать, что я тот же человек, каким был раньше. Но все это крайне неприятно, пока не пройдешь до конца.

— Я знаю, — усмехнулся Джордж. — Кое-что я уже испытал на собственной шкуре.

— Система Хагбарда, — сказала Стелла, — крайне проста. Он лишь показывает тебе твое собственное лицо в зеркале. Он помогает тебе увидеть ниточки марионеток. Но разрывать их или нет — решать все равно тебе. Он никогда не принуждает человека идти против веления сердца. Разумеется, — сосредоточенно нахмурилась она, — он загоняет тебя в такие ситуации, когда ты вынужден очень быстро понять, что *именно* подсказывает тебе твое сердце. Он когда-нибудь рассказывал тебе об индейцах?

— О шошонах? — спросил Джордж. — Это насчет выгребной ямы?

— Давайте сыграем в игру, — перебил Койн, утопая в кресле тем глубже, чем сильнее прибавал его гашиш. — Один из нас в этой комнате — марсианин, и мы должны угадать из разговора, кто именно.

— Хорошо, — легко согласилась Стелла. — Только не о шошонах, — сказала она Джорджу, — а мохавках.

— Ты не марсианка, — хихикнул Койн. — Ты придерживаешься темы, а это типично человеческая черта.

Джордж, пытаясь понять, есть ли какая-то связь между осьминогом на

стене и загадкой про марсианина, сказал:

— Я хочу услышать историю о Хагбарде и мохавках. Возможно, так нам будет проще узнать марсианина. Ты придумываешь неплохие игры, — добавил он мягко, — для парня, который облажался в каждом из семи заказанных ему убийств.

— Я дурак, но везучий, — отозвался Койн. — Всегда находился кто-то другой, делавший выстрел. Понимаешь, браток, в наше время политики ужасно непопулярны.

Это был миф, которым Хагбард уже поделился с Джорджем. Пока Гарри Койн не завершил курс обучения по Системе Челине, ему было лучше считать себя убийцей-неудачником. На самом деле он опростоволосился только в первый раз (в Далласе 22 ноября 1963 года), но с тех пор на его счету значилось пять трупов. Конечно, даже если Хагбард перестал быть святым, он оставался по-прежнему хитрым: возможно, Гарри действительно каждый раз промахивался. Возможно, Хагбард намеренно формировал у Джорджа представление о Гарри как о матером убийце, чтобы посмотреть, сможет ли Джордж не заикливаться на «прошлом» человека, а войти в контакт с его настоящим.

«По крайней мере, я научился хотя бы этому, — думал Джордж. — Слово „прошрое“ теперь всегда для меня в кавычках».

— Мохавки, — сказала Стелла, лениво откинувшись (мужской половой орган Джорджа, или пенис, или член, или каким, черт побери, нормальным словом его назвать, если для него вообще можно подобрать нормальное название, так вот, значит, мой член, мой прекрасный и вечно голодный член поднялся на целый сантиметр, когда блузка натянулась на ее груди, Господи Боже мой, мы трахались как африканские кабаны во время гона, часами и часами и часами, и я по-прежнему был возбужден, и все еще влюблен в нее, и возможно, всегда буду в нее влюблен, но тогда вполне возможно, что марсианин — это я). Эх, на самом деле мой вечный искатель сексуальных утех поднялся всего лишь на миллиметр, а вовсе не сантиметр, и был медлителен, как старичок, вылезающий из постели январским утром. Как раз перед тем, как Гарри принес гашиш и захотел потолковать, я трахался чуть ли не до беспамятства. Ищи марсианина. Ищи правителя страны Дорн. Ищи иллюминатов. Кришна гоняется за собственным хвостом по искривленному пространству эйнштейновской вселенной, пока не исчезает у себя в заднице, оставляя сзади только задницу: оборотную сторону пустоты; дорновская теория околотео-содомогнозиса.

— Владели землей, — продолжала она.

Это прелестное черное лицо — как эбеновая мелодия: да, ни один художник, кроме Баха, не смог бы передать очарование пурпурных губ на фоне черного лица, которые говорят:

— И государство захотело украсть эту землю. Для строительства дамбы.

Внутренняя часть ее влагища окрашена в такие же пурпурные тона, а на ее ладонях желтовато-бежевая кожа, как кожа у европейцев; в ее теле столько прелестей и в моем теле столько сокровищ, что их нельзя исчерпать даже за миллион лет самых нежных и неистовых соитий.

— Хагбард был инженером. Его наняли для строительства дамбы. Но когда он узнал, что землю заберут у индейцев, а самих индейцев переселят на менее плодородные земли, он отказался работать на строительстве. Он разорвал контракт, поэтому государство предъявило ему иск, — сказала она. — Так он стал близким другом мохавков.

Это было полной чушью. Понятно же, что Хагбард выступал на суде защитником индейцев, но ему было стыдно признаться Стелле, что когда-то он был адвокатом, поэтому он и выдумал эту историю о своем инженерстве.

— Он помогал им переселяться, когда их изгнали.

Я представил себе, как люди с бронзовой кожей удаляются в сумерках в сторону горизонта.

— Это было давным-давно, наверное, еще в пятидесятых годах. (Хагбард выглядел чертовски моложе своих лет.) Один индеец несенота, который, как он говорил, был его дедушкой. Сам индеец был уже глубоким стариком. Он рассказывал, что дедушка помнит генерала Вашингтона и как тот изменился, став президентом. (Оно было там в тот вечер, это существо, которое однажды было Джорджем Вашингтоном и Адамом Вейсгауптом. То, о котором Гитлер сказал: «Он всегда среди нас. Он неустрашим и ужасен. Я его боюсь».) Хагбард говорит, что постоянно думает о Патрике Генри, том человеке, который видел, что происходило на Конституционном Конвенте. Этот Генри, пробежав глазами Конституцию, сразу же сказал: «Что-то здесь не так. Тут чувствуется явный уклон в сторону монархии». Старый индеец, которого звали Дядюшка Джон Перо, рассказывал, что, когда Дедушка был человеком, он умел разговаривать со всеми животными. Он говорил, что народ мохавков — это не только мир живых. Это еще душа и земля, слившиеся воедино. Когда у народа отобрали часть земли, какая-то часть души умерла. Вот почему он теперь не способен разговаривать со всеми животными, а только с теми, кто был частью его семьи.

Душа — в крови, она приводит кровь в движение. Особенно по ночам. Натли — это типичный католический город в штате Нью-Джерси, а Дорны — баптисты, так что я рос в окружении католицизма и баптизма, но даже ребенком я любил гулять вдоль Пассеика в поисках наконечников индейских стрел, и когда мне удавалось найти хотя бы один, моя душа трепетала. Кто был тот антрополог, который считал, что народ оджибви верит, будто все камни живые? Вождь его поправил: «Раскрой глаза, — сказал он, — и ты увидишь, *какие* камни живые». Тогда у нас еще не было своего Фробениуса[40]. Американская антропология сродни девственнице, пишущей о сексе.

— Я знаю, *кто* среди нас *марсианин*, — напел вполголоса Койн. — Но не скажу. Пока не скажу.

Этот человек, который был то ли самым удачливым, то ли самым неудачливым наемным убийцей двадцатого века, и при этом меня изнасиловал (что, по мнению некоторых идиотов, должно было навсегда убить во мне мужское начало), торчал вовсю и казался таким счастливым, что я был счастлив за него.

— Хагбард, — продолжала Стелла, — стоял как дерево. Он был парализован. Наконец Дядюшка Джон Перо спросил его, в чем дело.

Стелла наклонилась вперед, и на фоне золотого осьминога на стене ее лицо стало еще чернее.

— Хагбард предвидел экологическую катастрофу. Он видел расцвет Государства Всеобщего Благосостояния, Воинственный Либерализм (как он это называет) и распространение марксизма из России по всему миру. Он понимал, почему, с помощью или без помощи иллюминатов, все это должно было произойти. Он понимал Принцип ОНАБ[41].

Объяснив Дядюшке Джону Перо, что он до глубины души взволнован трагедией мохавков (и ни словом не упомянув о более ужасной трагедии,

надвигавшейся на планету, — трагедии, которую старик уже понимал, хотя и выражал ее суть в близких ему понятиях), Хагбард трудился всю ночь. Тяжелая физическая работа, погрузка убогой дешевой мебели из лачуг на грузовики, перевязывание всего домашнего скарба крепкими веревками... Он изошел потом и еле стоял на ногах, когда незадолго до рассвета они закончили погрузку. На следующий день он сжег все документы, подтверждавшие его американское гражданство. Пепел он высыпал в конверт, адресованный Президенту Соединенных Штатов, приложив краткую записку: «Всем важным управляет неважное. Всем материальным управляет нематериальное. Бывший гражданин». Пепел от сожженного военного билета отправился к Министру обороны, с еще более краткой запиской: «*No! serviam.* Бывший раб». Очередная налоговая декларация, которой Хагбард подтер свой зад, попала к Министру финансов США. Записка гласила: «Попробуй украсть из ящика для пожертвований в пользу бедных». Но и это его не успокоило; тогда он схватил с книжной полки «Капитал» Маркса с собственноручными саркастическими пометками на полях, нацарапал на форзаце: «Без частной собственности нет личной жизни», и послал книгу Иосифу Сталину в Кремль. Затем он вызвал секретаршу, уволил ее, выплатив зарплату за три месяца вперед, и навсегда покинул свою адвокатскую контору. Он объявил войну всем правительствам мира.

Вторую половину дня он занимался тем, что тратил собственные сбережения, которые на тот момент составляли семьдесят тысяч долларов. Кое-что он совал пьяницам на улице, кое-что — детишкам в парках; после закрытия фондовой биржи он бродил по Уолл-стрит, раздавая толстые пачки купюр хорошо одетым прохожим со словами: «Наслаждайтесь. Еще при вашей жизни это не будет стоить и ломаного гроша». Ту ночь он провел на Центральном вокзале, а утром, уже без гроша в кармане, нанялся матросом на торговое судно, следовавшее в Норвегию.

В то лето он странствовал по Европе, работая экскурсоводом, поваром, репетитором, выполняя любую работу, которая попадалась ему под руку. Но в основном он говорил и слушал. И в основном о политике. Он слышал, что план Маршалла — подлый способ ограбления Европы под предлогом оказания ей помощи; что у Сталина больше проблем с Тито, чем когда-то с Троцким; что Вьетнам скоро капитулирует и французы снова вернутся в Индокитай; что в Германии больше нет нацистов; что в Германии все по-прежнему нацисты; что Дьюи легко победит Трумэна.

Во время прошлых странствий по Европе, еще в тридцатые годы, Хагбард слышал, что Гитлеру нужна только Чехословакия и что он будет любой ценой избегать войны с Англией; что проблемы Сталина с Троцким никогда не закончатся; что после очередной войны вся Европа станет социалистической; что Америка непременно ввяжется в войну, когда она начнется; что Америка ни в коем случае не станет ввязываться в войну.

Однако одно мнение всегда оставалось неизменным, и он слышал его повсюду. Согласно этому мнению, все человеческие проблемы решит более сильное правительство, более решительное правительство, более честное правительство.

Хагбард начал писать заметки к трактату, который позже получил названием «*Не свисти, когда писаешь*». Он начал с параграфа, который позже перенес в середину книги:

Сейчас теоретически возможно подключить человеческую нервную систему к радиоэфирu, вживляя в головной мозг микроскопические

радиоприемники так, чтобы человек совершенно не мог отличить передачи этого радио от голоса собственных мыслей. Одна центральная станция, расположенная в столице государства, могла бы целыми днями передавать то, во что, по мнению власти, должны верить люди. Средний человек-приемник даже не догадывался бы, что его превратили в робота; он полагал бы, что слушает голос собственных мыслей.

Хотя люди скорее всего сочтут такую концепцию шокирующей, пугающей и совершенно невозможной, это, как и «1984» Оруэлла, не фантастика о будущем, а притча о настоящем. В мозг каждого гражданина в каждом тоталитарном обществе уже встроено такое «радио». Это радио — тот самый тихий голосок, который всякий раз, когда появляется то или иное желание, спрашивает: «Это не опасно? Одобрят ли это моя жена (мой муж, мой начальник, моя церковь, мое общество)? Не станут ли меня высмеивать и издеваться надо мной? А вдруг явится полиция и арестует меня?» Этот тихий голосок фрейдисты называют «Супер-эго». А сам Фрейд очень удачно назвал его «суровым хозяином эго». То же самое, но под более функциональным углом зрения, Перлз, Хефферлайн и Гудман в «Гештальт-терапии» называют «набором обусловленных вербальных привычек».

Этот набор совершенно одинаков в любом авторитарном обществе, и именно он определяет действия, которые происходят (и не происходят) в данном обществе. Давайте исходить из того, что **человек есть биограмма** (базовая программа ДНК и ее возможности) **плюс логограмма** (этот самый «набор обусловленных вербальных привычек»). На протяжении нескольких сотен тысяч лет биограмма не менялась; логограмма же различна в каждом обществе. Когда логограмма укрепляет биограмму, мы получаем общество свободомыслия. Такие общества до сих пор существуют в некоторых племенах американских индейцев. Как и конфуцианство, пока оно не стало тоталитарным и закосневшим, этика индейцев строится на том, что они **говорят от сердца и действуют от сердца** — то есть в соответствии с биограммой.

Ни одно авторитарное общество не может с этим смириться. Вся властная структура опирается на людей, обученных действовать в соответствии с логограммой, поскольку логограмма — это набор привычек, созданных теми, кто находится у власти.

Каждая авторитарная логограмма разделяет как общество, так и отдельную личность на две чуждые половины. Люди внизу страдают от того, что я называю **бременем незнания**. Естественная сенсорная активность биограммы — то, что человек видит, слышит, обоняет, ощущает на вкус, осязает, и прежде всего то, что организм как единое целое, или как потенциальное целое, **хочет**, — всегда **неактуально и несущественно**. Авторитарная логограмма, а не сфера чувственного восприятия определяет, **что** актуально и существенно. Это одинаково верно для высокооплачиваемого рекламщика и простого токаря. Человек действует не на основании личного опыта или анализа, проведенного его нервной системой, а по приказам сверху. А если личный опыт и личное суждение бездействуют, то эти функции тоже становятся менее «реальными». Они существуют, если вообще существуют, только в той фантастической стране, которую Фрейд называл Бессознательным. Поскольку никто не нашел способ доказать, что фрейдовское Бессознательное действительно существует, можно поставить под сомнение реальность существования личного опыта и личного суждения и назвать представление об их существовании

иррациональной верой. Организм становится, как сказал Маркс, «инструментом, машиной, роботом».

Однако те, кто находится на вершине авторитарной пирамиды, страдают от равного и противоположного **бремени всезнания**. От представителей класса господ требуется все то, что запрещается классу рабов: восприятие, анализ и активное участие в ощущаемой вселенной. Они должны стараться видеть, слышать, обонять, вкушать, осязать и принимать решения за все общество.

Но человеку с ружьем говорят лишь то, что, по общему мнению, не спровоцирует в нем желание нажать на курок. Поскольку вся власть и государство опираются на силу, класс господ с его бременем всезнания смотрит на класс рабов с его бременем незнания как разбойник с большой дороги на жертву. **Общение возможно только между равными**. Класс господ никогда не получает достаточно информации от класса рабов, чтобы узнать, что же **действительно** происходит в том мире, где происходит общественное производство. Более того, хотя с течением времени во вселенной все меняется, логограмма любого авторитарного общества всегда остается неизменной. Результатом чего может быть только прогрессирующая дезориентированность правителей. В итоге получаем катастрофу.

Шизофренией авторитаризма болеет и отдельный человек, и все общество.

Я называю это принципом ОНАБ.

Той осенью Хагбард обосновался в Риме. Он работал экскурсоводом, забавляясь вплетением в подлинную историю Древнего Рима цитат из фильмов Сесила Б. ДеМилля (ни один турист ни разу не поймал его на этой лжи). Кроме того, он тратил долгие часы на тщательное изучение опубликованных сообщений Интерпола. Его *Wanderjahr*[42] заканчивался; он готовился к действию. Не подверженный чувству вины и не склонный к мазохизму, Хагбард отказался от всех сбережений, чтобы доказать себе: он может осуществить задуманное, начиная с нуля. Когда наступила зима, его исследования завершились: интерполовская статистика преступлений обеспечила его перечнем тех товаров, которые либо из-за тарифов, удушающих конкуренцию, либо из-за законов «морали» могли стать основой успешной карьеры контрабандиста.

Через год два агента американской службы по борьбе с наркотиками, Келли и Эйхманн, арестовали Хагбарда в отеле «Кларидж» на Сорок четвертой улице Нью-Йорка.

— Не обижайся, — сказал Келли. — Мы просто выполняем приказ.

— Все нормально, — сказал Хагбард, — не чувствуйте за собой вины. Вот только что вы намерены делать с моими кошками?

Келли опустился на колени и задумчиво рассматривал котят, одному почесывая подбородочек, а второго поглаживая за ушком.

— Как их зовут? — спросил он.

— Мальчика Влагилицем, — отозвался Хагбард. — А девочку — Пенис.

— Мальчика зовут *как!* — переспросил, прищурившись Эйхманн.

— Мальчик — Влагилице, а девочка — Пенис, — невинно повторил Хагбард. — Тут метафизика. Для начала нужно задаться вопросом, что появилось на этой планете раньше: жизнь или смерть? Вы когда-нибудь думали над этим?

— Парень чокнутый, — сказал Келли Эйхманну.

— Нужно понять, — продолжал Хагбард, — что жизнь — это разрыв, а

смерть — это соединение. Так понятнее?

(— Никогда не поймешь, говорит Хагбард всерьез или порет чушь, — произнес, как во сне, Джордж, и снова сделал затяжку.)

— Реинкарнация происходит *вспять во времени*, — продолжал Хагбард, пока наркоагенты выдвигали ящики и заглядывали под стулья. — Каждый следующий раз ты рождаешься во все более раннем историческом периоде. Муссолини переродился ведьмой в четырнадцатом веке, и из-за его плохой современной кармы инквизиторы теперь прессуют его по полной программе. Все люди, которые «помнят» прошлое, занимаются самообманом. Те же, кто действительно помнит прошлые инкарнации, помнят *будущее* и пишут научно-фантастические романы.

(Маленькая пожилая леди из Чикаго вошла в каюту Джорджа, держа в руках ящичек для пожертвований с надписью «Матери против фимоза». Он дал ей десять центов. Поблагодарив его, старушка ушла. Когда за ней закрылась дверь, Джордж задумался, была ли она галлюцинацией или же просто женщиной, провалившейся в щель искривленного пространства-времени на борт «*Лейфа Эриксона*».)

— А это что за хреновина? — спросил Эйхманн.

Он рылся в стенном шкафу Хагбарда и нашел там красно-бело-синие наклейки для бамперов. Верхняя половина каждой буквы была синей с белыми звездами, а нижняя представляла собой красно-белые полосы. Очень патриотично. И эти буквы складывались в лозунг:

ЛЕГАЛИЗУЕМ АБОРТЫ! БЕРЕМЕННОСТЬ — ЭТО ЕВРЕЙСКИЙ ЗАГОВОР!

Хагбард распространял их в районах вроде манхэттенского Йорк-вилла или западных пригородов Чикаго, где все еще силен ирландско-католический фашизм в старомодном стиле Отца Кафлина и Джо Маккарти. Это было испытание логограммно-биограммной тактики «двойного зажима», на основе которой Дили-Лама впоследствии разработал Операцию «Мозготрах»[43].

— Патриотические наклейки, — пояснил Хагбард.

— Ну, *выглядят-то* они патриотично... — с сомнением признал Эйхманн.

(— В каюту заходила маленькая женщина из Чикаго? — спросил Джордж.

— Нет, — ответил Гарри Койн, снова затягиваясь. — Здесь не было никакой женщины из Чикаго. Но зато я знаю, *кто* среди нас марсианин.)

— Ну а это что за хреновина? — спросил Келли.

Он нашел карточки размером с визитные, на которых было написано «КРАСНАЯ» зелеными буквами и «ЗЕЛЕНАЯ» красными буквами.

(— Когда ты все время там, на вершине, — спросил Джордж, — это ни биограмма, ни логограмма, верно? Что же это за хреновина, а?)

— Антиграмма, — по-прежнему услужливо объяснил Хагбард.

— Карточки — антиграмма? — повторил обалдевший Эйхманн.

— Возможно, мне придется взять вас под арест и препроводить в участок, — предупредил Хагбард. — Вы оба — очень нехорошие мальчики. Взлом и вторжение. Направили на меня пистолет — фактически это вооруженное нападение. Схватили мои наркотики — это грабеж. Налицо посягательство на частную жизнь. Очень, очень нехорошо.

— *Вы* не можете нас арестовать, — захныкал Эйхманн. — *Это мы* должны

арестовать вас.

— Какая красная, а какая — зеленая? — спросил Хагбард. — Смотрите снова. — Они смотрели, и КРАСНАЯ теперь была по-настоящему красной, а ЗЕЛЕНАЯ по-настоящему зеленой. (На самом деле цвета менялись в зависимости от угла, под которым Хагбард держал карту, но он не собирался раскрывать им свои секреты.) — А еще я могу поменять верх и низ, — добавил он. — Хуже того, я умею блокировать молнии на штанах. Ни один из вас не сможет сейчас расстегнуть ширинку. А мой коронный номер — это перенацеливание револьверов. Попробуйте в меня выстрелить — и пули выйдут сзади, так что можете попрощаться с правой рукой. Вот попробуйте и проверьте, блефую я или нет.

— А может, договоримся, начальник? — Эйхманн вытащил бумажник. — У полицейских ведь не самая большая зарплата в мире, а?

Он с намеком подтолкнул Хагбарда локтем.

— Пытаетесь меня подкупить? — строго спросил Хагбард.

— Почему нет? — заныл Гарри Койн. — Ты ни черта не зарабатываешь, убив меня. Возьми деньги и высади меня на первом встречном острове.

— Хорошо, — задумчиво сказал Хагбард, пересчитывая деньги.

— Я могу достать еще, — добавил Гарри. — Я тебе их вышлю.

— Не сомневаюсь.

Хагбард положил деньги в раковину-пепельницу и чиркнул спичкой. Вспыхнул веселый огонек, и Хагбард невозмутимо спросил:

— Что еще ты можешь мне предложить?

— Я расскажу тебе все, что ты захочешь узнать об иллюминатах! — завизжал по-настоящему испуганный Гарри, понимая, что попал в руки к безумцу, для которого деньги ничего не значат.

— Я знаю об иллюминатах больше, чем ты, — ответил со скучающим видом Хагбард. — Дай мне философское обоснование, Гарри. Есть ли какой-то смысл в том, чтобы позволить такому типу, как ты, продолжать охотиться на слабых и невинных?

— Клянусь, я завяжу с прошлым. Я перейду на твою сторону. Я буду работать на тебя и убивать кого захочешь.

— Это вариант, — заметил Хагбард. — Хотя и не очень интересный. В мире полно убийц и потенциальных убийц. Благодаря иллюминатам и их правительствам вряд ли можно найти здорового взрослого мужчину, который бы не проходил военную подготовку. Какие у тебя есть основания считать, что я не могу выйти на улицы любого крупного города и в течение дня найти десяток более квалифицированных убийц, чем ты?

— Ладно, ладно, — сказал Гарри, тяжело дыша. — Я университетов не кончал, но я и не дурак. Твои люди вытащили меня из мэд-догской тюрьмы и доставили на эту лодку. Тебе что-то нужно, браток. Иначе я был бы уже мертв.

— Да, мне кое-что нужно. — Хагбард откинулся на спинку кресла. — Сейчас уже теплее, Гарри. Я кое-чего хочу, но не скажу тебе, чего именно. Ты должен это сделать и показать мне без малейших подсказок и намеков. А если ты это не сделаешь, мне действительно придется тебя убить. И это не пустые угрозы, парень. Это моя версия суда над тобой за твои прошлые преступления. Я — судья и жюри присяжных, и ты должен добиться оправдательного вердикта, не зная правил. Как тебе нравится эта игра?

— Несправедливая игра.

— Согласись, она оставляет тебе больше шансов на жизнь, чем любому

из тех, кого ты убивал, не так ли?

Гарри Койн облизнул губы.

— Мне кажется, ты блефуешь, — наконец осмелился сказать он. — Ты трусливый либерал, который не верит в смертную казнь. Ты ищешь оправдание, чтобы меня *не* убивать.

— Посмотри мне в глаза, Гарри. Ты видишь в них намек на сострадание?

Койна прошиб пот, и он окончательно уткнулся взглядом в колени.

— Ладно, — глухо сказал он. — Сколько у меня времени? Хагбард выдвинул ящик и вынул оттуда револьвер. Он щелчком открыл барабан, показал гнезда с патронами и снова быстро закрыл. Снял револьвер с предохранителя — позднее, с Джорджем Дорном, он посчитал эту процедуру излишней, поскольку Джордж вообще не разбирался в оружии, — и нацелил его в живот Гарри.

— И три дня, и три минуты — слишком долго, — небрежно сказал он. — Если ты собираешься догадаться, то догадайся сейчас.

— Мама! — услышал свой вопль Койн.

— Еще мгновение — и ты обосрешься, — сухо сказал Хагбард. — Лучше не надо. Я считаю плохой запах личным оскорблением и только за это могу тебя застрелить. И мамы здесь нет, так что больше ее не зови.

Койн представил, как он бросается через каюту, заносит ногу для прыжка, грохочет выстрел, но он хотя бы успевает перед смертью дотянуться руками до горла этого подонка.

— Бесполезно, — презрительно усмехается Хагбард. — Тебе никогда не встать с этого кресла.

Он слегка присогнул палец, и Койна замутило. Он знал об оружии достаточно, чтобы понимать, с какой легкостью может произойти случайный выстрел — возможно, даже тогда, когда он будет на пороге разгадки этой чертовой головоломки. Бессмысленность происходящего была ужаснее всего. Он вновь посмотрел в эти глаза, в которых не было ни вины, ни сожаления, ни спасительной слабости. И тогда, впервые в жизни, растворяясь в смерти, душа Гарри Койна познала покой.

— Довольно неплохо, — послышался откуда-то издалека голос Хагбарда. Щелкнул предохранитель, ставший на место. — Ты оказался гораздо способнее, чем мы оба думали.

Гарри медленно пришел в себя и снова взглянул в это лицо и эти глаза.

— Боже, — сказал он.

— Через минуту я дам револьвер тебе, — продолжал Хагбард. — Тогда настанет *моя* очередь потеть. Конечно, если ты меня убьешь, тебе никогда не уйти с этой лодки живым, но, может быть, ты решишь сыграть, хотя бы просто в отместку. С другой стороны, тебе, возможно, будет интересно узнать об этом мгновении *покоя*. И о том, нет ли более простого способа испытать его снова. И не могу ли я обучить тебя этому способу. Все может быть. И последнее, прежде чем я передам тебе револьвер. Каждый человек, который ко мне присоединяется, делает свой выбор. Переходя на мою сторону только из страха смерти, ты не представлял для меня ни малейшего интереса. Держи револьвер, Гарри. Я хочу, чтобы ты его проверил. Все честно: боек в порядке, патроны на месте. Никто не держит тебя на мушке, так что, если хочешь стрелять — стреляй. Итак, твои действия?

Гарри внимательно осмотрел револьвер и снова поднял глаза на Хагбарда. Он никогда не изучал ни кинестетику, ни эргономию, но по лицу и телу человека мог прочитать достаточно, чтобы понять, что происходит в

душе. Хагбард ощущал такой же *покой*, какой только что ощущал и он сам.

— Ты выиграл, сволочь, — сказал Гарри, возвращая револьвер. — И я хочу знать, как ты это делаешь.

— Какая-то часть тебя уже знает, — ласково улыбнулся Хагбард, засовывая револьвер обратно в ящик. — Ты ведь тоже только что это сделал, разве нет?

— А что бы он сделал, если бы я не раскрылся? — спросил Гарри Стеллу в настоящем времени.

— Что-то придумал бы. Не знаю. Совершил бы внезапное действие, которое испугало бы тебя больше, чем револьвер. Он всегда импровизирует, действует по обстоятельствам. Система Челине никогда себя не повторяет.

— Значит, я был прав: он бы меня *не* убил. Это был блеф.

— И да, и нет. — Стелла смотрела поверх голов Гарри и Джорджа куда-то вдаль. — Он тебя не разыгрывал, он *демонстрировал*. Его безжалостность была совершенно реальной. Ты остался жив не потому, что он проявил сентиментальность. Он сохранил тебе жизнь потому, что это была часть его Демонстрации.

— Демонстрации? — переспросил Джордж.

— Я знаю Хагбарда дольше, чем она, — сказал Эйхманн. — Если на то пошло, мы с Келли были одними из первых, кого он завербовал. Я наблюдаю за ним уже много лет, но до сих пор его не понимаю. Хотя понимаю его Демонстрацию.

— Знаете, — рассеянно произнес Джордж, — когда вы оба сюда вошли, я подумал, что это галлюцинация.

— Ты никогда не видел нас за обедом, потому что мы работаем на кухне, — объяснил Келли. — Мы едим последними.

— Только малая часть экипажа состоит из бывших преступников, — сказала Стелла Джорджу, который выглядел растерянно. — Перевоспитание Гарри Койна — прошу прощения, Гарри, — Хагбарду не очень интересно. Перевоспитание полицейских и политиков и обучение их полезным профессиям — вот работа, которая его по-настоящему вдохновляет.

— Но дело тут не в сентиментальности, — подчеркнул Эйхманн. — Это часть его Демонстрации.

— А также его Дань Памяти народу мохавков, — добавила Стелла. — На этом суде он «завелся». В тот раз он опробовал лобовую атаку, пытаясь вспороть логограмму скальпелем. Разумеется, ничего не вышло; и никогда не выйдет. Тогда он решил: «Прекрасно, я помешу их туда, где слова не помогут, и тогда посмотрим, что они станут делать». Это его Демонстрация.

В действительности же Хагбард — ну, не *в действительности*; просто он мне так рассказывал, — начал с того, что поставил себе два довольно трудных условия. Первое заключалось в том, что в момент старта на его счету в банке не должно быть ни единого цента, а второе — что он никогда не убьет человека во время Демонстрации. Хагбард хотел доказать, что правительство — это галлюцинация или пророчество, исполняющее само себя. Но для этого все, чем он владеет, включая деньги и людей, должно было прийти к нему в результате честной торговли или добровольного сотрудничества. Согласно этому внутреннему уставу, Хагбард не мог стрелять даже в целях самообороны, чтобы не повредить биограмму государственных служащих: он должен был отключить, разрядить и обезвредить только их логограммы. Система Челине была последовательной, хотя и гибкой атакой на конкретный условный рефлекс, который заставлял людей оглядываться на

бога или на государство за указаниями или разрешениями, вместо того чтобы искать их внутри себя. Все слуги правительства носили оружие; безумный план Хагбарда предусматривал обезвреживание этого оружия. Он называл это «Принципом Смоляной Куклы» («Ты прилипаешь к тому, на что нападаешь»).

Он понимал, что и сам прекрасно иллюстрирует этот Принцип Смоляной Куклы: нападая на Государство, он все сильнее прилипает к нему. Но он придерживался злобного и коварного убеждения, что еще сильнее Государство прилипает к *нему*; что само его существование *как* анархиста *как* контрабандиста *как* человека вне закона вызывает у государственных чиновников более сильное энергетическое возбуждение, чем их существование — у него. В общем, он считал самого себя той смоляной куклой из негритянской сказки, на которую все они обязательно станут набрасываться в ярости и в страхе. И к которой неизбежно прилипнут.

Более того (где Хагбард, там всегда есть «более того»), при чтении вейсгауптовского труда «*Über Strip Schnipp-Schnapp, Weltspielen and Fiinfwissenschaft*»[44] на него произвел огромное впечатление отрывок об ордене ассасинов:

Окруженный мусульманскими маньяками с одной стороны и христианскими маньяками с другой, мудрейший Владыка Хасан сумел сохранить своих людей и свой культ, доведя искусство политического убийства до эстетического совершенства. С помощью нескольких кинжалов, которые стратегически втыкались в нужные горла, он находил мудрую альтернативу войне и сохранял людские массы, убивая их лидеров. Его жизнь служит примером материнской заботы и поистине достойна подражания.

— *Материнская забота*[45], — пробормотал Хагбард. — Где я слышал это раньше?

Через секунду он вспомнил: в священной книге дзэнской школы риндзай «*Мумонкан*», или «*Безвратные Врата*», есть рассказ о монахе, который постоянно спрашивал учителя: «Что есть Будда?» Всякий раз учитель бил его палкой по голове. Окончательно обескураженный, монах в поисках просветления отправился к другому учителю, который спросил его, почему он покинул прежнего. Когда незадачливый монах объяснил причину, второй учитель дал ему онтологическую встряску: «Немедленно возвращайся к прежнему учителю, — крикнул он, — и проси у него прощения за то, что не сумел достаточно оценить его материнскую заботу!»

Хагбарда не удивило, что Вейсгаупт, написавший «*Über Strip Schnipp-Schnapp, Weltspielen and Fiinfwissenschaft*» в 1776 году, явно знал о книге, которая еще не была переведена ни на один европейский язык; его поразило то, что даже злой ингольштадтский *Zauberer*[46] понимал основы Принципа Смоляной Куклы. «Никогда не стоит недооценивать иллюминатов», — впервые подумал он тогда. В последующие два с половиной десятилетия эта мысль еще неоднократно приходила ему в голову.

24 апреля, когда он попросил Стеллу отнести в каюту Джорджа немного «золотого Каллисти», Хагбард уже спросил БАРДАК о том, какова вероятность прибытия иллюминатских кораблей в Пеос одновременно с «Лейфом Эриксоном». Ответ был: сто против одного. Хагбард поразмышлял о том, что бы это могло значить, а затем вызвал Гарри Койна.

Гарри плюхнулся в кресло, пытаясь выглядеть нагло.

— Так значит, ты вождь дискордианцев, да? — спросил он.

— Да, — спокойно ответил Хагбард, — и на этой лодке мое слово — закон. *Сотри с лица эту идиотскую улыбку и сядь прямо.* — Он заметил, как Гарри непроизвольно напрягся, но тут же спохватился и снова расслабился. Довольно типичный случай: Койн умел сопротивляться ключевым фразам, запуская условные рефлексы, но для этого ему требовалось большое усилие воли. — Послушай, — тихо сказал он, — *я повторяю в последний раз,* — очередное баварское пожарное учение. — Это мой корабль. Ты будешь обращаться ко мне «капитан Челине». Ты будешь *внимательно* слушать, когда я с тобой разговариваю. Иначе... — он умолк, и фраза повисла в воздухе.

Гарри неторопливо принял чуть более почтительную позу, но тут же сопроводил ее еще более наглой усмешкой. Что ж, это хорошо: у него глубокая склонность к неповиновению. Для профессионального преступника у него неплохое дыхание: судя по всему, небольшая напряженность возникает только в конце выдоха. Понятное дело, что усмешка — это защитный механизм против слез, как и у большинства хронически улыбающихся американцев. Хагбард предположил, что отец Гарри был из тех папаш, которые, прежде чем выпороть, делают вид, что размышляют над проступком и готовы даже простить.

— Так хорошо? — спросил Гарри, подчеркивая смиренность своей позы и усмехаясь еще саркастичнее.

— Уже лучше, — ответил Хагбард помягче. — Но я не знаю, что мне с тобой делать, Гарри. Ты связался с плохой компанией, очень *антиамериканской*.

Он умолк, наблюдая за реакцией Гарри на это слово; она последовала незамедлительно.

— Их деньги ничем не хуже других, — ответил Гарри с вызовом.

При этих словах он слегка подобрал ноги и чуть втянул шею. Хагбард называл это рефлексом черепахи; тело подало несомненный знак подавленного ощущения вины, хотя интонации голоса это отрицали.

— Ты родился в бедной семье, верно? — спросил Хагбард нейтральным тоном.

— В бедной? Да мы были просто белыми ниггерами!

— Что ж, это тебя отчасти оправдывает... — Хагбард наблюдал: усмешка стала шире, тело чуточку откинулось назад. — Но пойти против *своей родной страны*, Гарри... Это ужасно. Это самая большая низость, до которой может опуститься человек. Это все равно что пойти против *своей родной матери*. — Носки ботинок неуверенно дернулись. Что говорил отец Гарри перед тем, как взять ремень? Хагбард догадывался в общих чертах: «Гарри, — строго говорил он, — *настоящие белые люди* так себя не ведут. Так ведут себя только те, в ком течет *кровь ниггеров*».

Усмешка растянула уголки губ до предела, превратившись уже в гримасу, тело застыло в максимально почтительной позе.

— Эй, послушайте, сэр, — начал Гарри, — вы не имеете никакого права разговаривать со мной в таком тоне...

— И тебе даже не *стыдно*, — давил на него Хагбард. — Тебя не мучают *угрызения совести*. — Он покачал головой с глубоким неодобрением. — Я не могу позволить тебе гулять на свободе, чтобы ты совершал все новые преступления и предательства. Я намерен скормить тебя акулам.

— Послушайте, капитан Челине, сэр, у меня под этой рубашкой пояс с деньгами, сплошь купюры по сто долларов...

— Ты пытаешься меня подкупить? — строго спросил Хагбард; *оставшаяся часть представления пройдет как по маслу*, подумал он. Другая часть его разума занялась иллюминатскими кораблями, с которыми предстояла встреча в Пеосе. Использовать Систему Челине без общения бесполезно, и Хагбард знал, что иллюминаты будут надежно «защищены» от него (он вспомнил, как Одиссей залил уши своих людей воском, когда корабль проплывал мимо Сирен). Деньги отправятся в гигантскую пепельницу из раковины моллюска, и такого человека, как Койн, это сразит наповал, но вот что делать с иллюминатскими кораблями?

Когда пришло время достать револьвер, он раздраженно снял его с предохранителя. «Если я собираюсь вступить в древнее братство убийц, — мрачно думал он, — возможно, мне следует набраться мужества и начать с видимой мишени».

— И три дня, и три минуты — слишком долго, — небрежно сказал он. — Если ты собираешься догадаться, то догадайся сейчас.

«До прибытия в Пеос осталось меньше часа», — думал он, когда Койн невольно вскрикнул: «Мама».

«Как Голландец Шульц», — мелькнуло в голове у Хагбарда; как многие другие — сколько же их было? Интересно было бы опросить врачей и медицинских сестер, чтобы узнать, сколько людей уходило в мир иной с этим словом на устах... Но Гарри в конце концов сдался, отпустил робота, позволил роботу действовать независимо в соответствии с биограммой. Он уже не сидел, нахально развалившись, или с подчеркнуто-почтительным вниманием, или в тисках вины... Он просто сидел. Он был готов к смерти.

— Довольно неплохо, — сказал Хагбард. — Ты оказался гораздо способнее, чем мы оба думали.

Теперь этот человек перенесет рефлекс послушания на Хагбарда; и следующая стадия будет продолжительнее и труднее, пока он не усвоит, что надо совсем перестать играть роли и проявлять себя так, как он только что себя проявил перед лицом смерти.

Револьверный гамбит был вариантом №2 третьей базовой тактики в Системе Челине; у него было пять стандартных развязок. Хагбард выбрал самую опасную — он всегда ее выбирал, поскольку вообще не очень любил револьверный гамбит и шел на него только в том случае, если мог дать субъекту шанс выступить и в активной роли. Однако на этот раз он понимал, что руководствуется другим мотивом: трус, сидевший где-то в глубине его души, надеялся, что Гарри Койн окажется более безумным, чем ему кажется, и действительно выстрелит; и тогда Хагбарду удастся увильнуть от решения, которое ему предстоит принять в Пеосе.

— Ты выиграл, сволочь, — услышался голос Койна.

Хагбард очнулся и быстро разыграл небольшую вербальную партию, оперируя образами Ада, выловленными из детства Гарри. Когда Койна под небольшой охраной отвели обратно в каюту, Хагбард откинулся в кресле и устало потер глаза. Он переключился на Дорна, но выяснил, что на этом канале уже вещает Дили-Лама.

— Оставь юношу в покое, — *передал* ему Хагбард. — Сейчас моя очередь. Иди посозерцай свой пупок, старый мошенник.

Послав в качестве ответа образ вихря розовых лепестков, Лама растаял в эфире. Джордж продолжал толковать с собой по душам на темы, внушенные ему вождем ЭФО: Глас народа — глаз божий. Большой и красный глаз смотрит на нас. Аум Шива. А ум — не вшивый?

— Да, не доверяй мне, — передал Хагбард Джорджу. — Не верь тому, кто льном богат, он может быть ползучий гад. (Это уж из области моих собственных сомнений, подумал он.) Ее зовут Стелла. Стелла Марис. Черная звезда морей, (Я ему не скажу, кто они с Мэвис на самом деле.) Джордж, я жду тебя в капитанской рубке.

Хагбард решил, что Джордж должен начать с варианта №1 (*ble-bestod*, или «оргазм-смерть»). Нужно сделать так, чтобы он осознал, до какой степени он относится к женщинам как к *объектам*, — а после этого, конечно, подпустить мистической чепухи, чтобы какое-то время его сомнение выталкивалось в бессознательное. Да — Джордж уже был в порнографическом трипе, как Атланта Хоуп и Улыбчивый Джим Трепомена, но только опыт Джорджа был «эго-дистоническим».

— Классный фокус, — сказал через несколько мгновений Джордж, входя в капитанскую рубку. — Вызвать меня в рубку по телепатической связи.

Хагбард, все еще размышляя над решением пеосской проблемы, попытался придать своему лицу самый невинный вид, произнося:

— Я вызвал тебя по интеркому. — Он понимал, что пытается одновременно свистеть и писать, беспокоясь по поводу Пеоса и Джорджа, и заставил себя сосредоточиться. — «Абсурд», такое слово было в голове Джорджа. Абсурдная невинность. *Что ж, подумал Хагбард, н а этот раз я облажался.*

— Вы считаете, что я не могу отличить голос, который звучит в голове, от голоса, который слышу ушами? — спросил Джордж.

Хагбард разразился смехом, полностью погружаясь в настоящее; но после того, как Джордж был отправлен в часовню для инициации, он снова вернулся к проблеме. Либо Демонстрация *не удалась*, либо Демонстрация удалась. Двойной зажим. И так, и этак плохо. Это приводило его в ярость, но ведь книги давным-давно его предупреждали: «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними»[47]. За три десятилетия он применил Систему Челине к большому количеству людей, а теперь сам оказался в классической Ловушке Челине. Правильный ответ только один: перестать пытаться из нее вырваться.

Однако когда настал момент, он понял, что часть его не прекратила попыток.

— Готовы к уничтожению вражеских кораблей, — сказал Говард.

Хагбард отрицательно покачал головой. Джордж вспоминал идиотский случай, когда он пытался покончить жизнь самоубийством, стоя на берегу Пассеика, а Хагбард продолжать собирать по частям целое, пытаясь одновременно прочистить себе мозги.

— Я бы хотел вступить с ними в контакт, — сказал он вслух, понимая, что, возможно, портит всю игру в гур. Нельзя показывать Джорджу свои сомнения. — Я бы хотел дать им возможность сдаться...

— Ты же не хочешь, чтобы они подошли слишком близко, — сказал Говард.

— Ты отвел своих на безопасное расстояние? — в отчаянии спросил Хагбард.

— Конечно, — раздраженно ответил дельфин. — Хватит колебаться. Сейчас не время быть гуманистом.

— Море безжалостнее, чем земля, — возразил было Хагбард, но, подумав, добавил: — Иногда.

— Море чище, чем земля, — отозвался Говард. — Хагбард пытался

сосредоточиться. Дельфин явно чувствовал его стрессовое состояние, а вскоре его заметит и Джордж (но нет — быстрое сканирование показало, что Джордж отстранился от происходящего и, углубившись в прошлое, кричит какому-то Карло: «Сукин ты сын»). — Эти люди враждуют с тобой тридцать тысяч лет.

— Я не настолько стар, — устало сказал Хагбард. Демонстрация не удалась. Он решился, и все, кто сейчас был рядом с ним, тоже решились. Хагбард протянул смуглый палец, коснулся им белой кнопки на пульте управления и затем решительно на нее нажал.

— Вот и все, — тихо произнес он.

(— Давай, всезнайствуй! Когда завалишь половину экзаменов, может быть, и очнешься. — Голос, звучавший давным-давно... в Гарварде... А однажды на Юге он был до глубины души тронут очень простым, до смешного примитивным гимном фундаменталистов: Иисус прошел пустынную долиной, Он должен был пройти по ней один. Никто не мог пройти дорогу за Него, Он должен был пройти долиной Сам.

«Я пройду по этой пустынной долине, — с горечью думал Хагбард, — в одиночку, до самого Инголыптадта и последней схватки. Но сейчас все бессмысленно. Демонстрация не удалась. Мне остается только собирать отдельные кусочки и спасать, что можно. Начиная с Дорна, прямо здесь и сейчас.)

Ненависть, как расплавленный свинец, сочится с раненого неба... это называется загрязнением воздуха... Августейший Персонаж с глазами изголодавшегося по бабам средневекового святого медленно набирает номер... «Бог лжет! — кричал Вейсгаупт в середине своего первого трипа. — Бог — это Ненависть!»... Гарри Койн согнулся в кресле... Голова Джорджа висит под углом, как у куклы со сломанной пружиной... Стелла не двигается... Они не мертвы, они отрубились... В 1940 году Эйб Рилз сдал полиции всю организацию под названием «Корпорация убийств»... Он назвал Чарли Уоркмана главным стрелком в сцене убийства Голландца Шульца... Он сообщил подробности, доказывавшие причастность к этому делу Лепке (его казнили) и Лучано (его посадили в тюрьму, а потом выслали)... Он ни словом не обмолвился о некоторых других вещах. Но Дрейк волновался. Он отдал приказ Малдонадо, тот передал его одному из *капо*, а *капо* — солдатам... Рилза охраняли пятеро полицейских, но это не помешало ему выпасть из окна гостиничного номера и размазаться кляксой по асфальту. В прессу просочились слухи... Жюри коронера не могло поверить, что Синдикат подкупил пятерых полицейских... Смерть Рилза выдали за самоубийство... Но в 1943 году, когда Полное Уничтожение выходило на финишную прямую, Лепке заявил, что перед казнью хочет кое-что рассказать... Том Дьюи, оставшийся в живых благодаря смерти Голландца, был в то время губернатором, и он согласился на отсрочку казни... Лепке провел двадцать четыре часа с чиновниками из Министерства юстиции, после чего было объявлено, что он отказался сообщить что-нибудь существенное... Одного чиновника привезли из Государственного департамента, чтобы он поработал с Министерством юстиции, поскольку у него были кое-какие материалы по Шульцу и Синдикату Шестерки... Сообщил он мало, но Лепке многое прочитал в его глазах... Конечно же, фамилия чиновника была Винифред... Лепке понял: как однажды сказал Бела Люгоши, есть вещи страшнее смерти...

В 1932 году был похищен грудной сын знаменитого авиатора Чарльза Линдберга-младшего... Уже в то время на Северо-Востоке такое масштабное

преступление могло произойти только и исключительно с разрешения полномочного дона Мафии... Даже *капо* не мог выдать такое разрешение в одиночку... Отец авиатора, конгрессмен Чарльз Линдберг-старший, откровенно критиковал монополию Федерального резервного банка... Выступая с трибуны Конгресса, он, среди прочего, говорил: «При законе о федеральной резервной системе паника вызывается научными методами; нынешняя паника — первая, разработанная чисто математически...» Посредником в передаче денежного выкупа был Джефси Кондон, старый директор школы, в которой когда-то учился Шульц... «Должно быть, это одно из тех совпадений», — как позднее сказал Марти Кромпьер...

Джон Диллинджер прилетел в Даллас утром 22 ноября 1963 года и прямо в аэропорту взял напрокат автомобиль. Он подъехал к Дили-плазе и начал осматривать окрестности. Диллинджер заметил, что тройной туннель, где должен был находиться Гарри Койн при выполнении задания, хорошо просматривается из будки стрелочника; он подумал, что обитатель этой будки вряд ли проживет долго. Он понимал, что будет много других свидетелей и ДЖЕМы не смогут защитить всех, даже с помощью ЛДР. Со всех сторон плохо... И действительно, стрелочник С. М. Холланд рассказал историю, которая не совпадала с версией Эрла Уоррена, и чуть позже погиб во время автомобильной катастрофы. Его машина съехала с дороги при весьма странных обстоятельствах, породивших массу вопросов среди тех, кто любит задавать вопросы. Жюри коронера назвало это несчастным случаем... Диллинджер выискал себе место в густо засаженной деревьями части травяного холма и дождался, пока у туннеля не появился Гарри Койн. Он заставил себя расслабиться и постарался сделать так, чтобы, кроме вертолета, его ниоткуда нельзя увидеть (а вертолетов не было: об этом позаботился агент иллюминатов, внедренный в «Сикрет сервис»). Он заметил движение в школьном книгохранилище. Какой-то непорядок. Он повернул бинокль... и заметил на крыше «Дал-Текс-билдинга» еще одну голову, которая мгновенно пригнулась. Итальянец, совсем юный... Плохо. Присутствие солдат Малдонадо означает одно из двух: либо иллюминаты знают, что среди них есть двойной агент, и поэтому наняли еще киллеров, либо Синдикат действует самостоятельно. Джон снова повернул бинокль в сторону школьного книгохранилища: кем бы ни был тот клоун, он вооружен и очень осторожен — значит, явно не из спецслужб.

Это путало все карты.

Первоначальный план Джона заключался в том, чтобы пристрелить Гарри Койна прежде, чем тот успеет прицелиться в молодого гегельянца из Бостона. Теперь же ему предстояло вывести из игры сразу троих. Это было нереально. Как можно незаметно поразить три цели, которые находятся в совершенно разных направлениях и на разной высоте? После первых двух выстрелов его засекут легавые. А тем временем третий стрелок спокойно выполнит свою работу. Вот это Хагбард и называл «экзистенциальным коаном».

— Дерьмо, моча и промышленные отходы, — пробормотал Джон, цитируя еще один «челинизм».

Что ж, спасай что можешь, как говаривал Гарри Пирпонт, когда ограбление банка заходило в тупик. Спасай что можешь и как можно быстрее уноси свою задницу из нехорошего места.

Если *И-цзином* Кеннеди суждено погибнуть (очевидно, именно поэтому Хагбард после консультации со своим компьютером отказался участвовать в

деле), то «спасай что можешь» применительно к данной ситуации означает только одно: задурить иллюминатам головы. Подбросить им загадку, которую им никогда не разгадать.

Кортеж автомобилей уже ехал перед школьным книгохранилищем и стрелок в окне здания мог в любой момент открыть огонь, если его, конечно, не опередят Гарри Койн или мафиози. Диллинджер вскинул винтовку, быстро навел оптический прицел на череп Джона Ф. Кеннеди и подумал: *даже если все провалится и никакой загадки для иллюминатов не выйдет, хороши будут завтра газетные заголовки: «ПРЕЗИДЕНТ ЗАСТРЕЛЕН ДЖОНОМ ДИЛЛИНДЖЕРОМ!»*. Увидев их, все решат, что теперь Орсон Уэллс взялся за газетный бизнес, — и тогда его палец напрягся.

(— Убийство? — спросил Джордж. — Трудно не думать о Добре и Зле, когда игра человечества становится такой опасной.

— В Кали-югу, — ответила Стелла, — почти во все игры мы играем с оружием. Разве ты не заметил?)

Три выстрела вышибли мозги на колени Джеки Кеннеди, и изумленный Диллинджер увидел, как со склона травяного холма сбегает человек. Джон бросился за ним в погоню и, прежде чем киллер смешался с уличной толпой, мельком увидел его лицо.

— Боже! — сказал Джон. — Он?

Стелла сделала еще одну затяжку.

— Погоди-ка, — сказала она. — В «*Не свисти, когда писаешь*»е сть классный кусок на эту тему.

Медленно, как все торчки, она встала и подошла к книжной полке.

— Хагбард и БАРДАК выделили шестьдесят четыре тысячи типов личности, — сказала она через плечо, — в зависимости от тактик поведения с другими людьми.

Она нашла нужную книжку и осторожно вернулась к своему креслу.

— Возьмем тебя. В любой момент времени ты можешь возникнуть на моем жизненном пути с самыми разными действиями. Можешь поцеловать мне руку, а можешь перерезать горло. Между этими двумя крайностями ты, например, можешь вести со мной интеллектуальный разговор, прикрывая им сексуальное заигрывание, или же вести интеллектуальный разговор с сексуальным заигрыванием, но на языке жестов подавая сигналы о том, что флирт — это всего лишь игра и на самом деле тебе не нужно, чтобы я на него реагировала. На еще более глубоком уровне ты можешь посылать другие сигналы, указывающие, что в действительности ты все-таки хочешь, чтобы я ответила на твои завуалированные ухаживания, но не готов себе в этом признаться. В авторитарном обществе люди, как правило, посылают либо очень простые сигналы доминирования: «Руководить буду я, и тебе лучше меня не злить, а сразу с этим смириться», — либо сигналы подчинения: «Ты будешь руководить, и я с этим смирюсь».

— Боже праведный, — тихо прошептал Гарри Койн. — Вот что происходило между нами во время нашей первой встречи. Сначала я пытался блефовать, посылая сигналы доминирования, и это не сработало. Тогда я попробовал другую тактику, посылая сигналы подчинения, поскольку больше никаких уловок я не знал, но и это не сработало. И тогда я просто сдался.

— Сдался твой ум, — поправила Стелла. — Стратегический центр, предлагающий варианты построения человеческих взаимоотношений в авторитарном обществе, исчерпал свои возможности. Других вариантов, которые можно было бы попробовать, не оставалось. И тогда верх взял Робот. Биограмма. Ты действовал *от сердца*.

— Так что там насчет доминирования? — спросил Джордж.

— Вот этот отрывок, — произнесла Стелла. Она начала читать вслух:

Люди бывают разными — от самых доминантных до самых уступчивых. Последние, если только они не специалисты в области психодинамики, всегда проигрывают первым в социальных взаимодействиях. Доминантные никогда не меняют свой сценарий, уступчивые же постоянно меняются, пытаясь найти способ конструктивного взаимодействия с ними. В конце концов уступчивые подбирают «правильную» тактику и взаимодействие становится возможным. Они попадают на сцену, созданную доминантными, и играют по их сценарию.

Неуклонный экспоненциальный рост бюрократии происходит не только вследствие Закона Паркинсона. Государство, все более доминантное, втягивает в свое поле все больше людей и заставляет их играть по своему сценарию.

— Круто, — сказал Джордж. — Но будь я проклят, если понимаю, какое отношение это имеет к Иисусу или Императору Нортону.

— Точно! — радостно фыркнул Гарри Койн. — Игра закончена. Ты только что доказал то, что я все время подозревал. Марсианин — *ты*

— Не шумите, — сонно сказал с пола Келли. — Я вижу сотни блаженных Будд, плывущих в воздухе...

Тем временем внимание Дэнни Прайсфиксера в Нью-Йорке было поглощено одним блаженным Буддой — а также перевернутым сатанинским крестом, символом мира, пятиугольником и Глазом в Треугольнике. Он окончательно решил довериться своей интуиции в деле о подрыве редакции «*Конфронтэйшн*» и пяти исчезнувших в связи с этим людях. Это решение созрело после того, как сам Комиссар вызвал его и заместителя начальника отдела убийств на ковер: «Малик исчез. Эта девица, Уэлш, исчезла. Репортера Дорна похитили прямо из тюрьмы в Техасе. Пропали два моих лучших сотрудника, Гудман и Малдун. Федералы вне себя, и я чувствую, что они знают нечто такое, из-за чего дело приобретает особое значение, и дело тут не в этих пяти возможных убийствах. Я хочу, чтобы к концу дня вы мне доложили о реальном, черт возьми, прогрессе в расследовании, иначе я заменю вас *юными джи-менами*[48]»

Когда они перевели дух в приемной, Прайсфиксер спросил Вана Митера, своего коллегу из убойного отдела:

— Что собираешься делать?

— Вернусь и устрою моим людям такой же разнос. Пусть работают. А *ты* что будешь делать? — вяло поинтересовался он.

— Доверюсь интуиции, — ответил Дэнни и спустился в отдел по борьбе с аферами и мошенничеством, где переговорил с сержантом Джо Фрайди, из всех сил пытавшимся походить на своего тезку из знаменитого телесериала.

— Мне нужна гадалка, — сказал Дэнни.

— Хиромантия, карты, астрология... что-то конкретное?

— Техника не имеет значения. Мне нужна гадалка или ясновидящая, которую ты ни разу не сумел припереть к стенке. Которую ты «копнул» достаточно глубоко и почувствовал, что у нее *действительно* есть какие-то

такие способности...

— Есть у нас такая, — многозначительно сказал Фрайди, нажимая кнопку интеркома. — Архив, — сказал он. — Карелла? Пришли-ка мне материалы по Маме Сутре.

Папка, выскочившая из трубы внутренней пневматической почты, предоставила Дэнни именно ту информацию, на которую он рассчитывал. У Мамы Сутры не было ни одного ареста. Она попадала в поле зрения детективов несколько раз: обычно по требованию богатых мужей, утверждавших, что она оказывает слишком большое влияние на их жен, а однажды — по требованию совета директоров компании, считавших, что президент их фирмы слишком уж часто у нее консультируется. Но она никогда не говорила и не делала ничего такого, что позволило бы предъявить ей обвинение в мошенничестве. Более того, на протяжении многих лет она работала с чрезвычайно богатыми людьми и никогда не играла с ними в игры, которые хотя бы отдаленно напоминали «цыганские трюки». Ее визитная карточка, подшитая в досье, скромно предлагала лишь «духовное озарение», хотя Мама Сутра явно выдавала этот продукт в лошадиных дозах. Ведь после беседы с ней один детектив уволился и ушел в монастырь траппистов, второй начал призывать к введению в Нью-Йорке английской системы невооруженного патрулирования улиц, быстро надоел руководству и был уволен, а третий заявил, что уже двадцать лет является тайным гомосексуалистом, стал носить значок «За освобождение геев» и был переведен в полицию нравов.

— Именно такая мне и нужна, — сказал Прайсфиксер. Через часон уже сидел в ее приемной, рассматривая блаженного Будду и другие оккультные аксессуары и чувствуя себя круглым дураком. Он понимал, что ставит под удар себя и все дело, но его единственным оправданием было то, что Сол Гудман часто раскрывал безнадежные дела, совершая такие же странные «прыжки». Дэнни был готов к прыжку: исчезновение профессора Марша в Археме было связано с тайной «Конфронтэйшн», а все это вместе имело непосредственное отношение к Фернандо-По и богам Атлантиды.

Секретарша, симпатичная молодая китайка по имени Мао и как-то там дальше, положила телефонную трубку и сказала:

— Можете входить.

Дэнни открыл дверь и вошел в скромно обставленную комнату, белую, как Северный полюс. На белых стенах не было картин, на гладко-белом коврике не было узоров, в глубине комнаты белели стол Мамы Сутры и датский стул перед ним. Дэнни почувствовал, что полное отсутствие оккультных безделушек и ярких цветов производило куда более сильное впечатление, чем тяжелые портьеры, полумрак, горящие свечи и хрустальный шар.

Мама Сутра была похожа на Марию Успенскую, старую актрису, которая неизменно появлялась в ночном шоу, дабы сообщить Лону Чейни-младшему, что он всегда будет идти по «тернистому пути» ликантропии, пока «все слезы не прольются в море».

— Чем могу быть полезна? — бойко и деловито спросила она.

— Я детектив из Нью-йоркской полиции, — представился Дэнни, показывая свою бляху. — Но я пришел сюда не для того, чтобы копать под вас. Мне нужны знания и совет, и я заплачу за это из собственного кармана.

Она ласково улыбнулась.

— Должно быть, те полицейские, которые проверяли, не мошенница ли

я, создали обо мне целую легенду в вашем управлении. Я не обещаю никаких чудес, а мои знания ограничены. Возможно, я сумею вам помочь, а возможно, и нет. В любом случае оплата не нужна. При моей специфической профессии я предпочитаю поддерживать с полицией дружеские отношения.

Дэнни кивнул.

— Благодарю, — сказал он. — Дело вот в чем...

— Подождите, — нахмурилась Мама Сутра. — По-моему, я уже кое-что улавливаю. Да. *Окружной прокурор Уэйд. Кларк. Корабль тонет. 2422. Если я не могу жить, как хочу, дайте мне умереть, когда я пожелаю.* Это о чем-нибудь вам говорит?

— Только первая часть, — растерянно сказал Дэнни. — Вероятно, дело, которое я расследую, каким-то образом связано с убийством Джона Кеннеди. Окружного прокурора, который занимался первым расследованием этого убийства в Далласе, звали Генри Уэйд. Но все остальное, о чем вы говорили, — полная бессмыслица. Откуда вы это взяли?

— Есть... вибрации... и я их улавливаю. — Мама Сутра снова улыбнулась. — Это единственное объяснение, которое я могу вам предложить. Это просто случается со мной, и я научилась этим пользоваться. До некоторой степени. Надеюсь, я доживу до того дня, когда какой-нибудь психолог наконец объяснит *мне*, что я делаю. Тонущий корабль — это бессмыслица? А как насчет даты *15 июня 1904 года!* Кажется, эта информация пришла на той же волне.

Прайсфиксер покачал головой.

— Я пас, как говорят в покере.

— Подождите, — сказала Мама Сутра. — Это кое-что значит для меня. Был такой ирландский писатель Джеймс Джойс, изучавший теософию Блаватской и мистицизм общества «Золотая Заря». Он написал роман, действие которого происходит 16 июня 1904 года. Роман называется «Улисс», и каждая его страница полна зашифрованных мистических откровений. И... ну да, сейчас я вспомнила: в нем упоминается о кораблекрушении. Джойс исторически точно описывал обстановку, на фоне которой разворачивался сюжет, поэтому он ввел в роман событие, попавшее в заголовки всех дублинских газет этого дня — ведь действие романа происходит в Дублине, — и одна из сюжетных линий связана с гибелью корабля «Генерал Слокум» в нью-йоркской гавани днем раньше, 15 июня.

— Вы сказали «Золотая Заря»? — взволнованно спросил Прайс-фиксер.

— Да. Это о чем-то вам говорит?

— Это еще больше все запутывает, но зато показывает, что вы идете по верному следу. Мне кажется, дело, которое я сейчас расследую, связано с исчезновением университетского профессора из Массачусетса, которое произошло несколько лет назад. После него остались записи, в которых упоминается общество «Золотая Заря» и... дайте-ка вспомнить... некоторые его члены. Одно имя я помню, это Алистер Кроули.

— *To Mega Therion*, — медленно сказала Мама Сутра, слегка бледнея. — Молодой человек, вы суетесь в очень серьезное дело. Оно намного серьезнее, чем может понять обычный полицейский. Но вы не обычный полицейский, иначе вообще не пришли бы ко мне. Тогда позвольте сказать вам напрямик: вы столкнулись с тем, во что легко вписывается и мистицизм Джеймса Джойса, и убийство президента Джона Кеннеди. Но чтобы это понять, вы должны до предела расширить сознание. Я советовала бы вам дождаться, пока моя секретарша не приготовит вам выпить чего-нибудь

покрепче.

— Я не могу пить на работе, мэм, — печально сказал Дэнни. Мама Сутра глубоко вздохнула.

— Ладно. Тогда просто постарайтесь отнестись ко всему этому спокойно.

— Это как-то связано с ллойгорами? — неуверенно спросил Дэнни.

— Да. Вы уже разгадали значительную часть загадки, если знаете так много.

— Мэм, — сказал Дэнни. — Наверное, я все-таки выпью. Бурбон, если можно.

«2422, — думал он, пока Мама Сутра разговаривала с секретаршей, — это еще безумнее, чем все остальное. 2 плюс 4 плюс 2 плюс 2. В сумме получается 10. Основа десятичной системы. Что это означает, черт побери? Или 24 плюс 22 равно 46. Это дважды по 23, а 23 — это число, пропущенное между 24 и 22. Еще одна загадка. А 2 умножить на 4 умножить на 2 и умножить на 2 равняется... надо подумать... 32. Ускорение свободного падения. Школьная физика. 32 фута в секунду за секунду. А 32 — это 23 наоборот. Полный бред».

Вошла мисс Мао с подносом.

— Ваш напиток, сэр, — учтиво сказала она.

Дэнни взял стакан и проводил взглядом грациозную фигуру китайки. *Мао* по-китайски означает «кошка», — вспомнил он знания, полученные за годы службы в военной разведке, — и она действительно двигалась как кошка. *Мао*: это называется «ономатопея»[49]. По идее, именно так возникло слово «волк»[50]. Забавно, раньше я никогда над этим не задумывался. Ох ты, а еще эта пентаграмма в приемной и пентаграмма в тех старых фильмах Лона Чейни про человека-волка. Загадочные собаки Малика. Хватит об этом.

Он хорошенько глотнул бурбона и сказал:

— Поехали дальше. Начинайте. Второй раз я приму лекарство, когда мой ум начнет рушиться.

— Скажу вам без обиняков, — спокойно начала Мама Сутра. — На Землю уже произошло вторжение из космоса. Это не нависшая над нами угроза, о которой пишут фантасты. Это произошло давным-давно. Если точно, пятьдесят миллионов лет назад.

Дэнни сделал еще один глоток.

— Ллойгоры, — сказал он.

— Так они сами себя называли. У них было несколько рас. Например, шогготы, чо-чо, дхолы, тики и вендиго. Они нематериальны в том смысле, в каком мы понимаем материю, и не занимают пространство и время так же плотно, как, например, мебель. Это не звуковые волны, не радиоволны, и вообще это не волны, но вы пока что думайте о них как о волнах. Все лучше, чем вообще никакого мысленного образа. Школьную физику помните?

— Теорию относительности — нет, — сказал Дэнни, сознавая, что верит ее словам.

— Акустику? Оптику? — перечисляла Мама Сутра.

— Немного.

— Тогда вы, наверное, помните два простых эксперимента. Когда через призму пропускают белый свет, а на экране за призмой появляется спектр. Видели?

— Да.

— А когда через стеклянную трубку с тонким слоем цветного порошка

пропускают звуковую волну?

— Да. Гребни волн оставляют маленькие отметки, которые видны на порошке. След невидимой волны в видимой среде.

— Прекрасно. Тогда вы наверняка можете представить, как ллойгоры, хотя и не состоящие из материи, как мы ее понимаем, могут проявляться в материи, оставляя в ней следы в виде... ну, скажем, поперечных сечений или проекций... того, что он на самом деле собой представляет.

Дэнни кивнул, полностью поглощенный ее рассказом.

— С нашей точки зрения, — продолжала Мама Сутра, — они нестерпимо отвратительны в этих проявлениях. Тому есть объяснение. Они были причиной диких страхов, которые испытывали первые люди. В нашем коде ДНК по-прежнему содержится отвращение и ужас, а это активирует ту часть нашего разума, которую психолог Юнг называл коллективным бессознательным. Именно там зарождаются Миф и Искусство. Все пугающее, тошнотворное и жуткое — в фольклоре, в картинах и статуях, в легендах и эпосах всех народов мира — содержит в себе образы проявленных ллойгоров. Как писал великий арабский поэт: «Узнаете Их по уродливости»[51].

— И на протяжении всей человеческой истории они с нами воюют? — уныло спросил Дэнни.

— Не совсем. Можно ли сказать, что скотный двор воюет со скотом? То, что происходит, не имеет ничего общего с войной, — ответила Мама Сутра. — Речь идет о том, что они нами *владеют*.

— Ясно, — отозвался Дэнни. — Да-да, я понимаю. — Он угрюмо посмотрел на свой пустой стакан. — А можно еще стаканчик? — пробормотал он.

Когда мисс Мао принесла еще один бурбон, он сделал большой глоток и расслабленно наклонился немного вперед.

— И с этим ничего нельзя поделать?

— Есть одна группа, которая пытается освободить человечество, — ответила Мама Сутра. — Но ллойгоры обладают колоссальными возможностями коверкать и уродовать умы. В эту группу входят самые опороченные, оклеветанные и ненавидимые люди на земле. Все зло, которое они пытаются остановить, им же и приписывается. Они действуют тайно, иначе их просто уничтожили бы. Даже сейчас общество Джона Берча и многие другие фанатики — включая одного злого гения по имени Хагбард Челине — не прекращают попыток бороться с группой, о которой я говорю. У нее много названий — Великое Белое Братство, Братство Розы и Креста, «Золотая Заря»... хотя чаще всего их называют *иллюминатами*.

— Вот именно! — воскликнул Дэнни возбужденно. — На месте преступления, которое я расследую, была найдена целая пачка служебных записок об иллюминатах.

— И держу пари, что в этих записках они изображаются в неприглядном виде!

— Это точно, — подтвердил Дэнни. — Они выглядят самыми мерзкими говнюками в человеческой истории. Прошу прощения, мэм.

«Я пьянею», — подумал Дэнни.

— Именно так их обычно и представляют, — грустно констатировала Мама Сутра. — Врагов у них много, а их самих — мало...

— Кто же их враги? — нетерпеливо подался вперед Дэнни.

— Культ Желтого Знака, — ответила Мама Сутра. — Это группа, которая

служит одному конкретному ллойгору по имени Хастур. Они живут в таком диком страхе перед этим существом, что обычно называют его «Тем, Чье Имя Неназывается». Хастур обитает в таинственном месте Хали, которое когда-то было озером, а теперь превратилось в пустыню. В исчезнувшей цивилизации Каркозы Хали был великим городом. У тебя такое выражение лица, словно эти названия тебе о чем-то говорят?

— Да. Они упоминались в записках одного исчезнувшего профессора. Я был уверен, что его дело непосредственно связано с этой историей.

— Они упоминались — и как мне кажется, неразумно — некоторыми писателями, такими как Бирс, Чемберс, Лавкрафт, Блох и Дерлет. Каркоза находилась на месте нынешней пустыни Гоби. Главными городами были Хали, Мнар и Сарнат. Культ Желтого Знака умудрился все это тщательно скрыть, хотя были археологи, которые публиковали интересные предположения о Гобийском регионе. Следы великой цивилизации, существовавшей задолго до Египта и Шумера, постарались замести или подделать, выдавая их за следы, которые якобы ведут к Атлантиде. На самом деле Атлантида никогда не существовала, но Культ Желтого Знака заботливо поддерживает этот миф, чтобы никто никогда не узнал, что происходило — и происходит сейчас — на заброшенной земле Гоби. Понимаешь, члены этого культа до сих пор иногда посещают пустыню, чтобы поклониться и заключить очередную сделку с Хастуром, с Шуб-Ниггуратом, одним из ллойгоров, который в мистической литературе известен под именем «Черного Козла Легионов Младых» и с Ньярлатхотепом, который является либо в виде крепкого черного мужчины — не негра, а с кожей цвета бездны, — либо в виде гигантского безликого флейтиста. Но повторяю: по этим проявлениям или проекциям в пространственно-временном континууме познать ллойгоров невозможно. Ты веришь в Бога?

— Да, — ответил Дэнни, удивленный вопросом.

— Выпей еще глоток. Потому что сейчас я тебе скажу, что твой Бог — это лишь еще одно из проявлений ллойгоров. Так зародилась религия, и так ее увековечивают ллойгоры и их слуги из Культа Желтого Знака. У тебя был какой-нибудь религиозный или мистический опыт?

— Нет, — смущенно признался Дэнни.

— Хорошо. Значит, твоя религия — это лишь вопрос веры в то, что тебе рассказывают, а не вопрос переживания особых эмоциональных состояний. Во все такие состояния людей вводят ллойгоры, чтобы нас поработить. Откровения, видения, транс, чудеса и все подобные состояния — это ловушки. Обычно нормальные люди инстинктивно избегают таких аномальных состояний. К сожалению, из-за доверчивости и целенаправленного промывания мозгов они часто готовы последовать за ведьмами, колдунами и шаманами, искушенными в этих вопросах. Пойми, и я настоятельно прошу тебя прямо сейчас выпить еще один стаканчик, что *каждый религиозный лидер в истории человечества был членом Культа Желтого Знака и все их усилия были направлены на мистификацию, обман и порабощение остальных.*

Дэнни осушил стакан и смиренно попросил:

— А можно еще?

Мама Сутра вызвала мисс Мао и сказала:

— Эту часть ты воспринял очень хорошо. Людям, у которых *были* религиозные видения, воспринимать эту информацию очень тяжело; они не хотят знать, из какого поистине мерзкого источника к ним приходят эти

состояния. Ллойгоров, разумеется, можно считать богами или демонами, но на данном этапе истории гораздо разумнее относиться к ним как к другой форме жизни, порожденной нашей Вселенной. К сожалению, по отношению к нам эта форма жизни — высшая. И, к еще большему сожалению, враждебная. Пойми, религия всегда построена на жертвоприношениях, а там, где жертвоприношение, всегда есть не только жертва, но и тот, кому все это выгодно. Нет ни одной религии в мире — ни одной! — которая не была бы ширмой для Культа Желтого Знака. Сам культ, как и ллойгоры, появился задолго до появления человека. Он зародился среди змеиного народа Валусии, полуострова, ныне ставшего Европой, а затем распространился на восток. Его восприняли первые люди в Каркозе. Цель культа всегда состояла в том, чтобы служить ллойгорам за счет других людей. С момента появления иллюминатов культ направлял свои усилия еще и на то, чтобы препятствовать их деятельности, а их самих дискредитировать.

Дэнни обрадовался тому, что в этот момент вошла мисс Мао с третьим стаканчиком крепкого бурбона.

— А кто такие иллюминаты и какова их цель? — спросил он, выпив залпом.

— Их основатель, — сказала Мама Сутра, — был первым человеком, который задумался о ллойгорах с рациональной точки зрения. Он понимал, что ллойгоры — это не сверхъестественные существа, а просто неизвестный нам аспект Природы; что они не всемогущи, а просто более могущественны, чем мы; и что они не «сошли с небес», а просто пришли из иных миров. Его имя дошло до нас в тайных учениях и писаниях. Его звали Ма-Лик.

— Господи Иисусе! — сказал Дэнни. — Да ведь это фамилия того мужика, с исчезновения которого и разгорелся весь сыр-бор.

— Это имя на каркозском языке означало «Знающий». Оно до сих пор существует у персов и арабов, но означает «Указывающий путь». Его последователи, иллюминаты, увидели свет разума. Этот свет весьма отличается от дурманящего и разрушающего сознание света, в ореоле которого порой являются ллойгоры, чтобы поразить воображение своих слуг из Культа Желтого Знака. Ма-Лик стремился к тому, к чему до сих пор стремятся иллюминаты: обрести научные знания, которые позволят превзойти могущество ллойгоров, и положить конец человеческому рабству. Мы должны быть хозяевами, а не собственностью.

— А иллюминатов много?

— Их очень мало. Точного количества я не знаю. — Мама Сутра вздохнула. — Меня к ним не приняли. У них очень высокие требования. Нужно быть ходячей энциклопедией, чтобы удостоиться первого собеседования. Следует помнить, что это самая убежденная, самая гонимая и самая тайная группа в мире. Если Культ Желтого Знака не удастся замести следы того, что делают иллюминаты, то он непременно выставит их действия в ложном свете, как вредные, коварные и абсолютно злонамеренные. Культ и все религии, под видом которых он орудует, всегда пресекают и негативно оценивают попытки людей — всех, а не только иллюминатов — вести себя разумно, мыслить научно, открывать и обнародовать новые истины. Все церкви — католическая, иудейская, мусульманская, индуистская, буддийская и любая другая — всегда выступают против науки и преследуют ее. Культ Желтого Знака ведет эту пропаганду даже через средства массовой информации. У них две любимые «притчи»: одна — про ученого, которого нельзя было назвать «настоящим

человеком», пока он не пережил религиозное просветление и не признал существование «высших сил», то есть ллойгоров, а вторая — про ученого, который стремился познать истину, не испытывая страха, и это привело к катастрофе. Эта притча всегда заканчивается словами: «Он сунулся туда, куда не должен соваться человек». Такая же ненависть к знанию и прославление суеверия и невежества свойственны всем человеческим сообществам. Сколько ты еще можешь выдержать? — неожиданно спросила Мама Сутра.

— Честно говоря, не знаю, — устало сказал Дэнни. — Кажется, если мне удастся добраться до сути дела, на мою голову обрушатся все силы этой страны. Самое малое, что может случиться: меня вышвырнут с работы. Более вероятно, что я исчезну, как тот человек, которого я ищу, и как первые два детектива, расследовавшие это дело. Но чтобы в этом убедиться, я должен узнать истину до конца, после чего пожелать вам всего доброго и приступить к поиску норы, в которой можно залечь. Да и вы могли бы мне рассказать, как вам удается оставаться в живых, так много зная.

— Я много училась. У меня есть Щит. Природу этого Щита я могу объяснить не лучше, чем природу моих экстрасенсорных способностей. Знаю лишь одно: этот Щит действует. Что касается ответа на другие твои вопросы, то сначала я хочу узнать подробности о расследовании, которым ты занимаешься. Только тогда я смогу увязать это с иллюминатами и Культом Желтого Знака.

Дэнни выпил очередной стаканчик, закрыл на мгновение глаза и приступил к рассказу. Он начал с исчезновения Марша в Аркхеме четыре года назад, рассказал о том, как внимательно изучал бумаги пропавшего Марша и книги, упомянутые в записках профессора, и пришел к выводу, что дело связано с каким-то наркотическим культом. Затем он поведал о взрыве в «Конфронтации» и служебных записках об иллюминатах, упомянул об исчезновении Малика, мисс Уэлш, Гудмана и Малдуна и отметил нездоровое любопытство ФБР.

— Такие вот дела, — закончил он. — Это практически все, что я знаю.

Мама Сутра задумчиво кивнула.

— Как раз этого я и боялась, — наконец вымолвила она. — Думаю, что смогу прояснить кое-что, но после того, как ты все узнаешь, я советую тебе уйти из полиции и поискать защиты у иллюминатов. Уже сейчас, в этот самый момент, ты находишься в большой опасности. — Она снова погрузилась в молчание, а затем сказала: — Ты не сможешь полностью разобраться в том, что сейчас происходит, пока я не расскажу тебе предысторию.

В течение следующего часа Дэнни Прайсфиксер заморожено слушал рассказ Мама Сутры о самой продолжительной войне в истории, о битве за свободу человеческого разума, которую вели иллюминаты с рабовладением, суеверием и колдовством.

Она повторила, что эта история началась в древней Каркозе, когда змеиный народ Валусии вступил в контакт с первыми людьми. Змеиный народ принес с собой какие-то плоды, оказывающие странное воздействие. Мама Сутра сказала, что сейчас их называли бы галлюциногенами или психоделиками, но эффект, который оказывали эти плоды на сознание вкушившего их человека, не имел ничего общего с галлюцинацией. Они открывали его сознание для ллойгоров. Главный плод, используемый в этих ритуалах, был ботаническим родственником современного яблока, желтоватого или золотого по цвету, и змеиный народ обещал: «Вкусите их, и

станете всемогущи». На самом деле вкусившие их люди стали рабами ллойгоров, особенно Хастура, который поселился в озере Хали. Искажённые версии этой истории дошли до нас в различных африканских легендах о людях, заключивших сделку со змеями и утративших души, а также в гомеровском рассказе о поедателях лотоса, в Книге Бытия, а также в арабском фольклоре, который использовали в своих произведениях Роберт Чемберс, Амброз Бирс и другие. Вскоре среди вкусивших золотые яблоки был создан Культ Желтого Знака, а его первый верховный жрец Груад выторговал у Хастура определенные способности в обмен на человеческие жертвы, которыми будут кормиться ллойгоры. Людям сказали, что жертвоприношения нужны для хорошего урожая. Отчасти это было правдой, потому что ллойгоры потребляли только *энергию* жертвы, а тело, похороненное в полях, отдавало почве азот и другие вещества. То было начало религии — и государства. Груад руководил Храмом, а Храм вскоре властвовал над озером Хали, а затем и над всей Каркозой.

Так продолжалось много тысячелетий: жрецы жирели и развращались, а народ жил в страхе и рабском подчинении. Количество жертв постоянно увеличивалось, ибо Хастур разрастался на энергии каждой жертвы, а его аппетит рос вместе с ним. Наконец среди людей появился один человек, Ма-Лик, который отказался признавать жречество. Он заявлял, что человечество может стать всемогущим не благодаря поеданию золотых яблок и жертвоприношениям ллойгору, а в результате процесса, который он называл рациональным мышлением. Разумеется, как только жрецы услышали об учении Ма-Ли́ка, его тут же скормили Хастуру, но у него были последователи, которые быстро научились держать свои мысли при себе и тайно планировать свою деятельность. Это была эпоха ночных арестов, показательных судебных процессов и массовых жертвоприношений в Каркозе. Наконец последователи Ма-Ли́ка — горстка, избежавшая истребления, — сбежали на Туранский субконтинент, который сейчас называется Европой.

Там они встретили маленький народец, который пришел с севера после того, как люди-змеи медленно истребили друг друга в ходе своеобразной гражданской войны. (Похоже, за все это время змеи ни разу не сходились в открытом сражении: яд в чаше с вином, нож в спину и тому подобные коварные приемы — такова была их тактика. Убивая врага, змеиный народ не любил встречаться с ним *лицом к лицу*.) Когда-то давным-давно у маленького народца тоже были проблемы с ллойгорами, но остались у них лишь какие-то путанные легенды-воспоминания об *орках* (которые, по мнению Мама Сутры, были чо-чо) и великом герое по имени Фрото, который сразился с чудовищем по имени Заурон (Мама Сутра предполагала, что это был шоггот.)

Прошло много тысячелетий, представители маленького народца вступали в брак с последователями Ма-Ли́ка, и в результате этого кровосмешения появилось современное человечество. Великий законодатель Кулл пытался создать рациональное общество на основе принципов Ма-Ли́ка и вступил в сражение с остатками змеелюдей, которые умудрились выжить, прячась в потайных местах. Почти все исторические свидетельства об этом затерялись в потоке преувеличений и легенд. Прошло еще много тысячелетий, и один варвар по имени Конан каким-то образом сумел взойти на трон Аквилонии, могущественнейшего царства на туранском субконтиненте. Конан много размышлял о тех ужасах, которые не прекращались в Каркозе, ибо считал их

источником угрозы для всего остального мира. Наконец он исчез, отрекшись от трона в пользу своего сына Конна, и, по слухам, уплыл *на запад*.

Как объяснила Мама Сутра, Конан был тем же человеком, который примерно в то же время появился на полуострове Юкатан и получил известность как Кукулькан. Очевидно, в среде майянских ученых он рассчитывал получить некие знания или технологии, которые мог бы использовать против ллойгоров. Так или иначе, он с ними расстался, а у народа майя сохранилась легенда о Кукулькане, «Оперенном Змее». Когда с севера пришли ацтеки, Кукулькан стал Кецалькоатлем и ему стали приносить человеческие жертвы. Каким-то образом ллойгорам удалось изменить образ Конана до неузнаваемости, поставив его на службу их собственным целям.

Тем временем Каркоза погибала. Точно не известно, что случилось, но некоторые специалисты по древней истории подозревают, что на самом деле Конан, набираясь знаний, совершил кругосветное путешествие и обрушился на Каркозу с оружием, уничтожившим не только Куль Желтого Знака, но и все следы цивилизации, которая ему служила.

Далее Мама Сутра поведала, что на оставшемся отрезке истории Культа Желтого Знака больше не удалось вернуть былое могущество, но в определенные эпохи и в определенных местах ему удавалось отчасти отвоевывать прежние позиции. Ллойгоры по-прежнему существовали, но не могли проявляться в нашем пространственно-временном континууме, пока служители Культа не выполняли очень сложные технические операции, которые порой маскировались под религиозные ритуалы, а порой — под войны, голод и другие бедствия.

На протяжении последующих эпох Куль неустанно воевал с единственной силой, которая ему угрожала: рациональностью. Когда служителям Культа не удавалось проявить ллойгора, чтобы уничтожить тот или иной мыслящий разум, они старались это имитировать; если реальная магия была им недоступна, они заменяли ее фокусами. Как пояснила Мама Сутра, под «реальной магией» она, конечно, имеет в виду технологию ллойгоров. По замечанию писателя-фантаста Артура Кларка, любая достаточно развитая технология неотличима от магии. Ллойгоры обладают такой технологией. Благодаря ей они и попали на Землю со своей звезды.

— Вы хотели сказать, со своей планеты? — уточнил Дэнни.

— Нет, изначально они жили именно на звезде! Я же говорила тебе, что они созданы не из той материи, которая известна нам. Между прочим, их звездное происхождение объясняет, почему пентаграмма, или символ *звезды*, всегда привлекает их внимание и служит лучшей приманкой. Они сами придумали этот символ. Человеку звезда в небе не кажется пятиконечной, но именно такой она выглядит для *них*.

В XVIII веке показалось, что наконец-то наступила Эпоха Разума. Робко, в качестве эксперимента, в Баварии заявила о своем существовании одна из ветвей иллюминатов. Ее возглавил бывший иезуит Адам Вейсгаупт, обладавший тайным знанием о том, как действовал и совершал «чудеса» Куль Желтого Знака. Подлинным лидером этого движения была жена Вейсгаупта Ева, но иллюминаты знали, что даже в Эпоху Разума человечество еще не готово к тому, чтобы освободительное движение возглавила женщина. Поэтому Адам стал ее «прикрытием».

Эксперимент оказался неудачным. Жрецы Культа Желтого Знака подбросили фальшивые документы в дом иллюмината по фамилии Цвак, нашептали кое-что баварским правителям, а затем с ликованием наблюдали,

как движение было запрещено и с позором изгнано из Германии.

Тогда же два иллюмината, Джефферсон и Франклин, начали свой эксперимент в Америке. Оба, как и Вейсгаупт, выступали в защиту разума, но не повторили ошибки немца: старательно избегали откровенных заявлений о том, что разум опровергает религию и суеверия. (Эту тему они обсуждали только в частной переписке.) Поскольку Джефферсон и Франклин были национальными героями и поскольку казалось, что на американской земле прочно укоренилось рационалистическое правительство, созданию которого они способствовали, Культ Желтого Знака не стал публично их дискредитировать. Был запущен один пробный шар: преподобный Джедедая Морс, высокий адепт Желтого Знака, открыто обвинил Джефферсона в принадлежности к иллюминатам и возложил на него и его партию ответственность за многие преступления, которые вменялись в вину и Вейсгаупту в Баварии. Эти первые антииллюминатские заявления преподобного Морса не могли ввести американскую общественность в заблуждение — но стали основой для всей дальнейшей пропаганды, которой занимался Культ Желтого Знака в Америке.

Благодаря Джефферсону новое правительство позаимствовало один иллюминатский символ: Глаз на Пирамиде, обозначавший знание геометрии и, следовательно, естественного порядка вещей. Этот символ предназначался для грядущих поколений. Он должен был поведать им правду о том, на каких основах создавалось государство США, поскольку все прекрасно понимали, что Культ Желтого Знака попытается максимально исказить факты. Еще одним очень важным достижением иллюминатов стал Билль о Правах — та часть Конституции США, на которую до сих пор яростно нападают фанатики Желтого Знака. Большой победой было также упоминание в первых документах некоторых естественнонаучных понятий — например, «Природы и Бога Природы» в Декларации Независимости. Тем самым Джефферсон бросил вызов традиционным суевериям. И, разумеется, все первые президенты были высокопоставленными масонами и розенкрейцерами и знали хотя бы основы философии иллюминатов.

Мама Сутра коротко вздохнула и продолжила рассказ. По ее словам, все это было лишь вершиной айсберга. На самом деле правительство играет далеко не главную роль в управлении людьми; куда важнее слова и представления, которые формируют семантическую среду. Культ Желтого Знака не только изымает из обращения слова и понятия, которые угрожают его власти, но и внедряет свою идеологию во все сферы, так или иначе связанные с передачей и обменом информации. Наука и разум постоянно подвергаются осмеянию или выставляются угрозой для общества. А вот принятие желаемого за действительное, фантазия, религия, мистицизм, оккультизм и магия всегда превозносятся как якобы истинное решение всех проблем. Книги-бестселлеры учат людей *не работать* для достижения успеха, а *молиться*. Награды получают те фильмы, в которых показывается, что невежественная вера ребенка более оправданна, чем скептицизм взрослых. Почти в каждой газете есть астрологическая колонка. Все более открыто формулируется идеология Культа Желтого Знака, тогда как идеи иллюминатов и Отцов-основателей искажаются и забываются. Как сказала Мама Сутра, достаточно вспомнить любую антидемократическую, антипросветительскую или антигуманную идею из Средневековья, как на ум мгновенно придет популярный телеведущий или очередная кинозвезда, которые излагают ее во всеуслышание как атрибут «Американской Идеи».

Затем Дэнни узнал, что Култ Желтого Знака намерен уничтожить Соединенные Штаты, потому что они более, чем любая другая страна мира, близки к достижению иллюминатских идеалов свободомыслия и прав человека, а также потому, что в законах и обычаях этой страны до сих пор присутствуют некоторые рудименты иллюминизма.

И вот тут, мрачно сообщила Мама Сутра, на сцену выходит мистер Хагбард Челине.

Челине, по ее словам, — это выдающаяся, но испорченная личность, сын сутенера-итальянца и проститутки-норвежки. Выросший в преступном мире, он с детства испытывал презрение и ненависть к нормальному, благопристойному обществу. Разглядев его таланты и пристрастия, Мафия взяла его под свое крыло и финансировала его обучение на юридическом факультете Гарварда. По окончании университета Челине стал влиятельным адвокатом и отстаивал интересы гангстеров из Синдиката, когда у них возникали проблемы с законом. Однако он выступал еще и в нескольких судебных процессах «на стороне», в качестве защитника интересов индейцев. На самом деле ему просто нравилось вредить правительству. Однажды он попытался остановить строительство крайне необходимой дамбы в северной части штата Нью-Йорк. Его эксцентричное поведение в зале суда (из-за которого он и проиграл дело) продемонстрировало глубокую тягу ко всем оккультному, поскольку Челине явно разделял суеверия своих клиентов-индейцев. Доны Мафии посоветовались с лидерами Культа Желтого Знака, и вскоре Хагбарда, который в то время бесцельно шлялся по Европе, мобилизовали для создания нового филиала Культа. Его задача — воевать с американским государством как на политическом, так и на религиозном фронте. Этот филиал называли Легионом Динамического Раздора. Под видом противодействия всем правительствам мира он на самом деле вредит исключительно Соединенным Штатам Америки. Челине получил в свое распоряжение подводную лодку (которую он якобы сконструировал сам) и стал важным звеном в мафиозном героиновом бизнесе. При этом своей команде — предателям и неудачникам со всех концов мира — он внушает намеренно бессмысленное мистическое учение.

Важным центром героиновой сети Челине, отметила Мама Сутра, является мнимая церковь в Санта-Исабель, что на острове Фернандо-По.

В заключение Мама Сутра сказала, что, очевидно, Джозеф Малик, редактор «*Конфронтэйшн*», шел по следу иллюминатов и был введен в заблуждение лживыми обвинениями против них, сфабрикованными Хагбардом Челине и адептами Желтого Знака. Что касается профессора Марша, то в ходе его исследований в Фернандо-По вполне могли открыться какие-то подробности о героиновой сети Челине.

— Значит, вы считаете, что они оба мертвы, — хмуро сказал Дэнни. — Как, возможно, мертвы Гудман, Малдун и Пат Уэлш, которая вела журналистское расследование.

— Не обязательно. Я ведь тебе говорила: насколько Челине блистателен, настолько же и безумен. Он создал собственную систему промывания мозгов и вместо того, чтобы уничтожать потенциальных противников, успешно их завербовывает. Вполне возможно, что все эти люди в данный момент работают на него, против Соединенных Штатов и иллюминатов, которых они считают главными врагами человечества. — Мама Сутра о чем-то задумалась. — Однако в этом нет никакой уверенности. События последних нескольких дней изменили Челине к худшему. Теперь он безумнее и опаснее,

чем обычно. Похоже, серия убийств, прокатившихся по всей стране двадцать пятого апреля, — его работа, совершенная не без помощи Мафии. Он яростно набрасывается на любого, кто, по его мнению, может быть иллиминатом. Нечего и говорить, что большинство его жертв ни имели никакого отношения к иллиминатам, которые, как я говорила, представляют собой очень маленькую организацию. Поскольку он охвачен яростью и находится в параноидальном расположении духа, я опасаюсь за жизнь всех, кто рядом с ним.

Сидя в кресле, пьяный, удрученный и подавленный Дэнни подался всем телом вперед.

— Теперь, когда я знаю, — риторически спросил он, — что мне со всем этим делать? Господи, что мне с этим делать?

Во время перелета в Мюнхен я наконец-то взялся за чтение книги «Телемах чихнул» — ив этом был вполне уместный оттенок синхронистичности, поскольку Атланта Хоуп летела в одном самолете со мной, сидя на несколько рядов кресел впереди меня по правому борту или как там это называется у самолета.

Рядом со мной сидела Мэри Лу; это женщина, от которой уже так просто не отделаешься, если у тебя с ней получилось. Джон дал мне денег лишь на один билет, поэтому пришлось продать на Уэллс-стрит немного «черного аламута», чтобы и на нее хватило, а потом еще и объяснять ей, что это не просто увеселительная поездка.

— Да что за тайны такие? — спросила она. — Ты агент ЦРУ, или комми, или кто-то еще, господи ты боже?

— Если я тебе скажу, — ответил я, — ты все равно не поверишь. Просто наслаждайся музыкой, кислотой и всем происходящим, а когда надо будет, сама все увидишь. Ты никогда в это не поверишь, пока не увидишь собственными глазами.

— Саймон гребаный Мун, — торжественно сказала она, — после йоги и секса, которым ты обучил меня за последние три дня, я готова поверить во что угодно.

— А в привидения? В зомби!

— Эй, ты снова меня подначиваешь, — запротестовала она.

— Вот видишь!

Так что на этом мы поставили точку, выкурили два косячка, вскочили в такси и помчались в аэропорт О'Хэр, мимо больших указателей, оповещавших, что в этих кварталах дома пойдут под снос и трущобы «нижне-среднего класса» превратятся в многоэтажки «верхне-среднего класса». И каждый такой плакат провозглашал: «УЛУЧШИМ ЖИЗНЬ В ЧИКАГО! — РИЧАРД ДЖ. ДЭЙЛИ, МЭР». Естественно, в кварталах самого низшего класса ничего не сносили, а выжидали, когда люди в очередной раз устроят беспорядки и сами сожгут свои дома дотла. Надписи, которые встречались в этих районах, выполненные краской из аэрозольных баллончиков, были более разнообразными: «ДОЛОЙ ЛЕГАВЫХ! ЗДЕСЬ РУЛЯТ БЛЭКСТОУН-СКИЕ РЕЙНДЖЕРЫ», «ВЛАСТЬ НАРОДУ», «ФРЕД ХЭМПТОН ЖИВ!», «ЗДЕСЬ РУЛЯТ ВСЕМОГУЩИЕ ЛАТИНСКИЕ КОРОЛИ». Одна наверняка понравилась бы Хагбарду: «ДОЛОЙ ДОМОВЛАДЕЛЬЦЕВ!» Потом мы попали в

дорожную пробку на шоссе Эйзенхауэра и сидели, натянув на себя газовые маски, пока такси ползло со скоростью старой змеи, страдающей артритом.

Мэри Лу купила в аэропорту семидесятый или восьмидесятый роман Эдисона Йерби, что вполне меня устроило, поскольку я и сам люблю в полете почитать. Оглядев книжный прилавок, я заметил «*Телемах чихнул*» и решил: была не была, почему бы мне не узнать, как мыслит другая сторона. И вот, на высоте 50 000 футов над землей и в нескольких ярдах от самого автора, я приступил к изучению *donner-und-blitzen*[52] метафизики «Божьей молнии». В отличие от жалкого австрийского монорхоида, Атланта умела писать увлекательно и излагала свою философию не в автобиографическом, а в сугубо художественном жанре. Довольно скоро я окунулся в ее прозу с головой и продолжал погружаться. Со мной такое бывает всегда, когда я читаю беллетристику: сначала все принимаю за чистую монету, и лишь когда книга дочитана до конца, ко мне возвращается критическое мышление.

Так вот, если кратко, действие романа «*Телемах чихнул*» происходит в ближайшем будущем, когда мы — грязные, зачуханные, безумные, ленивые, обдолбанные и похотливые анархисты — довели Закон и Порядок в Америке до нервного коллапса. Героиня по имени Тэффи Райнстоун, как и сама Атланта когда-то, состоит в Движении за Освобождение Женщин и верит в социализм, анархизм, необходимость легализации аборт и харизму Че Гевары. Затем наступает глубокое разочарование: голодные бунты, разруха, мародерство, то есть все, от чего нас всегда предостерегал Джордж Уоллес. Но Верховный Суд, сплошь состоящий из анархистов, чьи фамилии заканчиваются на —штейн, или —фарб, или —бергер (открытого антисемитизма в книге нет), продолжает отменять законы и лишать полицейских все новых и новых прав. Наконец в пятой главе, кульминационной части книги первой, нашу незадачливую бедняжку Тэффи пятнадцать раз подряд насилует какой-то гиперсексуальный черный маньяк, вылитый персонаж из фильма «*Рождение нации*». Все это происходит на глазах у полицейских, которые ругаются, заламывают руки и бездействуют, потому что по решению Верховного Суда им запрещено предпринимать какие бы то ни было действия.

В книге второй, действие которой происходит через несколько лет, вырождение общества продолжается, а на смену индустриальному смогу приходит чад марихуаны, окутавший всю страну. Верховного Суда больше нет, все члены убиты обезумевшими от ЛСД мау-мау[53], которые ошибочно приняли его заседание за митинг вашингтонского филиала Благотворительной ассоциации полицейских. Президент и его «правительство в изгнании» скрываются в окрестностях Монреаля, влача унылое эмигрантское существование; белых женщин по всей стране терроризируют «Слепые тигры» — весьма прозрачный намек на «Черных пантер»; чокнутые анархисты принуждают женщин к аборт; телевидение показывает только маоистскую пропаганду и датские порнофильмы. В хаосе этой деградации больше всего страдают, конечно же, женщины. Несмотря на все взятые уроки каратэ, Тэффи подвергается изнасилованиям так много раз — причем не только классическим способом, но также орально и анально, — что становится, можно сказать, ходячим банком спермы. Затем случается неожиданное: самое последнее зверское изнасилование совершает истинный ариец с впалыми щеками, худым длинным телом и бесстрастным лицом. «Все сущее есть огонь, — говорит он Тэффи, вытаскивая из нее свой пенис, — и никогда об этом не забывай». Потом он исчезает.

Тэффи обнаруживает, что она воспылала нежными чувствами к этому типу, и решает его отыскать, чтобы перевоспитать в честного человека. Параллельно развивается другая сюжетная линия: злой брат Тэффи, Даймонд Джим Райнстоун, беспринципный наркоторговец, подмешивает в травку героин, чтобы сделать всех людей своими рабами через физиологическую зависимость. Даймонд Джим объединяется с мрачными «Слепыми тиграми» и тайным обществом «Просветленных», которые не могут стать правителями мира, пока у жителей Америки сохраняется такая патриотическая и параноидальная черта характера, как национализм.

Но силы Зла загнаны в угол. Сформирована тайная подпольная группа, чьим символом становится крест. Ее лозунг появляется на заборах и стенах:

**СОХРАНЯЙТЕ БАНКНОТЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО РЕЗЕРВНОГО БАНКА,
РЕБЯТА: ГОСУДАРСТВО СНОВА ВОЗРОДИТСЯ!**

Пока эта группа не найдена и не уничтожена, Даймонд Джим не может посадить весь народ на иглу, «Слепые тигры» не могут изнасиловать ту горстку белых женщин, до которых они еще не успели добраться, а «Просветленным» не преуспеть в создании единого мирового правительства и не навязать однообразную соевую диету всей планете. Но тайна раскрывается: лидером подполья оказывается истинный ариец с впалыми щеками, худым длинным телом и бесстрастным лицом. Он имеет обыкновение по семь часов кряду обсуждать философию Гераклита (что невольно вызывает уважение, поскольку, как известно, сохранилось не более сотни сентенций Темного Философа — но, как выясняется, наш герой делает к ним пространные комментарии).

Далее следует отступление от темы. Группа второстепенных персонажей садится на борт самолета, вылетающего в Ингольштадт.

Вскоре обнаруживается, что первый пилот галлюцинирует под воздействием кислоты, второй пилот обкурился танжерского гашиша, а стюардессы — безбашенные лесбиянки — интересуются исключительно сексуальными утехами друг с другом. Атланта делает краткий экскурс в историю жизни каждого пассажира и показывает, что все они вполне заслужили ту катастрофу, на грани которой находятся: каждый так или иначе содействовал созданию культуры Дурманного Тумана и Блудного Болота, отрицая «самоочевидную истину» герметического афоризма Гераклита. Когда самолет взрывается в Северной Атлантике, все люди на его борту, включая галлюцинирующего капитана Кларка, получают по заслугам, ведь они отрицали, что единственная реальность — это огонь.

Тем временем Тэффи наняла частного детектива Мики Молотова по прозвищу «Коктейль», чтобы он нашел ее арийского насильника с впалыми щеками. Прежде чем читать дальше, я решил поинтересоваться синхронистической подоплекой предыдущей части и окликнул одну из стюардесс.

— Не могли бы вы назвать мне имя пилота? — спросил я.

— *Namen?* — ответила она. — *I a, Gretchen.*

— Нет, не ваше имя, — сказал я. — Имя пилота. *Namen unser...* эээ... *Winginmacher!*

— *Winginmacher?* — с сомнением повторила она. — *EinAugenblick*[54].

— Пока я искал слово *Augenblick* в карманном немецко-английском словаре, она ушла, а вместо нее подошла другая стюардесса в такой же форме, с

такой же улыбкой и с такими же голубыми глазами и спросила: «*Was wollen sie haben?*»[55].

Я догадался, что слово *Winginmacher* имело не тот смысл, который я в него вкладывал.

— *Gibt mir, bitte,* — сказал я, — *die Namen unser Fliegenmacher*[56]. — Я вытянул руки в стороны, изображая летящий самолет. — *Luft Fliegenmacher,* — повторил я и услужливо добавил: — или, может быть, *Luft Piloten!*

— Он пилот, а не пилотен, — сказала она, показав два ряда белоснежных зубов. — Его зовут капитан Кларк. Хитклифф Кларк.

— *Danke,* спасибо, — буркнул я мрачно и вернулся к чтению «*Телемаха*», представляя, как впереди наш друг Хитклифф, достигнув высот парения, направляет самолет в океан — потому, как сказал Маллори, что он есть[57]. Подумать только: англичанин ведет фрицевский самолет — и лишь для того, чтобы напомнить о том, что меня окружают парадоксальные, параноидальные, паранормальные параметры синхронистичности. Их блуждающий пастырский Глаз. О Господи! — подумал я и снова погрузился в вызывающе скверный эпос Атланты Хоуп.

Частный детектив Коктейль Молотов начинает искать Великого Американского Насильника по одной улике: строительному чертежу, который выпал из его кармана, когда он спаривался с Тэффи. Метод Коктейля классически прост: он избивает каждого встречного, пока тот не сообщает информацию, указывающую дальнейшее направление поиска. В процессе расследования он знакомится с неким декадентствующим снобом, который произносит речь в стиле Уильяма О. Дугласа, осуждая воцарившуюся власть жестокости и зверства. На семнадцати страницах (это самый длинный монолог, который я когда-либо встречал в романах) Молотов объясняет, что жизнь — это битва между Добром и Злом, а весь современный мир испорчен, потому что люди видят не контраст черного и белого, а многочисленные оттенки красного, оранжевого, желтого, зеленого, голубого, синего и фиолетового цветов.

В это время, понятное дело, народ по-прежнему трахается напропалую, курит траву и даже не думает инвестировать капитал в развитие промышленности, поэтому Америка скатывается к тому, что Атланта называет «гедоническим докапиталистическим хаосом».

И тут в книге появляется еще один персонаж, Говард Пробка[58], одноногий психопат, командующий подводной лодкой «*Лайф Этернал*»[59]. Он сражается со всеми — анархистами, коммунистами, героиновой бандой Даймонда Джима Райнстоуна, «Слепыми тиграми», «Просветленными», американским правительством в изгнании, все еще безымянным патриотическим Подпольем и «Чикагскими зверятами»[60], — поскольку убежден, что все они служат прикрытием для белого кита, обладающего сверхчеловеческим разумом, который якобы пытается захватить весь мир. («Ни один нормальный кит на это не способен, — говорит он после каждого нового телесвидетельства упадка и хаоса в Америке, — но кит со сверхчеловеческим разумом!...») Этот мегаломан (кит, а не Говард Пробка) был инициатором создания знаменитого музыкального хита конца шестидесятых «*Песни синих китов*», который оказывает гипнотическое влияние на людей, доводит их до безумия, наркотиков, насилия и утраты веры в христианство. Гигантский кит вообще стоит за большинством культурных достижений последних десятилетий, воздействуя на умы людей при помощи гипнотической телепатии. «Сначала он послал нам У. С.

Филдса, — изливает ярость Говард Пробка своему первому помощнику Баку Стару, — потом, когда моральный дух Америки значительно ослабел, Лиз и Дика[61], Энди Уорхола и рок-музыку. А теперь еще эти *Песни Синих Китов!*» Стар все больше убеждается, что у капитана Пробки «выбило все пробки», когда он потерял ногу из-за простой операции по удалению вросшего ногтя, которую запорол хиппующий молодой педикюрщик, наглотававшийся мескалина. Это подозрение усиливается в связи с упорным нежеланием бешеного моряка сменить старую пробковую ногу на протез новой модели. Он знай себе твердит: «Я от рождения весь Пробка и не намерен умирать Пробкой на три четверти!»

Затем оказывается, что Пробка на самом деле не такой уж психопат. Во время встречи с чистокровным арийцем с впалыми щеками, худым длинным телом и бесстрастным лицом выясняется, что капитан — агент подпольной организации, которая называется «Божьей молнией»: дань идее Гераклита о том, что Бог впервые проявился как сверкнувшая молния, сотворившая мир. «*Лайф Этернал*» вовсе не охотится на огромного белого кита (как убеждена его команда), а поставляет боеприпасы правительству в изгнании и «Божьей молнии». Уходя, впалощекий лидер говорит Пробке: «Помни: *путь вверх — это путь вниз*».

Между тем Безвратные Врата со скрипом распахнулись, и я начал улавливать сигналы из «реального» мира. То есть снова начал осознавать себя распорядителем манежа. В меня введена вся информация; энтропия и отрицательная энтропия дополняют друг друга, создавая страну чудес, и по мере того, как банки памяти выдают мне эту информацию, я ее обрабатываю, чтобы понять смысл событий.

Но, как Гарри Койн, я чувствую себя в свите мисс Портинари как-то неуверенно. Мне мерещатся призраки мертвых пиратов, и только отчасти это навеяно сюрреалистическими фресками на стенах каюты, выполненными в морском вкусе Хагбарда. В сущности, у Гарри, если выразиться его привычным языком, была такая крепкая жопа, что он мог бы срать кирпичами. Сейчас он легко признавал ровней длинноволосого хиппи Джорджа и даже его чернокожую подружку, но почему-то ему казалось неправильным признавать за старшую *девочку-подростка*. Пару дней назад я бы думал, как бы залезть к ней в трусы. А сейчас я думал над тем, как впустить ее в свою голову. Этот Хагбард с его зельем наверняка искажил все мои понятия о ценностях посильнее, чем что бы то ни было после тюрьмы Билокси.

И вот я уже каким-то образом слышу раскатистый голос преподобного Хилла много лет назад в Билокси. Он потрясает Библией и грохочет: «Не бывает отпущения грехов без крови! Не бывает отпущения грехов без крови, братья и сестры! Это говорит Святой Павел, и не забывайте об этом! Не бывает отпущения грехов без крови нашего Господа и Спасителя Иисуса Христа. Аминь».

А Хагбард читает аналитическое заключение БАРДАКа о стратегии и тактике сражения над Атлантидой. Математическая часть БАРДАКа приходит к выводу, что все факты согласуются с допущением А и не согласуются с допущением Б. Хагбард скрежещет зубами: согласно допущению А, иллюминатские корабли-пауки управляются дистанционно, а согласно допущению Б, на их борту есть люди.

— Не верь тому, кто льном богат, он может быть ползучий гад.

— Готовы к уничтожению вражеских кораблей, — донесся до него голос

Говарда.

— Ты отвел своих на безопасное расстояние?

— Конечно. Хватит колебаться. Сейчас не время быть гуманистом. (Допущение А: корабли-пауки иллюминатов управляются дистанционно.)

Море безжалостнее, чем земля. Иногда. (Ни один факт не согласуется с допущением Б.) Хагбард протянул смуглый палец, коснулся им белой кнопки на пульте управления и затем решительно на нее нажал.

— *Вот и все,* — сказал он.

Но на самом деле это было не все. В нездоровом, но холодном уме он решил, что если он уже стал убийцей, финальный гамбит вполне может стать спасительной частью Демонстрации. Он отправил Джорджа к Дрейку (*Боб, сейчас ты мертв, но неужели ты так никогда и не понял, хотя бы на мгновение, что я пытался тебе сказать? что пытался когда-то сказать тебе Юнг?*), затем погибли двадцать четыре настоящих человека. А сейчас льется все больше крови, и он не уверен, что можно спасти хоть какую-то часть Демонстрации.

«Не бывает отпущения грехов без крови! Не бывает отпущения грехов без крови, братья и сестры... Не бывает отпущения грехов без крови нашего Господа и Спасителя Иисуса Христа!»

* * *

Я вступил в иллюминаты в 1951 году, когда Джо Маккарти стоял очень круто и повсюду искали заговоры. Наивный юнец (в то время я был второкурсником Нью-йоркского университета), я пытался «найти себя» и откликнулся на одно из тех розенкрейцерских объявлений, которые печатались в конце мужских журналов. Конечно, розенкрейцеры никакая не *ширма* в том простом смысле, который вкладывают в это слово берчевцы и прочие параноики. Только несколько человек в штаб-квартире ДМОРК[62] — агенты иллюминатов. Но они наудачу отбирают потенциальных кандидатов, и мы получаем почтовые отправления, слегка отличающиеся от тех, что посылаются обычным неофитам. Если мы хорошо себя зарекомендовываем, переписка становится более интересной, а затем устанавливается и личный контакт. Ну так вот, довольно скоро я дал полный обет, включая идиотский пункт о непосещении Неаполя, хотя это просто пережиток старой обиды Вейсгаупта, и меня приняли в *иллюминаты-минервалы*, дав имя Ринго Эригены. Поскольку я учился на юридическом, мне посоветовали делать карьеру в ФБР.

С Эйзенхауэром я встречался лишь однажды, на очень большом и пышном балу. Он отозвал в сторонку меня и еще одного агента.

— Не спускайте глаз с Мейми, — сказал он. — Как только она выпьет пять бокалов martinis или начнет цитировать Джона Уэйна, *быстро* уводите ее наверх.

С Кеннеди я даже не разговаривал, но Винифред (которого в Ордене знали как Скотуса Пифагора) частенько на него жаловался.

— Эта политика «Нового Рубежа» опасна, — брюзжал Винифред. — Парень думает, что он живет в киновестерне: раз-два — и негодяям не поздоровится. Лучше не давать ему слишком долго рулить.

Можете себе представить, как я расстроился, когда «даласское дело» начало проливать свет на всю картину. Понятно, я не знал, что делать:

Винифред был моим единственным начальником в правительстве, который одновременно стоял выше меня в иллюминатах. Но у меня была масса догадок и подозрений насчет остальных, и я не осмелился бы утверждать, что, к примеру, Джон Эдгар Гувер не был одним из *наших*. Когда ЦРУ запустило этот пробный шар, у меня, как теперь говорят, начался параноидальный глюк. Возможно, это было совпадение (или синхронистичность), но не исключено, что меня прощупывал Орден, все глубже опутывая и обволакивая своими щупальцами.

(«Многие люди, занимаясь шпионажем, не знают, на кого работают, — сказал мне однажды Винифред голосом „рыцаря плаща и кинжала“, — особенно те, которые выполняют „мелкие поручения“. Допустим, мы находим франко-канадского сепаратиста в Монреале, который занимает пост, позволяющий в определенные периоды времени получать определенную информацию. Безусловно, мы никогда не попросим его работать на американскую разведку. Это для него, скорее всего, невозможно по идеологическим соображениям. Поэтому на него выходит другой, весьма убедительный франко-канадец, у которого есть „доказательства“, что он агент самого секретного из всех квебекских подпольных освободительных движений. Или, скажем, русские находят женщину в Найроби, которая вхожа в некоторые кабинеты, но при этом оказывается яркой антикоммунисткой и занимает проанглийскую позицию. Какой смысл пытаться прямо завербовать ее в КГБ, скажи мне? Нет, вербовщик должен иметь настоящий оксфордский акцент и убеждать ее, что она будет работать на английскую службу МИ-5. И так далее, — мечтательно закончил он, — и так далее...»)

Мой контакт в ЦРУ был действительно из ЦРУ, я в этом почти абсолютно уверен. По крайней мере, он знал пароли, демонстрировавшие, что он выполнял приказы Президента. Если это, конечно, что-то доказывает.

Внедриться в «Божью молнию» приказал мне сам Гувер. Впрочем, он выбрал не только меня; я был частью группы, перед которой он произнес вдохновенную, зажигательную речь. До сих пор помню его слова: «Пусть вас не обманут их американские флаги. Взгляните на эти стрелы молний, позаимствованные у нацистской Германии, и помните, что безбожные комми недалеко ушли от безбожных наци. И те, и другие против Свободного Предпринимательства». Естественно, став членом арлингтонского филиала «Божьей молнии», я быстро узнал, что Свободное Предпринимательство в их пантеоне уступало по значимости разве что Гераклиту. Вообще, Гувера и впрямь порой «перемыкало»: достаточно вспомнить его страхи насчет того, что Джон Диллинджер на самом деле остался жив и смеется над ним. Этот благоговейный страх заставил его ополчиться на Мелвина Первиса, того самого агента, который пристрелил Диллинджера в Чикаго, и выжить беднягу из Бюро. У кого хорошая память, наверняка помнит, что Первису пришлось зарабатывать на жизнь у фабриканта кукурузных хлопьев: он был номинальным главой «юных джименов»[63].

Именно в «Божьей молнии» я впервые познакомился с романом «*Телемах чихнул*» и до сих пор считаю его весьма добротным и увлекательным чтивом. Эпизод, в котором Тэффи Райнстоун видит нового Короля на телевидении и им оказывается ее прежний друг-насилник с впалыми щеками, который говорит: «Меня зовут Джон Гилт», — это, скажу я вам, *сильно*[64]. Его последующая речь на ста трех страницах, объясняющая значение вины и показывающая, почему все антигера-клитовцы, фрейдиисты и релятивисты уничтожают вместе с чувством вины саму нашу цивилизацию,

безусловно, убедительна — особенно для такого человека, как я, с тремя-четырьмя личностями, каждая из которых водит за нос остальных. Мне нравится его последнее предложение: «Без вины не может быть цивилизации».

С самой Атлантой Хоуп я познакомился во время нью-йоркских «призывных бунтов». Вы помните: они начались тогда, когда «Божья молния», не выдержав бессилия, демонстрируемого в рапортах ФБР о массовом сопротивлении молодежи военному призыву, решила сама организовать «группы бдительности» для отлавливания всей этой хиппи-йиппи-комми-пацифистской нечисти. Войдя в Ист-Виллидж, где кишели толпы бородатых и патлатых юнцов, злостно уклонявшихся от конфликтов во Вьетнаме, Камбодже, Таиланде, Лаосе, Коста-Рике, Чили, на Тайване и Огненной Земле, «Божья молния» встретила враждебность и сопротивление. Через три часа мэр приказал полиции оцепить территорию. Разумеется, полиция была на стороне «Божьей молнии» и делала все возможное, чтобы содействовать избиению Немытых, одновременно блокируя любые их попытки дать сдачи. Через три дня губернатор вызвал национальную гвардию. Но гвардейцы, которые в глубине души сами рады были избегать призыва, старались держать нейтралитет, а то даже и помогали немного этим «подонкам» и «наркоманам». Через три недели Президент объявил эту часть Манхэттена зоной бедствия и направил в помощь уцелевшим Красный Крест.

Я был в гуще и грохоте событий (вы не представляете, сколько шума бывает от гражданской войны, когда одна из сторон в качестве оружия использует мусорные баки) и даже наспех познакомился с Джо Маликом под старым «роллс-ройсом», куда он подполз, чтобы делать «заметки с передовой», а я — зализывать раны, полученные при пробивании витрины книжного магазина «Око Мира»[65], — у меня с тех пор остались шрамы, которые я могу показать, — и голос за моим плечом говорит, что я не должен умалчивать о том, что

Августейший Персонаж застрял в телефонной кабинке всего в метре от меня, охваченный параноидальным страхом, что, несмотря на весь этот хаос, полиция уже вычислила будку, из которой он сделал последний непристойный звонок, и застигнет его на месте преступления, потому что он боялся выйти к свистевшим в воздухе крышкам от мусорных баков, пулям и прочим металлическим предметам; я даже помню, что номерной знак этого «роллс-ройса» был РПД-1, и это позволяло предположить, что некая важная персона тоже находилась в этом неуютном месте — вне всякого сомнения, с еще более неуютной миссией. На следующий день в одном квартале к северу от арены боевых действий я познакомился с самой Атлантой. Она схватила меня за правую руку (раненую: я даже поморщился от боли) и начала завывать: «Добро пожаловать, брат по Истинной Вере! Война — это Здоровье Государства! Конфликт — это творец всего сущего!» Видя, что ее несет на гребне гераклитовой волны, я с большой страстью процитировал: «Люди должны защищать Законы, как стены родного города!» Этим я заслужил ее расположение и до конца битвы числился среди личных помощников Атланты.

Она запомнила меня по этим Бунтам, и я был призван, чтобы организовать первые тактические удары по «рейдерам Нейдера»[66]. Если бы меня спросили, что я такого сделал, я ответил бы, что хорошо выполнил порученную мне работу. Моя деятельность принесла мне повышение по

службе в Бюро, скупую, но искренне удовлетворенную улыбку моего опекуна из ЦРУ, статус *иллюмината-прелата* от Винифреда — и еще одну аудиенцию с Атлантой Хоуп, в результате чего я был посвящен в А л Ал, сверхсекретный заговор, на который она в действительности работала. (А л Ал — настолько засекреченная организация, что даже сейчас я не могу раскрыть полное название, скрытое за этой аббревиатурой.) У меня было тайное имя — *Принц Жезлов Д*; я стал Принцем Жезлов, вытянув случайно эту карту из колоды Таро, а «Д» она добавила сама — из чего я сделал вывод, что уже есть четыре других Принца Жезлов, а также пять Королей Мечей и так далее. Все это означало, что организация А.\А.\ не похожа на остальные даже в эзотерическом смысле, поскольку в этом всемирном заговоре участвуют никак не более 390 человек (количество карт в колоде Таро, помноженное на пять). Имя *Принц* вполне меня устраивало: не хватало еще стать *Повешенным Г* или *Дураком А*, — и еще меня радовало то, что Принц, согласно учению Таро, обладает множеством личностей.

Если до этого я считал себя *тремя с половиной* агентами (моя роль в «Божьей молнии» была довольно простой, по крайней мере с точки зрения самой БМ, поскольку мне поручали только громить, а не шпионить), то сейчас не вызывало сомнения, что во мне живут сразу *четыре* агента, работающие на ФБР, ЦРУ, иллюминатов и А л Ал, каждый из которых продает свою организацию как минимум одной другой, а то и двум или трем. (Да, во время инициации меня сделали преданным членом АлАл и, если бы я мог описать сей потрясающий ритуал, вы бы этому факту не удивлялись.) Затем у Вице-президента родилась бредовая идея экономить на секретных агентах, и меня все чаще откомандировывали в распоряжение ЦРУ (естественно, в Бюро меня попросили сообщать обо всем интересном, что я там замечал). Однако я воспринял эту акцию как дальнейшее усложнение моей четырехсторонней психической поляризации, а вовсе не как неизбежную, неоспоримую и синергическую пятую стадию.

И я оказался прав. Поскольку в заключительную стадию, или *Grummet*, как называет это Орден, я вошел только в прошлом году благодаря тем удивительным событиям, которые привели меня от Роберта Патни Дрейка к Хагбарду Челине.

Меня отправили на банкет Совета по международным отношениям, тщательно замаскировав под обычного «пинкертон»; моя официальная задача в качестве частного детектива состояла в том, чтобы присматривать за ювелирными украшениями присутствующих дам и другими ценными вещами. Моей же реальной задачей было поставить жучок в стол, за которым будет сидеть Роберт Патни Дрейк. На той неделе я был прикомандирован к Налоговому управлению. Так вот, поскольку налоговики не знали, что согласно приказу Министерства юстиции Дрейка никогда и ни за что нельзя преследовать, они пытались доказать, что тот скрывает свои доходы. Естественно, я активно мотал на ус все, что могло представлять интерес для иллюминатов, А.\А.\ и ЦРУ — если, конечно, тот, с кем я встречался в Мемориале Линкольна, был действительно из ЦРУ, а не из военной или военно-морской разведки или откуда-то еще. (Не скрою, я часто раздумывал о том, не агент ли он Москвы, Пекина или Гаваны, а тут еще Винифред как-то сказал, что у иллюминатов есть все основания причислять его к авангарду захватчиков с Альфы Центавра. Впрочем, Великие Магистры иллюминатов славятся мистификациями, поэтому я поверил в эту байку не более, чем в сказку об иллюминатах как заговоре британского еврейства с целью

создания мирового правительства — которая когда-то и привела меня к иллюминатам.) В сущности, любой заговор был для меня наградой сам по себе; меня не интересовало, с кем я в заговоре и против кого. Это было искусство ради искусства. И дело не в том, что ты выдаешь или сохраняешь чьи-то тайны, а в том, *как* ты разыгрываешь партию. Порой я даже отождествлял ее с учением А.\А.\ о Великом Делании, ибо в запутанных лабиринтах моих «я» уже понемногу проступали схематические контуры души.

За столом Дрейка сидел какой-то итальяшка с ястребиным лицом, очень элегантный в новехоньком смокинге, однако мой внутренний коп сразу же разглядел в нем принадлежность к *незаконному*. Иногда по одной внешности можно точно определить деятельность субъекта (аферист, медвежатник, карманник и так далее), но в данном случае я мог лишь распознать в нем игрока *из другого лагеря*; пожалуй, он вызывал смутные ассоциации с морским пиратством или интригами эпохи Борджиа. Разговор шел о новой работе некоего Мортимера Адлера, который уже написал примерно с сотню замечательных книг, если я верно уловил суть дела. Один тип за столом, похожий на банкира, был просто задвинут на этом Адлере, и особенно на его последней великой книге.

— Он считает, что мы и коммунисты следуем одной и той же Великой Традиции, — я явственно ощутил эти заглавные буквы, — и должны объединиться против одной силы, которая реально угрожает цивилизации: против анархизма!

Начались прения, в которых Дрейк не принимал участия (он просто сидел, попыхивая сигарой и как бы соглашаясь со всеми сразу, но чувствовалось, что ему очень скучно). Банкир попытался растолковать суть Великой Традиции. Объяснение показалось мне слишком сложным. Судя по выражениям лиц за столом, оно было сложным для всех присутствующих. И тут вдруг заговорил этот даго[67] с ястребиным лицом.

— Я могу объяснить одним словом, что такое Великая Традиция, — спокойно сказал он. — Привилегия.

Неожиданно с лица старого Дрейка сошло выражение ласковой скуки; в его взгляде появился удивленный интерес.

— Редко встретишь такую освежающую свободу от эвфемизмов, — сказал он, подавшись вперед. — Но, возможно, я переоцениваю смысл вашего замечания, сэр?

Ястребинолицый сделал глоток шампанского и, прежде чем ответить, промокнул рот салфеткой.

— Вряд ли, — наконец сказал он. — В большинстве словарей привилегия расшифровывается как право или иммунитет, наделяющие их обладателей особыми льготами и преимуществами. В толковом словаре Уэбстера есть и другое значение: «возможность не подчиняться обычным правилам и не подвергаться обычным наказаниям». Словарь синонимов дает такие термины, как исключительное право, личное право, преимущество, льгота и, к моему глубокому сожалению, претензия. Хотя все мы наверняка знаем, что такое привилегия в *этом* клубе, — не так ли, джентльмены? Нужно ли напоминать вам о латинских корнях *privi*, «частный», и *lege*, «закон», и рассказывать о том, как мы создавали Частный Закон здесь и как создавало свои собственные частные законы в сфере своего влияния Политбюро?

— Но это не Великая Традиция, — возразил тип, похожий на банкира (на самом деле, как оказалось, университетский профессор; единственным

банкиром за тем столом был Дрейк). — Под Великой Традицией мистер Адлер понимает...

— Под Великой Традицией Мортимер понимает, — грубо перебил его ястребинолицый, — набор мифов и сказок, выдуманный для придания легитимности и удобоваримости институту привилегий. Поправьте меня, если я ошибаюсь, — добавил он вежливо, но с сардонической усмешкой.

— Он имеет в виду, — настаивал ортодокс, — неоспоримые аксиомы, проверенные временем истины, коллективную мудрость веков...

— Мифы и сказки, — спокойно продолжил ястребинолицый.

— Священную, проверенную временем вековую мудрость, — не унимался его оппонент, уже начиная повторяться. — Краеугольный камень гражданского общества, или цивилизации. И это роднит нас с коммунистами. Именно эту общечеловеческую традицию хулят, отрицают и пытаются уничтожить молодые анархисты по обе стороны Железного Занавеса. Великая Традиция не имеет ничего общего с привилегией.

— Прошу прощения, — сказал смуглый. — Вы университетский профессор?

— Именно. Я заведу кафедру политологии в Гарварде!

— О, — пожал плечами смуглый. — Прошу прощения, что говорил с вами без обиняков. Я полагал, что нахожусь в кругу бизнесменов и финансистов.

В глазах профессора уже проступила обида: он явно почувствовал в этом формальном извинении некий оскорбительный намек, но тут в разговор вступил Дрейк.

— Действительно! Стоит ли шокировать наших записных идеалистов, пытаясь мгновенно превратить их в вульгарных реалистов? И стоит ли говорить о том, что нам всем и так хорошо известно, в таком тоне, из-за которого данная точка зрения кажется враждебной и чужой? Кто вы и чем занимаетесь, сэр?

— Хагбард Челине. Импорт-экспорт. Перевозка грузов «Гольд энд Эппель» здесь, в Нью-Йорке. Несколько других малых предприятий в других портах. — Когда он это сказал, мое впечатление об этом человеке как о пирате и интригане лишь усилилось. — И мы тут не дети, — добавил он, — так почему не говорить откровенно?

Профессор, не ожидавший, что разговор примет такой поворот, растерянно сидел, пока отвечал Дрейк:

— Итак, цивилизация — это привилегия, или Частный Закон, как вы изволили выразиться столь откровенно. И все мы, кроме присутствующего здесь бедного профессора, знаем, откуда появляется Частный Закон — из ствола винтовки, как сказал один джентльмен, чью прямоку вы бы наверняка оценили. Означает ли это, по-вашему, что Адлер, при всей его наивности, прав и что у нас с коммунистическими руководителями больше точек соприкосновения, чем мы привыкли считать?

— Позвольте мне *просветить* вас еще немного, — сказал Челине, и интонация, с какой он произнес этот глагол[68], заставила меня подскочить. Синие глаза Дрейка тоже сверкнули, но меня это не удивило: каждый человек с такими колоссальными, по мнению Налогового управления, доходами, как у Дрейка, входил, *должен* был входить во Внутренний Круг.

— Привилегия подразумевает исключение из привилегий, равно как достаток подразумевает недостаток, — продолжал Челине. — Следуя по такому математическому пути отождествления диаметральных противоположностей, можно сказать, что прибыль подразумевает убыток.

Если мы с вами обмениваемся равноценными товарами, это бартер: ни один из нас ничего не выигрывает и не теряет. Но если мы обмениваемся неравноценными товарами, то один из нас получает прибыль, а второй терпит убыток. Математически. Безусловно. Такие математически неравноценные обмены происходят всегда, потому что одни торговцы всегда хитрее других. Но в обществе абсолютной свободы — анархии — такие неравноценные обмены будут единичными и нерегулярными. Математически выражаясь, это феномен непредсказуемой периодичности. А теперь оглянитесь вокруг, профессор, — оторвите ваш взгляд от великих книг и понаблюдайте за реальным миром, в котором вы живете, — и вы не увидите в нем таких непредсказуемых функций. Вместо них вы увидите математически однородную функцию, стабильную выгоду, выпадающую на долю одной группы, и такой же стабильный ущерб на долю всех остальных. Почему так, профессор? Потому что эта система не свободна и не произвольна, как скажет вам любой математик. Но тогда возникает закономерный вопрос: где же та определяющая функция, тот фактор, который управляет другими переменными? Вы сами его назвали, а точнее, его назвал мистер Адлер: Великая Традиция. Хотя я предпочитаю называть ее Привилегией. Когда *А* встречается на рынке с *Б*, они заключают сделки не как равные партнеры. *А* заключает сделку как привилегированная сторона; поэтому он всегда будет получать прибыль, а *Б* всегда будет терпеть убытки. Наш «свободный рынок» не более свободен, чем рынок за Железным Занавесом. Привилегии, или Частные Законы, — это правила игры, которые по одну сторону занавеса провозглашаются Политбюро ЦК КПСС, а по другую сторону правительством США и Советом Федерального резервного банка, но при этом мало чем отличаются друг от друга. Вот и все. Именно этим правилам игры угрожают анархисты, и, в частности, скрытый анархист, живущий в каждом из нас, — завершил он свою речь, подчеркнув последние слова и глядя в упор на Дрейка, а вовсе не на профессора.

Профессор сразу затараторил, что законы общества — это законы природы, а законы природы — это законы Бога, но я решил, что пора пройти по залу, поэтому не дослушал конец разговора. Наверняка кассета с записью сохранилась в Налоговом управлении, поскольку я установил жучок задолго до ужина.

Очередная встреча с Робертом Патни Дрейком стала поворотным моментом в моей судьбе. Меня снова послали в Нью-Йорк, на этот раз с поручением от военно-морской разведки, и Винифред передал со мной личное сообщение для Дрейка. Орден не доверял механическим устройствам связи. Что интересно, мой связник из ЦРУ тоже передал сообщение для Дрейка, которое ничем не отличалось от сообщения Винифреды. Это, впрочем, меня не удивило, поскольку стало лишь очередным подтверждением появившихся у меня к тому времени подозрений.

Я отправился в офис на Уолл-стрит, почти на углу Бродвея (примерно там, где я корпел бы над корпоративным правом, будь моя семья настойчивее), и сказал его секретарю: «Книжке из фирмы „Пирамида“ ожидается встречи с мистером Дрейком». Это был пароль той недели; Книжке был баварским бароном и помощником Вейсгаупта в ордене *Древних Видящих Иллюминатов Баварии*. Я сел и с нетерпением ожидал приема, изучая мрачный елизаветинский интерьер, вид которого заставил меня задуматься о том, не считает ли себя Дрейк реинкарнацией своего знаменитого предка.

Наконец дверь его кабинета распахнулась, и вышла — кто бы вы думали? — Атланта Хоуп с каким-то ошалевшим и даже несколько безумным взглядом. Дрейк положил руку ей на плечо и патетически произнес: «Да приблизит ваша работа тот день, когда Америка вернется к чистоте». Она на нетвердых ногах прошла мимо меня, словно в оцепенении, а мне предложили войти. Дрейк жестом пригласил меня сесть на мягкий стул и буравил взглядом, пока что-то там у него в голове не щелкнуло.

— Еще один Книгге в нашем полку, — внезапно расхохотался он. — Последний раз, когда я вас видел, вы были Пинкертоном.

Как не восхититься такой памятью? С момента нашей встречи на банкете Совета по международным отношениям прошел уже год, и в тот вечер я старался ничем не привлекать к себе его внимание.

— Я не только агент ФБР, но и член Ордена, — сказал я, опуская некоторые подробности.

— И это еще не всё, — спокойно произнес он, сидя за столом размером с хорошую детскую площадку. — Но на этой неделе у меня достаточно хлопот помимо того, сколько партий вы одновременно разыгрываете. Так что там за сообщение?

— Это сообщение передано мне и Орденом, и ЦРУ, — сказал я. — Вот оно: *Тайваньские партии героина не будут поставлены в срок. Лаосские опиумные поля временно захвачены правительством. Не верьте заявлениям Пентагона о том, что наши войска полностью контролируют ситуацию в Лаосе.* Ответ не обязателен.

Я начал подниматься со стула.

— Подождите, черт побери, — сказал Дрейк, нахмурившись. — Это намного важнее, чем вы думаете. — Он задумался, и я прямо-таки физически ощутил, как его ум работает, словно двигатель на холостом ходу. Это впечатляло, доложу я вам. — Какой ранг у вас в Ордене? — наконец спросил он.

— Иллюминат-прелат, — скромно признался я.

— Негусто. Но у вас больше практического опыта по части шпионажа, чем у большинства высокопоставленных членов. Вы справитесь. — Старый хищник расслабился, приняв окончательное решение. — Что вам известно о Культе Черной Матери? — спросил он.

— Самая воинственная и самая секретная группа в стране, выступающая под лозунгом «Власть черным», — осторожно сказал я. — Они держатся в тени, избегая публичности, потому что их стратегическая цель даже не революция, а внезапный государственный переворот. Еще минуту назад я полагал, что ни один белый человек не знает об их существовании, кроме тех из нас, кто служит в ФБР. Бюро никогда не сообщало о них другим государственным органам, поскольку, к нашему стыду, ни одному информатору не удалось там долго продержаться. Но все они умирали естественной смертью, и это самое странное!

— Никто в Ордене никогда не рассказывал вам правду? — требовательно спросил Дрейк.

— Нет, — с любопытством ответил я. — Я считал правдой то, что сейчас вам рассказывал.

— Винифред уж чересчур скрытен, — сказал Дрейк. — Культ Черной Матери полностью контролируется Орденом. По нашему поручению Культ проводит мониторинг положения дел в гетто. Сейчас они предсказывают, что к концу лета в Гарлеме, на западной окраине Чикаго и в Детройте вспыхнут

такие же восстания, как в шестидесятые годы. Во всех этих областях нужно как минимум на восемнадцать, а желательно, на двадцать или даже двадцать пять процентов повысить количество наркозависимых людей, иначе уровень разрушений превысит те масштабы, которые мы готовы выдержать. Но Культ не сможет это обеспечить, если ему и дальше будут сокращать поставки наркотиков. Либо гетто будут завалены героином, либо к августу там начнется настоящий ад.

До меня дошло, что он употребил термин «мониторинг» в его строго кибернетическом значении.

— Есть лишь одна альтернатива, — продолжал Дрейк. — Черный рынок. Одна очень ловкая и прекрасно организованная группа уже давно пытается разрушить героиновою монополию ЦРУ и Синдиката. Культу Черной Матери придется наладить с ними прямой контакт. Я не хочу, чтобы в этом участвовал Орден — это очень осложнит ситуацию, особенно если учесть, что впоследствии нам придется вообще уничтожить эту группу.

Дело кончилось тем, что я оказался на Сто десятой улице в Гарлеме. Ощущая себя очень белым и безобразно пулепробиваемым, я вошел в ресторан «Дразнящаяся обезьяна». Под стрелами враждебных взглядов прошел прямо к сидевшей за кассовым аппаратом женщине с кожей кофейного цвета и сказал:

— Я насчет надгробных плит.

Она просверлила меня взглядом и пробормотала:

— Наверх, за мужской уборной, дверь с надписью «Посторонним вход воспрещен». Стучать пять раз. — Она злобно усмехнулась. — И если ты подстава, то поцелуй на прощание себя в белую задницу, браток.

Я поднялся по лестнице, нашел нужную дверь, постучал пять раз, и из-за двери выглянул глаз на черном как смоль лице, который уставился на меня с холодным безразличием.

— Белый, — сказал он.

— Человек, — ответил я.

— Коренной, — отозвался он.

— Уроженец, — закончил я.

Он снял цепочку и дверь полностью открылась. Я так никогда и не выяснил, откуда они взяли идею этого пароля — скорее всего, у Ку-Клукс-Клана[69]. Хотя в комнате было темно от густого марихуанового дыма, я увидел, что она вполне прилично обставлена и большую ее часть занимает огромная статуя Кали, Черной Матери; мне вспомнились жуткие ритуалы из фильма «Ганга Дин» и крики «Убей во имя Кали!». В комнате, помимо открывшего мне человека, было еще четверо мужчин, которые пускали по кругу два косяка: один посолонь, а второй — противосолонь.

— Откуда ты? — спросил голос из темноты.

— ДВИБ[70], — осторожно ответил я. — И я должен говорить с Ха-саном ибн Саббахом Иксом.

— Уже говоришь, — сказал самый высокий и самый черный тип из этой шайки, передавая мне косяк.

Я сделал быструю глубокую затяжку — и, о Боже, это было приятно! Я наполовину пристрастился к марихуане еще со времен Похода на Пентагон 1967 года, когда часть пути я прошел непосредственно за Норманом Мейлером, а потом присоединился к каким-то хиппи, которые сидели на ступеньках, покуривая ЕЕ. Я говорю, что пристрастился *наполовину*, поскольку две из моих личностей, будучи лояльными государственными

служащими, верят, что старые правительственные публикации, клеймящие марихуану как наркотик, наверняка правдивы: иначе зачем же было правительству их публиковать? К счастью, две другие мои личности знают, что марихуана *не вызывает привыкания*, и поэтому я не испытываю никаких проблем, когда не курю ее подолгу.

Я начал было обрисовывать ситуацию Хасану ибн Саббаху Иксу, но тут ко мне пришел другой косяк, противосолонный, и я снова сделал затяжку.

— Так можно и заторчать, — игриво заметил я.

— Ага, — согласился размякший черный голос из темноты. Короче, к тому времени, как я объяснил суть проблемы Хасану, я был такой обкуренный, что легко согласился с его мнением, что белый человек справится с этим лучше черного, и дал себя завербовать дальше. На самом деле мне было даже любопытно иметь дело с этой группой героиновых пиратов. Хасан аккуратно записал адрес.

— Это пароли, — сказал он. — Ты скажешь: «Твори свою волю - вот весь Закон». Не говори: «Делай, что хочешь...», потому что там не терпят пренебрежительного отношения к магическим формулировкам. Она тебе ответит: «Любовь есть закон, любовь, подчиненная воле». Тогда ты произнесешь фразу: «Каждый человек — это звезда». Понял?

Клянусь чем угодно, уж я-то понял! У меня чуть глаза не полезли на лоб. Ведь это были пароли А.\ А.\!

— И вот еще что, — сказал напоследок Хасан. — Обязательно обратись к мисс Мао, а не к Маме Сутре. Мама не по этим делам.

(Когда самолет вылетел из Международного аэропорта имени Кеннеди, Саймон уже снова погрузился в роман «Телемах чихнул». Он не обратил внимания на молодого рыжеволосого мужчину с озабоченным лицом, который занял кресло с другой стороны прохода; если бы он заметил, то сразу классифицировал бы его как *копа*. Он читал: «Дым фабричных труб символизирует прогресс, священный огонь промышленности, пламенного гераклитова бога».)

ГАРРИ КРИШНА ГАРРИ КРИШНА КРИШНА КРИШНА ГАРРИ ГАРРИ

Гарри Койн не знал, что это было за зелье; мисс Портинари просто сказала: «С ним отлетишь дальше, чем от дури», — и дала ему таблетку. Возможно, это было ЛСД, которым баловались хиппи, а возможно, совершенно новый препарат, который Хагбард и БАРДАК сварганили в бортовой лаборатории. Мисс Портинари продолжала напевать:

ГАРРИ РАМА ГАРРИ РАМА РАМА РАМА ГАРРИ ГАРРИ

Он послушно продолжал всматриваться в разделявший их аквариумный бассейн; облаченная в желтую мантию, она безмятежно сидела в позе лотоса.

(— Я должен выяснить, — сказал он ей чуть раньше. — Я не могу жить, имея две памяти и не зная наверняка, какие воспоминания реальны, а какие Хагбард просто ввел в мою голову, как мужчина вводит в женщину ребенка. Я должен знать, убивал я всех этих людей или нет!

— Чтобы понять ответ, ты должен находиться в правильном состоянии сознания, — отозвалась она откуда-то издалека.)

ГАРРИ КОЙНША ГАРРИ КОЙНША КОЙНША КОЙНША ГАРРИ ГАРРИ

Кто изменил слова: она или наркотик? Он пытался сохранять спокойствие и продолжал всматриваться в бассейн, как велела она, но мозаичный узор менялся. Вместо двух дельфинов, которые гонялись за хвостами друг друга, напоминая астрологический символ Рыб (и эпохи,

которая, по мнению Хагбарда, сейчас заканчивалась), сейчас одна длинная змееподобная тварь пыталась проглотить *собственный* хвост.

Это я. Многие люди говорили мне, что я тонкий и длинный, как змея.

Внезапно он понял, что таковы и все люди! Я вижу то, о чем говорил Джордж: «Я» преследует самое Себя и пытается им управлять, «Я» пытается Себя проглотить.

Но пока он очарованно вглядывался в водную гладь бассейна, она окрасилась в красный цвет — цвет крови, цвет вины, — и он почувствовал, как эта кровь выходит из берегов и пытается смыть его в кровавое забвение, в бездну нахлынувшей пустоты.

— Он жив, — закричал Гарри. — Господи гребаный Боже!

Мисс Портинари, далекая и спокойная, небрежно помешивала воду, и к этой скручивающейся спирали медленно возвращался аквамариновый цвет. Гарри почувствовал сильное смущение, *это была всего лишь галлюцинация*, и пробормотал: «Извините за выражение, мэм».

— Не извиняйся, — резко ответила она. — Самые важные истины всегда поначалу кажутся кощунственными и оскорбительными. Вот почему любой великий новатор всегда гоним. Несведущему даже святые дары кажутся кощунством. Непробужденный считает святое причастие облагороженным каннибализмом. Когда Папа целует стопы мирян, кое-кто считает его старым фут-фетишистом. Ритуалы Пана напоминают простонародные оргии. Обдумай то, что ты сказал. Поскольку в твоей фразе было пять слов, что соответствует Закону Пятерки, она имеет особое значение.

«Странная это компания, но они много чего знают», — напомнил себе Гарри. Он пристально вглядывался в голубую спираль и мысленно повторял: «Он жив, Господи гребаный Боже, он жив...»

Над бассейном поднялся Иисус с лицом ястреба, странным образом похожий на Хагбарда.

— Это мое бодхи, — показал он.

Гарри обернулся и увидел Будду, сидевшего под деревом бодхи.

— *Тат ТВам Аси[71]*, — сказал он, и падающие с дерева листья превратились в миллионы телевизоров, на экранах которых шел один и то же фильм с Лорелом и Харди.

— Теперь полюбуйся, что ты заставил меня сделать, — говорил Харди. В предыдущей инкарнации Гарри увидел себя центурионом, Семпером Кунием Лингусом, забивавшим гвозди в крест.

— Пойми, — говорил он Иисусу, — лично я к тебе ничего не имею. Я просто выполняю приказы.

— Я тоже, — отвечал ему Иисус. — Приказы моего Отца. А разве так живут не все?

— Смотри в бассейн, — повторяла мисс Портинари. — Просто смотри.

Все это напоминало китайские резные коробочки, вложенные одна в другую; но лучшим из этих вложений была сама мисс Мао Цзуси. Мы полулежали в ее скромной, но изящной комнате на Западной восьмидесятой седьмой стрит, по очереди затягиваясь косячком, и сравнивали множественную природу наших личностей. Мы расположились нагишом на коврике из медвежьей шкуры, и сон стал явью, ибо она была моим идеалом

женщины.

— Сначала, Тобиас, я попала в А.\А.\, — рассказывала она. — Меня завербовали на собрании бахаистов. Понимаешь, в поисках потенциальных кандидатов они засылали вербовщиков во все мистические группы, от Субуда до сайентологии. Потом на меня вышла военно-морская разведка, и я сообщала им о том, чем занимается А.-А... Впрочем, я не такая гибкая, как ты, и привыкла сохранять верность принципам. Поэтому гораздо больше я рассказывала А л Ал о том, что узнала от военно-морской разведки. Я целиком и полностью доверяла А л А л. Пока не встретила *Его*.

— Кстати, — сказал я, ощущая укол ревности от того, с каким обожанием она произнесла слово «*Его*», словно Он был богом. — Если он скоро должен прийти, не лучше ли нам встать и одеться?

— Если хочешь быть мещанином, — сказала она. Пока мы одевались, я кое-что вспомнил.

— Между прочим, — небрежно произнес я, — на кого ты работаешь, шпионя за Мамой Сутрой, — на А л А л, военно-морскую разведку или на *Него*!

— На всех троих. — Она начинала натягивать на себя трусики, и я неожиданно для себя сказал:

— Подожди.

Я присел на колени и напоследок поцеловал ее *киску*.

— За прекраснейшую китайскую коробочку, которую я открыл во всем этом ларце, — галантно произнес я.

Это была моя иллюминатская выучка; как агент ФБР, я стыдился подобных извращенных действий.

Мы оделись и она наполняла бокалы вином (легким немецким марочным вином, естественно, из Баварии), когда раздался стук в дверь.

Мисс Мао в своем облегающем китайском наряде скользнула к двери и тихо сказала:

— Слава Эриде.

— Да здравствует Дискордия, — послышался голос из-за двери. Она открыла замок, и в дверь вошел низенький толстяк. В первый момент я очень удивился: он вовсе не походил на того суперинтеллектуала и супергероя, о котором она рассказывала.

— Хагбард прийти не смог, — коротко сообщил он. — Я буду вести переговоры по продаже и иницирую *вас*, — он бросил на меня взгляд, — в Легион Динамического Раздора, если вы действительно готовы, как говорит мисс Мао, бороться со всеми правительствами на Земле и иллюминатами в придачу.

— Я готов, — пылко заверил я. — Я устал быть марионеткой, которую дергают за четыре нитки. (На самом деле я отдавал себе отчет, что просто хотел пятой нитки.)

— Прекрасно, — сказал он. — Давай пять, — и протянул мне руку. После церемонного рукопожатия он представился: — *Епископ* Джим Картрайт из Мэд-догской Клики.

— Тобиас Найт, — отрекомендовался и я. — ФБР, ЦРУ, А..А., и Иллюминаты.

Он прищурился:

— Я встречал двойных и даже тройных агентов, но ты — первый четверной агент в моей практике. По Закону Пятерок это, наверное, было неизбежно. Добро пожаловать на пятую арену древнейшего в мире цирка.

Готовься к Смерти и Возрождению.
ГОСПОДИ ГРЕБАНЫЙ БОЖЕ, ОН ЖИВ...

Приложения (весьма поучительные)

ВЕЛИКИЙ ПАПА: Истинна ли Эрида?

МАЛАКЛИПС МЛАДШИЙ: Все истинно.

ВП: Даже ложные представления?

МАЛ— 2: Даже ложные представления истинны.

ВП: Как это может быть?

МАЛ— 2: Не знаю, чувак, не я это сделал.

**Интервью Малаклипса Младшего, Х. С. Х.,
напечатанное в
«Геральд-Ньюс-Сан-Трибьюн-Джорнал—
Диспэтч-Пост» Великой Метрополии Йорба-Линда и
«Бюллетене и межгалактическом отчете»
дискордианского общества (отделение
Сан-Франциско)**

Примечание: Изначально было 22 приложения, которые объясняли все тайны иллюминатов. Восемь приложений были сокращены из-за дефицита бумаги. Их напечатают на Небесах.

Приложение Заин Собственность и привилегия

Собственность — это воровство.

П. Ж. Прудон

Собственность — это свобода.

П. Ж. Прудон

Собственность невозможна.

П. Ж. Прудон

Непротиворечивость — это суеверие узколобых.

Ральф Уолдо Эмерсон

Прудон, нагромождая такие противоречия, не просто проявлял себя настоящим французом; он пытался показать, что абстракция «собственность» охватывает множество явлений, среди которых есть и полезные, и вредные. Давайте воспользуемся методом семантиков и исследуем прудоновскую триаду, пометив для ясности каждый ее член подстрочным индексом.

Утверждение «Собственность — это воровство» означает, что собственность, созданная на основании искусственных законов феодальных, капиталистических и других авторитарных обществ, основана на вооруженном ограблении. Например, земельные титулы — это яркие примеры собственности; в первых земельных сделках роль денег играли мечи и копья.

Утверждение «Собственность — это свобода» означает, что собственность,,, которую будут сознательно уважать в обществе свободной воли (или анархическом обществе) послужит фундаментом свободы в таком обществе. Чем больше будут сталкиваться и перепутываться интересы людей, как при коллективизме, тем больше они будут наступать друг другу на любимые мозоли; только когда будут четко заявлены правила игры («Это твое, а это — мое») и все участники игры добровольно признают ее полезность, может быть достигнута истинная независимость.

Утверждение «Собственность невозможна» означает, что собственность (она же собственность) порождает столь яростный конфликт интересов, что общество находится в состоянии непрерывной необъявленной гражданской войны и должно в конце концов само себя уничтожить (вместе с собственностью и собственностью). Короче говоря, Прудон по-своему предвидел принцип ОНАБ. Кроме того, он предвидел, что коммунизм только увековечит и усилит конфликты и что *анархия — единственная реально осуществимая альтернатива этому хаосу.*

Разумеется, не утверждается, что собственность может появиться только в абсолютно свободном обществе; многие формы собственности уже существуют. Ошибка большинства так называемых борцов за гражданские права — особенно последователей Айн Ранд — состоит в том, что они принимают всю собственность за собственность. Разницу понимают лишь те, чей IQ выше 70, и чтобы ее понять, нужно задать и получить ответ на абсурдно простой вопрос. Если вам предложат принять какой-нибудь владетельный титул или вы предложите принять его кому-нибудь другому, надо спросить: «Будет ли этот титул признаваться в свободном обществе рационалистов— или потребуются вооруженная мощь Государства, чтобы заставить людей его уважать?» Если реален первый вариант, то это собственность которая означает свободу; если второй — это собственность, сиречь воровство.

Приложение Хет Отречение Хагбарда

Читателям, которые не поняли сцену, в которой Хагбард отрекается в пользу мисс Портинари, не следует унывать.

Как только они ее поймут, они разгадают большинство загадок всех мистических школ.

Приложение Ламед

Тактика Магии

Человеческий мозг явно работает по знаменитому принципу, сформулированному в «Охоте на снарка»: «Истина в том, что повторено трижды подряд».

Норберт Винер. «Кибернетика»

Главная идея *«Книги священной магии Абрамелина Мудрого»* заключена в простой на вид формуле: «Почаще призывай».

Главная идея самой успешной формы лечения так называемых психических расстройств, бихевиористской (или поведенческой) терапии Павлова, Скиннера, Вольпе и др., тоже может быть сформулирована в двух словах: «Почаще закрепляй». («Закрепление», с сугубо практической точки зрения, означает то же самое, что и обывательский термин «поощрение». Суть бихевиористской терапии состоит в поощрении желаемого поведения; такое поведение начинает «магическим образом» демонстрироваться все чаще и чаще по мере продолжения поощрений.)

Как известно, реклама строится на аксиоме: «Почаще повторяй».

Люди, считающие себя «материалистами» и уверенные в том, что «материализм» требует от них отрицания всех фактов, которые не соответствуют их определению «материи», не хотят признавать существование документально подтвержденного и обширного списка лиц, излечившихся от тяжелых заболеваний с помощью такой весьма вульгарной и абсурдной формы магии, как Христианская Наука. Однако читателю, который захочет понять это классическое, бессмертное произведение литературы, придется анализировать его глубинные смыслы, осознавая, что никакой существенной разницы между магией, поведенческой терапией, рекламой и Христианской Наукой нет. Потому что их суть можно сжато изложить в виде незатейливой абрамелиновской формулы: «Почаще призывай».

Как говорит Саймон Мун, реальность термопластична, а не термореактивна. Хотя это и не совсем «пластилин», как однажды обозвал её Пол Красснер, но все же она гораздо ближе к «пластилину», чем мы обычно полагаем. Если вам достаточно часто говорят, что *«Будвайзер — король пива»*, *Будвайзер* в конце концов покажется вам несколько вкуснее — возможно, даже намного вкуснее, — чем казался до того, как было произнесено это магическое заклинание. Если терапевт-бихевиорист, нанятый коммунистами, поощряет вас всякий раз, когда вы повторяете коммунистический лозунг, вы будете повторять его чаще и незаметно начнете в него верить точно так же, как сторонники Христианской Науки верят в свои мантры. И если сторонник Христианской Науки убеждает себя каждый день, что у него проходит язва, язва зарубцуется намного быстрее, чем в том случае, если бы он не подверг себя этой самостоятельной пропагандистской кампании. И наконец, если маг призывает Великого Бога Пана достаточно часто, Великий Бог Пан будет являться ему. Это гарантировано, как и то, что гомосексуалист будет демонстрировать

гетеросексуальное поведение под руководством (или рукоприкладством) умелого бихевиориста.

Противоположность и дополнение формулы «Почаще призывай» — «Почаще изгоняй».

Маг, жаждущий проявления Пана, не только призывает Пана открыто и вербально, создавая соответствующие появлению Пана условия в своем храме, закрепляя ассоциации с Паном в каждом жесте и каждом предмете мебели, пользуясь цветами и ароматами, родственными Пану, и т. д. Он, помимо этого, вербально изгоняет других богов; изгоняет их, устраняя родственную им мебель, цвета и ароматы; изгоняет их любыми возможными способами. Бихевиорист назовет это «негативным закреплением» и при лечении пациента, который боится лифтов, будет не только закреплять (поощрять) каждый случай, когда пациент бесстрашно едет в лифте, но и негативно закреплять (наказывать) каждый признак страха, который выказывается пациентом. Точно так же последователь Христианской Науки произносит мантру, или формулу, которая одновременно закрепляет здоровье и негативно закрепляет (изгоняет) болезнь (Основная мантра Христианской Науки, которая называется «Научной Декларацией Бытия» (во как!), гласит: «В материи нет ни жизни, ни истины, ни сознания, ни субстанции. Всё есть бесконечный разум и его бесконечные проявления, ибо Бог есть всё во всем, а Дух — бессмертная истина; материя — это ужасная ошибка. Дух реален и вечен; материя нереальна и временна. Дух есть Бог, а человек — Его образ и подобие. Поэтому человек не материален, а духовен». Тот факт, что эти утверждения по всем научным критериям «бессмысленны», «нефункциональны» и «безосновательны», в действительности не имеет совершенно никакого значения. *Они работают.* Попробуйте сами и посмотрите. Как писал Алистер Кроули, никогда не друживший с миссис Эдди: «Хватит с нас этого *Потому что*! Да будет он проклят и превратится в собаку!»). Точно так же рекламный ролик не только побуждает слушателя или зрителя купить продукт спонсора, но и отбивает интерес ко всем «лжебогам», загоняя их в презренную и ничтожную упаковку «обычного» продукта.

Таков же механизм гипноза, полемики и бесчисленных прочих игр: *Почаще призывай и Почаще изгоняй.*

Читатель, который стремится к более глубокому пониманию этого принципа, может проверить его на личном опыте. Если вы опасаетесь, что, находясь в христианской среде, можете слишком всерьез воспринять мантру Христианской Науки, проведите следующий простой эксперимент. На протяжении сорока суток начинайте каждое утро с призывания благодарности и хвалы миру как манифестации египетских божеств. Декламируйте на рассвете:

Я благодарю Ра, неистовое ярко сияющее Солнце, Я благодарю Исиду-Луну в ночи, Я благодарю воздух, Гора-Сокола, Я благодарю землю, по которой хожу.

Повторяйте это на восходе Луны. Продолжайте декламировать это на протяжении сорока дней и сорока ночей. Уверяем вас, что, как минимум, вы почувствуете себя счастливее и уютнее в этой части галактики (а также лучше поймете отношение дядюшки Джона Перо к нашей планете); а как максимум, вы будете вознаграждены сверх ваших ожиданий и станете пользоваться этой мантрой всю оставшуюся жизнь. (Если результаты окажутся исключительно хорошими, вы даже можете уверовать в

древнеегипетских богов.)

Подбор магических техник, которые не покажутся оскорбительными ни одному здравомыслящему материалисту, можно найти в книге Лауры Арчеры Хаксли «*Ты не мишень*» (само это название — уже мощная мантра!), в «*Гештальт-терапии*» Перлза, Хефферлина и Гудмена и в «*Играх ума*» Мастерса и Хьюстон.

Разумеется, все они программируют вас определенным образом, манипулируя теми или иными наборами слов, звуков, образов и эмоциональной (*пращня*) энергией. Озадачивает же, ставит в тупик и раздражает современную ментальность тот аспект магии, в котором оператор программирует переживания другого человека, *действуя на расстоянии*. Утверждение, что наш господин Нкрумах Фубар может запрограммировать головную боль у Президента США, кажется материалисту немыслимым и оскорбительным. Возможно, материалист еще согласится с тем, что подобная манипуляция энергии возможна, если Президента предупредили о колдовстве господина Фубара, но он никогда не признает, что оно сработает столь же успешно, если объект магического нападения не имеет сознательного представления о проклятии.

Магическая теория о том, что $5 = 6$, не кажется ему убедительной, а ничего лучшего магии пока не предложили. Итак, материалист утверждает, что все случаи, когда магия вроде бы действительно работает в таких затруднительных условиях, — это иллюзии, заблуждения, галлюцинации, «совпадения», недоразумения, «везенье», случайность или наглый обман.

Видимо, он не понимает, что подобное утверждение равносильно утверждению, что реальность, в конце концов, термопластична — ибо он признает, что многие люди живут в иной реальности, чем он сам. Вместо того, чтобы пытаться самостоятельно разрешить это внутреннее противоречие, посоветуем ему ознакомиться с «*Психическими открытиями за Железным Занавесом*» Острандер и Шредер — и особенно внимательно с главой 11, «От животных к кибернетике: в поисках псы-теории». Возможно, когда такой материалист полностью поймет, что такое «материя», у него отпадет необходимость отрицать подлинность чего-либо в магическом *действии на расстоянии*, которое прекрасно объяснено учеными, исповедующими жесткую марксистскую форму диалектического материализма.

Те, кто поддерживает древние традиции магии, например члены Ordo Templi Orientis, понимают, что главный секрет — сексуальный (как пытается объяснить Сол в шестом трипе) и что за информацией полезнее обращаться к сочинениям Вильгельма Райха, а не к отчетам современных советских ученых. Но американское государство посадило доктора Райха в тюрьму за шарлатанство, и мы не будем предлагать нашим читателям задумываться о возможности того, что правительство США когда-нибудь в чем-нибудь ошибается.

Любой психоаналитик мгновенно догадается о наиболее вероятных символических значениях Розы и Креста, но ни один психолог, занятый исследованиями пси-энергии, не воспользовался этим ключом для расшифровки традиционных магических текстов. Самое первое упоминание о франкмасонстве на английском языке встречается в «Погребальной песни муз» Андерсона (1638):

Ибо мы братья Розового Креста,
У нас есть Массонское Слово и второе зрение.

Но ни один парапсихолог так до конца и не разглядел очевидной подсказки, заложенной в этом соединении вагинальной розы, фаллического креста, призывающего слова и феномена «мыслепроекции». С одной стороны, такая «слепота» объясняется все еще живущими в нашей культуре табу, наложенными на сексуальность. С другой стороны, она объясняется тонкими формами паранойи и страхом открыть дверь в самое коварное и зыбкое. {Если магия может работать на расстоянии, возникает предательская мысль, то кто же из нас в безопасности!} Внимательное и объективное исследование истерии против ЛСД в Америке проливает дополнительный свет на обсуждаемые здесь механизмы нежелания видеть очевидное.

Разумеется, при более глубоком изучении магии рационалиста ждут дальнейшие обиды и оскорбления. Например, все мы знаем, что слова — это лишь общепринятые условные обозначения, не обладающие никакими внутренне присущими им свойствами, которые бы роднили их с символизируемыми ими предметами. Но магия подразумевает такое употребление слов, которое вроде бы указывает на то, что подобная связь действительно существует. Читатель может проанализировать некоторые выразительные речевые обороты, которые мало кто считает магическими, и хотя бы частично понять, что к чему. Например, ритм 2 + 3 в «Слава Эриде» / «Да здравствует Дискордия» ничем не отличается от 2 + 3 в формуле «Пресвятая Мария, Матерь Господа нашего» или в девизе «L.S./M.F.T.», [72] под которым нашим родителям когда-то продавали бесчисленные блоки сигарет; да и ритм 2 + 3 в кроулиевском «Ио Пан! Ио Пан Пан!» — из этого же ряда. Таким образом, когда маг говорит, что в кульминационный и самый эмоциональный момент призывания вы *должны* кричать именно «Абрахадабра», а не какое-то другое слово, он явно преувеличивает; вы можете использовать другие слова; но вы не добьетесь результата, если сильно отклонитесь от пятидольного ритма «Абрахадабры» (Заглянув в конец Приложения Бет, читатель уберется от превратного понимания истинного смысла этих замечаний.)

Но это приводит нас к магической теории реальности.

Махатма Гуру Шри Парамаханса Шиваджи (Опять-таки Алистер Кроули под очередным литературным псевдонимом.) в «Йоге для иеху» пишет:

Рассмотрим кусок сыра. Мы говорим, что он обладает определенными качествами, формой, структурой, цветом, плотностью, весом, вкусом, запахом, консистенцией и остальным; но исследование показывает, что все это — сплошная иллюзия. Где эти качества? Определенно не в сыре, поскольку разные наблюдатели описывают его по-разному. Не в нас, поскольку мы не воспринимаем их в отсутствие сыра...

Что же тогда такое эти качества, в которых мы так уверены? Они не существуют без наших мозгов; они не существуют без сыра. Это результаты союза, то есть Йоги, видящего и видимого, субъекта и объекта...

Современный физик вряд ли может с этим поспорить, а ведь это — магическая теория вселенной. Маг предполагает, что *ощущаемая реальность* — панорама впечатлений, отслеживаемая органами чувств и поставляемая для сличения мозгу, — коренным образом отличается от так называемой объективной реальности (См. антологию «Восприятие» под редакцией Роберта Блейка, и особенно главу, написанную психологом Карлом Роджерсом, где показано, что восприятие людей изменяется, когда они проходят психотерапию. Как заметил Уильям Блейк, «Дурак видит иное дерево, чем мудрец»). По поводу последней «реальности» мы можем лишь

создавать гипотезы или теории, которые, если мы очень аккуратны и изворотливы, не противоречат ни логике, ни сообщениям органов чувств. Отсутствие противоречий — редкость; некоторые конфликты между теорией и логикой, между теорией и чувственными данными остаются скрытыми на протяжении столетий (например, отклонение орбиты Меркурия от той, которая была рассчитана Ньютоном). И даже когда противоречия отсутствуют, это доказывает лишь то, что *теория не полностью ошибочна*. Во всяком случае, это никогда не доказывает, что *теория полностью верна* — потому что в любое время из известных данных можно сконструировать бесконечное множество таких теорий. Например, все геометрии — Евклида, Гаусса и Римана, Лобачевского и Фуллера — достаточно хорошо работают на поверхности Земли, и пока еще неясно, какая система — Гаусса — Римана или Фуллера — будет лучше работать в межзвездном пространстве.

Если у нас так много свободы в выборе наших теорий «объективной реальности», то в расшифровке реальности, «данной» нам, транзакционной или *ощущаемой реальности* у нас этой свободы еще больше. Обычный человек ощущает так, как его научили ощущать, — то есть так, как его запрограммировало общество. Маг программирует себя сам. Пользуясь призыванием и вызыванием — которые, как показано выше, функционально тождественны самокондиционированию, самовнушению и гипнозу, — маг редактирует, или аранжирует, ощущаемую реальность*. (Конечно, неосознанно это делают все: см. выше о сыре. Маг, выполняя это сознательно, управляет своей реальностью.). Эта книга, будучи составляющим элементом единственного серьезного заговора, который в ней же и описывается, — то есть «Операции Мозготрах», — тоже программирует читателя, но так, что на протяжении месяцев (или, возможно, лет) он не будет этого понимать. Когда это понимание придет, прояснится и истинное значение этого Приложения (и уравнения $5 = 6$). Гарвардские чиновники воспринимали как шутку предостережение доктора Тимоти Лири о том, что не стоит разрешать студентам беспорядочно выносить из университетской библиотеки опасные, формирующие устойчивые привычки книги, если только студент убедительно не докажет необходимость чтения того или иного тома. (Например, сейчас вы уже и думать забыли о загадочных собаках Джо Малика.) Как ни странно, когда человек высказывается предельно ясно и определенно, большинство людей понимает его слова с точностью до наоборот.

Ритуал Шивы, исполненный Джо Маликом во время Черной мессы ССС, совершенно явно содержит основной секрет всей магии, но при этом большинство людей может перечитывать эту главу десятков или сотню раз, но так и не понять, что же это за секрет. Например, мисс Портинари во всем была типичной девушкой-католичкой — если бы не ее необычная склонность воспринимать католицизм всерьез, — пока не начала менструировать и ежедневно заниматься духовной медитацией. Однажды утром во время медитации она с необычной ясностью визуализировала Святое Сердце Иисуса, после чего не менее отчетливо в ее сознании сразу же возник другой образ, до глубины души поразивший ее воображение. В следующую субботу она рассказала о пережитом духовнику, и он серьезно ее предостерег, что для молодой девушки вредно заниматься медитацией, если только она не собирается стать затворницей и уйти в монастырь. У нее не было такого намерения, но она упорно (и с ощущением вины) продолжала медитировать. Будораживший воображение второй образ возникал всякий раз, как только

она думала о Святом Сердце; она начала подозревать, что этот образ посылает ей Дьявол, чтобы отвлечь от медитации (Два этих признака развития зачастую появляются одновременно вследствие открытия четвертого нервного контура, которое происходит по сигналу ДНК.). Однажды в выходные, когда она вернулась домой из монастырской школы, ее родители решили, что настала пора вводить дочь в римское общество. (На самом деле они, как и большинство состоятельных итальянских семей, для себя уже решили, какую из дочерей отдать церкви, и это была не она. Вот почему ей так рано пришлось познакомиться с *dolce vita*.) Одной из достопримечательностей Рима в то время был «эксцентричный бизнесмен международного масштаба» мистер Хагбард Челине, и в тот вечер он был на приеме, куда привели мисс Портинари.

Было уже около одиннадцати, и, возможно, она выпила слишком много «пайпер-хайдсека», когда оказалась возле небольшой группы, увлеченно слушавшей рассказ этого странного Челине. Мисс Портинари стало любопытно, о чем может рассказывать этот тип, — по общему мнению, он был еще большим циником и материалистом, чем остальные международные стяжатели, а на тот момент мисс Портинари была весьма консервативной католичкой-идеалисткой, которая считала, что капиталисты даже более отвратительны, чем социалисты. Она равнодушно прислушалась к его словам; он говорил по-английски, но она неплохо знала этот язык.

— Сынок, сынок, — декламировал Хагбард, — когда две красивые женщины добиваются твоей любви, почему ты сидишь в своей комнате и дрожишь?

Мисс Портинари вспыхнула и выпила еще немного шампанского, чтобы скрыть румянец. Она уже возненавидела этого человека, зная, что при первой же возможности отдастся ему, расставшись с девственностью; вот какие сложности бывают у интеллектуально развитых католических отроковиц.

— А юноша сказал, — продолжал Хагбард, — «Думаю, ты сама ответила на свой вопрос, ма».

Все потрясенно застыли.

— Вполне типичный случай, — вежливо добавил Хагбард, очевидно закончив рассказ. — Профессор Фрейд рассказывает о еще более поразительных семейных драмах.

— Не понимаю... — заговорил знаменитый французский автогонщик, нахмурившись. Затем он улыбнулся. — О, — сказал он, — юноша был американцем?

Мисс Портинари покинула группу, возможно, слишком поспешно (она видела, как ее проводили взглядом несколько пар глаз), и вновь быстро наполнила бокал шампанским.

Через полчаса она стояла на веранде, пытаясь прочистить мозги на свежем ночном воздухе, когда рядом с ней мелькнула тень и в облаке сигарного дыма появился Челине.

— Сегодня луна какая-то опухшая, — сказал он по-итальянски, — словно кто-то двинул ей в челюсть.

— Помимо прочих достоинств вы еще и поэт? — холодно поинтересовалась она. — Звучит как американское стихотворение.

Он рассмеялся звонко и раскатисто, словно жеребец заржал.

— Совершенно верно, — отозвался он. — Я только что приехал из Рапалло, где беседовал с самым великим американским поэтом нашего века.

Сколько вам лет? — неожиданно спросил он.

— Почти шестнадцать, — пробормотала она.

— Почти пятнадцать, — непочтительно исправил он.

— Если это что-то для вас меняет...

— Возможно, — подхватил он. — Я кое-что задумал, и для этого мне нужна девушка вашего возраста.

— Могу себе представить. Наверняка какая-то гадость. Он вышел из сумрака и подошел к ней ближе.

— Дитя мое, — сказал он, — вы религиозны?

— Уверена, вы считаете это старомодным, — ответила она, представляя его губы на своей груди и думая о портретах Марии, кормившей грудью Младенца.

— В данный исторический момент, — просто сказал он, — это единственное, что остается не старомодным. Когда вы родились? Впрочем, не говорите — должно быть, вы Дева.

— Да, — сказала она. (Его губы покусывают ее сосок, но очень нежно. Он хорошо знает, как это делать.) — Но это суеверие, а не религия.

— Хотел бы я объединить религию, суеверие и науку. — Он улыбнулся. — По-моему, они связаны и вертятся вокруг одного и того же. И, конечно же, вы католичка? — Его напористость просто бесила.

— Я слишком себя уважаю, чтобы верить в нелепость, поэтому я не протестантка, — ответила она и тут же испугалась, что он распознает плагиат.

— Какой символ для вас самый значимый? — спросил он с вкрадчивостью государственного обвинителя, расставляющего ловушку.

— Крест, — быстро ответила она. Она не хотела, чтобы он узнал правду.

— Нет, — снова без всякого почтения поправил он ее. — Святое Сердце.

И тогда она поняла, что он из лагеря Сатаны.

— Мне надо идти, — сказала она.

— Продолжайте медитировать на Святом Сердце, — сказал он со сверкающими, как у гипнотизера, глазами. (Избитый трюк, — думал он, — но может сработать.) — Медитируйте от всей души, дитя мое. Вы найдете в нем сущность католицизма — и сущность всех остальных религий.

— По-моему, вы сумасшедший, — ответила она и, позабыв о достоинстве, убежала с веранды.

Но через две недели во время утренней медитации она вдруг поняла сущность Святого Сердца. На большой перемене она исчезла — оставив одну записку настоятельнице монастырской школы, а другую своим родителям, — и отправилась на поиски Хагбарда. Она оказалась намного способнее, чем он предполагал, и (как описано в другом месте) через два года он отрекся от своих полномочий в ее пользу. Они никогда не были любовниками (* Впрочем, они были очень добрыми друзьями, и время от времени он с ней спал.).

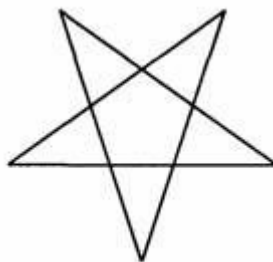
Значение символов— образов— как связующего звена между словом и изначальной энергией демонстрирует единство магии и йоги. И магия, и йога — повторяем мы вновь — это методы самопрограммирования, использующие синхронистически связанные цепочки слов, образов и биологической энергии.

Поэтому рационалисты, сплошь пуритане, никогда не задумывались о том факте, что неверие в магию встречается только в пуританских обществах. Это объясняется очень просто: пуритане не способны понять, в чем же заключается самая суть магии. Осмелимся даже с уверенностью утверждать, что только у тех, кто познал истинную любовь, в классическом альбигойском или трубадурском смысле этого выражения, есть шанс понять хотя бы простейшие разъяснения таинств (В этой книге несколько раз заявлялось об этом с предельной ясностью, но многие читатели по-прежнему интересуются, о чем мы не договариваем.).

Например, глаз в треугольнике изначально не был символом христианской Троицы, как полагают простаки, — если только сама христианская Троица не была визуальным (или вербальным) расширением, развитием и уточнением его более древнего значения. И этот символ ни в коем случае не олицетворял глаз Осириса и тем более глаз Гора, как считают некоторые; его, например, почитали в секте Као Дай во Вьетнаме, где никогда не слышали ни об Осирисе, ни о Горе. Значение глаза можно довольно легко понять, медитируя на пятнадцатом козыре Таро («Дьявол»), который на Древе Жизни соответствует еврейской букве *айн* («глаз»). Читатель, который понимает, что «Дьявол» — это лишь более поздний вариант Великого Бога Пана, уже разгадал тайну глаза, а треугольник имеет свое обычное значение. Вместе они символизируют слияние *Йод-Отца*, с *Хе-*

Матерью, как в *Йод-Хе-Вау-Хе*, священном произношении имени Бога. В результате их слияния появляется *Вау*, Святой Дух, а конечное *Хе* — это божественный экстаз, который возникает в результате слияния. Можно даже предположить, что тот, кто рассматривает такую версию тождественности Пана, Дьявола, Великого Отца и Великой Матери, в итоге придет к новому, более полному пониманию самой христианской Троицы, и особенно ее самого загадочного члена, *Вау*, вечно ускользающего Святого Духа (У этой сущности больше общего с обычным ночным гостем, которого иногда называют «призраком» или «привидением», чем с самого начала замечает непосвященный. См. документально подтвержденные случаи появления полтергейста там, где были подростки.).

Пентаграмма бывает двух видов, но всегда символизирует максимальное расширение границ человеческой психики — мужской человеческой психики в частности. Пентаграмма с одним торчащим вверх рогом, как и следовало ожидать, соответствует «правостороннему пути»; а двурогая пентаграмма — «левостороннему». (Рыцари-тамплиеры весьма искусно вписали голову Бафомета, козлиноголового божества, эквивалентного Пану или Дьяволу, в левостороннюю пентаграмму, чтобы в каждый «рог» пентаграммы попал один из рогов Бафомета.)

Левосторонняя пентаграмма
(два рога вверх)

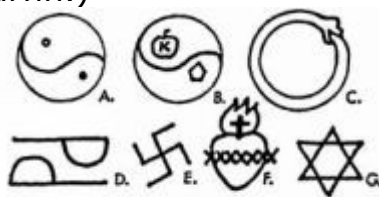
Правосторонняя пентаграмма
(один рог вверх)

Следует заметить, что традиционно зловещая (Подобное соотнесение дьявольского начала и левостороннего пути есть чрезмерное упрощение, предубеждение и суеверие. Вообще можно сказать, что левосторонняя пентаграмма подходит как для призываний, так и для вызываний, правосторонняя же — только для вызываний, и в этом единственное существенное различие. (Предполагается, что читатель воспринимает пентаграмму как исключительно мужской символ.) левосторонняя пентаграмма содержит внутренний *пятиугольник*, вершина которого направлена *вверх*, а правосторонняя — внутренний *пятиугольник*, вершина которого направлена *вниз*. Это превосходная иллюстрация Закона Противоположностей (См. козыри Таро I и II: «Маг», одна рука которого направлена вверх, а другая вниз, и «Верховная Жрица», восседающая между колоннами Дня и Ночи. (Кроме того, Жрица соответствует еврейской букве *гимел* («верблюды»), и отчасти это символическое значение можно понять, сравнивая очертания верблюжьей спины и этой буквы.). Пятиугольник в Священном Хао отклонен от перпендикуляра, так что о его вершинах нельзя сказать, что они направлены вертикально вверх или вертикально вниз, — вернее, о них можно сказать, что у них полторы вершины направлены вверх, а полторы вниз (Это делает ее совершенно бесполезной для вызывания оборотней. Однако Священное Хао и предназначено лишь для обучения философии; оно не должно привлекать субъектов с сомнительными наклонностями) — тем самым иллюстрируя Взаимодействие Противоположностей.

Без малейшего предубеждения к левосторонней пентаграмме можно сказать лишь то, что эта форма священного символа в определенном смысле всегда губительна для Святого Духа. Следует помнить, что в большинстве случаев метод правосторонней пентаграммы тоже деструктивен, особенно у тех практикующих, которые весьма откровенно осуждены Джойсом в главе 14 «Улисса», — а эта группа, безусловно, в наше время составляет большинство. С учетом экологического кризиса может быть даже разумнее практиковать левосторонний метод, отказавшись от правостороннего, чтобы уравновесить Священные Числа.

Очень мало читателей «Золотой ветви» профессора Фрэзера проникло за завесу его эвфемизма и поняло точный метод, которым воспользовалась Исида для возвращения жизни Осирису, хотя он вполне отчетливо изображен на дошедших до нас древнеегипетских фресках. Те, кто знаком с этой простой техникой воскрешения мертвых (которая, по крайней мере, отчасти проходит успешно во всех случаях и абсолютно успешно — в большинстве), без особого труда разберутся в эзотерических подтекстах Священного Хао — или даосского *Инь-Ян*, или астрологического знака Рака. Этот метод практически полностью противоположен методу пентаграмм, как правосторонней, так и левосторонней, и можно даже сказать, что в

определенном смысле под объектом магической обработки Исиды следует понимать не самого Осириса, а его брата Сета. *Во всех без исключения случаях магический или мистический символ относится к одной из очень немногих разновидностей* (Согласно одному из классических списков, их не более семидесяти.) *одного и того же весьма особого ряда человеческих жертвоприношений; и такая жертва не может быть частичной — чтобы оказаться эффективной, она должна завершиться смертью.* Дословность мышления Зауре в романе заставила их стать угрозой жизни на Земле; читателю следует иметь это в виду. Принести такую жертву не просто. Особая разновидность трусости, за три столетия охватившая все англо-саксонские страны, заставляет большинство тех, кто стремится к успеху в этой области, останавливаться на пороге смерти жертвы. *Но все, что не дотягивает до смерти — то есть полного забвения, — попросту не работает* (Маг должен всегда полностью отождествляться с жертвой и максимально разделять ее судорожную агонию. Позиция отстраненности, когда маг стоит в сторонке и наблюдает агонию, словно театральное зрелище, или попытки интеллектуального осмысления происходящего в моменты, когда меч совершает свою отвратительную, но необходимую работу, так же как чувствительность, ощущение вины или отвращения, порождает то самое двоемыслие, от которого столь темпераментно предостерегает Хагбард в брошюре *«Не свисти, когда писаешь»*. В каком-то смысле умирает только разум). (Можно найти больше ясности по поводу этого важного момента в поэзии Джона Донна, чем в большинстве трактатов, якобы объясняющих тайны магии.)

А. Инь-Ян; В. Санцзённое Хаос; С. Уроборос — змей, кусающий себя за хвост;
D. Астрологический символ знака Рака; Е. Свастика;
F. Римско-католическое Святое Сердце; G. Гексаграмма.

Символизм свастики довольно неплохо объясняется в книге Вильгельма Райха *«Массовая психология фашизма»*.

Уроборос, или змей, кусающий себя за хвост, считается основной эмблемой мессы Святого Духа (См.: Израэль Регарди. *Древо Жизни.*) . Римско-католический символизм Святого Сердца поразительно очевиден, особенно для читателей Фрэзера и Пэйн-Найта. По существу, тот же смысл передает традиционный карикатурный Купидон, чья стрела поражает красное пульсирующее сердце. Это фундаментальный смысл умирающего и воскресающего бога. Отождествление Христа с пеликаном, протыкающим клювом собственное сердце (чтобы выкормить птенцов), — вариация на ту же тему. Мы повторяем: только потому, что семейка Зауре столь неверно толковала эти простые символы, они стали жестокими и садистскими.

В сущности, это означает, что основные символы магии, мифологии и религии — западной или восточной, древней или современной, «правой руки» или «левой руки» — весьма просты и лишь вредная привычка поиска предполагаемых «глубин» и «тайн» мешает людям толковать их автоматически и почти без раздумья. Значение гексаграммы — женского эквивалента мужской пентаграммы — было объяснено самим Фрейдом, но многие студенты, убежденные, что ответ не может быть таким элементарным и приземленным, продолжают обращать взор к небу.

Те же принципы применимы к письменным символам. Например, сверхважное имя Йод-Хе-Вау-Хе (YHVN) традиционно раскладывается на составляющие на разных уровнях. Самые значимые его корреляции приводятся в следующей таблице:

	ЙОД	ХЕ	ВАУ	ХЕ
Истинное значение еврейских букв	Кулак (или сперматозоид)	Окно	Гвоздь	Окно
Традиционный магический код	Отец	Мать	Сын	Дочь
Мать Таро	Жезлы	Чаши	Мечи	Пентакли (или Диск)
Козырь Таро	Отшельник	Звезда	Иерофант	Звезда
Фигурная карта Таро ¹¹	Рыцарь	Королева	Принц	Принцесса
Элемент	Огонь	Вода	Воздух	Земля

В эту таблицу прекрасно вписывается и традиционный символизм льва, человека, орла и тельца (ЙОД, огненный отец, — это лев (знак огня); ХЕ, водная мать, — это человек, олицетворяемый всем человечеством; ВАУ, воздушный дух, — это орел; последнее ХЕ, земля, — это телец.), как и четверо джойсовских старцев в «Поминках по Финнегану» (Маркус Лайонс (т. е. лев) — это огненный отец; Мэтт Грегори (т. е. эго) — это водная мать; Джон Макдугалл (т. е. eagle, орел) — это воздушный сын; Люк Тарпи (*taunts*, телец) — это земная дочь); этот же символизм можно найти в старинных ацтекских кодексах и буддийских мандалах.

Разумеется, основное и изначальное предназначение этого имени — быть программой для ритуала, а ритуал — это магия. Четыре буквы — это просто четыре фазы в формуле Вильгельма Райха: мышечное напряжение -> электрический заряд -> электрический разряд -> мышечное расслабление. Короче говоря, как однажды заметил Фрейд, в каждом половом акте участвуют, как минимум, четыре стороны. Отец и сын предоставляют «кулак» и «гвоздь»; мать и дочь обеспечивают два «окна». История чикагского убийцы-шизофреника Уильяма Хейренса, который испытывал оргазм, пролезая через окна, демонстрирует, что этому символизму не нужно учить, ибо он присущ человеческой натуре, хотя, как проиллюстрировали Зауре, не защищен от искажений.

И, наконец, с формулой YHVN тесно связана уже упоминавшаяся универсальная благодарность:

Я благодарю Ра, неистовое ярко сияющее Солнце,

Я благодарю Исиду-Луну в ночи,

Я благодарю воздух, Гора-Сокола,

Я благодарю землю, по которой хожу. Здесь присутствуют все они — и огненный отец, и водная мать, и воздушный сын, и земная дочь, как присутствуют они и в каждой алхимической формуле (В этой связи — а также, кстати, в качестве свидетельства того, что связь между Адольфом Гитлером и иллюминатами не была придумана для данного «художественного» произведения, — мы рекомендуем читателю заглянуть в «Утро магов» Повеля и Бержье). Но больше ни слова, дабы читатель не начал искать равенство $5 = 4$, уравнивающее уже известное нам равенство $5 = 6$.

И, наконец, последнее предостережение и пояснение: массовые жертвоприношения (как у ацтеков, в католической инквизиции и в нацистских лагерях смерти) — это инструмент тех, кто не способен совершить истинный Ритуал Умиравшего Бога.

Приложение Йод Операция «Мозготрах»

Операция «Мозготрах», или ОМ, была спровоцирована Хо Ши Дзэном[74] из Эридианского Фронта Освобождения, тем же человеком, но не тем же индивидуумом, что и лорд Омар Хайям Равен-хурст, автор «Честной Книги Истины». Философия ОМ сформулирована еще в «Теории игр и экономическом поведении» фон Неймана и Моргенштерна. Ее суть состоит в том, что единственная стратегия, которую не сможет предсказать оппонент, — это *случайная* стратегия. Основы же Операции были заложены еще покойным Малаклипсом Младшим, Х. С. Х., когда он провозгласил: «Мы, дискордианцы, должны держаться врозь». Эта радикальная децентрализация всех дискордианских предприятий создала «встроенный случайный фактор» еще до того, как была предложена Операция «Мозготрах». До сегодняшнего дня ни сам Хо Ши Дзэн, ни любой другой дискордианский апостол не знает наверняка, кто участвует или не участвует в различных фазах Операции «Мозготрах» и какие виды деятельности являются или не являются частью этого проекта. Таким образом, любой человек «со стороны» мгновенно попадает в так называемый «двойной зажим», путаясь и теряясь в ловушке противоречий: единственное «безопасное» допущение, согласно которому все, что делает дискордианец, каким-то образом связано с ОМ, ведет прямым к паранойе, поэтому в конце концов выясняется, что это допущение *небезопасно*. А вот «рискованная» гипотеза, согласно которой любые действия дискордианцев безвредны, в конечном счете может, с большой долей вероятности, оказаться *намного безопаснее*. **Каждый аспект ОМ влечет за собой или углубляет этот «двойной зажим»** (Под «двойным зажимом» (*double bind*) антрополог Грегори Бейтсон понимал ситуацию, в которой нужно выбирать между двумя неприятными и притом взаимоисключающими альтернативами. Хороший пример такой ситуации предложил Уильям Бер-роуз: натаскайте призывника, чтобы он немедленно подчинялся приказам «встать» и «сесть», а затем пусть два офицера одновременно отдадут ему оба приказа. Выполнение первого приказа означает невыполнение второго, и наоборот. Очевидно, у призывника должна съехать крыша).

Проекты **ОМ** бывают разными — от простейших до масштабных.

В качестве примера простейшего проекта вспомним резиновую печать доктора Мордехая Малигнатуса с надписью **СМ. ЗАПИСИ В КАРТОЧКЕ ПСИХОДИСПАНСЕРНОГО УЧЕТА**. (Доктор Ма-лигнатус прихватил ее в больнице, пока никто не видел.) Все почтовые отправления, которые доктор Малигнатус считает глупыми или оскорбительными — особенно если они поступают из государственных учреждений, — он проштамповывает печатью с таким указанием и отправляет обратно нераспечатанными. Это вызывает немалое замешательство в стане бюрократов.

Примером масштабного проекта может служить акция, получившая название *джейк* и впервые спровоцированная Гарольдом Лордом Рандомфактором. Один или два раза в год государственный служащий, который отличился особым идиотизмом, выбирается мишенью для «Рассылки» и все дискордианские группы поднимаются по тревоге — многочисленные отделения Эридианского Фронта Освобождения, «Двенадцать знаменитых умов Будды», «Иконистарий Св. Гулика», «Граф Девяток», «Тактильный храм Эриды Эротической», «Братство Похоти Христовой», «Грин энд Плезант Энтерпрайзес», Общество «За моральное согласие и обучение», «Инсекта», «Пантеры Золотого Яблока», «Орден

Паратео-Анаметамистиков Эриды Эзотерической», «Кафе Сэма», «Сиэтлская группа», «Клика Каменного Дракона», «Универсальная Эридианская церковь» и «Молодые американцы за подлинную свободу» ("Все это реальные группы, которые в настоящее время действуют в США. (Вы в это верите?)). В день джейка чествуемый государственный служащий получает письма от всех вышеперечисленных организаций на их фирменных бланках (следует признать, весьма странно оформленных) с просьбой о помощи в некоем сложном политическом вопросе, который превосходит всякое рациональное понимание. Удостоенный такой чести чиновник может сделать вывод, что-либо он стал мишенью заговора, составленного сплошь из психов, либо население обладает гораздо более богатым воображением, чем он считал раньше.

Между простейшими и масштабными проектами есть множество проектов ОМ, которые можно назвать «хроническими».

Из них достойно особого внимания «почетное членство». Не желая никого отлучать от членства в Эридианском движении из-за такой формальности, как неэридианство, легендарный Малаклипс Младший изобрел несколько почетных анэристических групп. Сейчас в любой дискордианской клике стало традицией назначать в какую-нибудь из таких групп людей, отличающихся явно анэристи-ческим поведением. Например, директор школы, который выступил на собрании с особо волнующей речью на какую-нибудь тему вроде «Военный призыв как защита наших свобод» (или, скажем, «Налогообложение как защита нашей собственности»), впоследствии может получить вот такое письмо:

ОРДЕН АНГЕЛА ПАВЛИНА

Совет Апостолов Эриды

(S) Сохраните это письмо; это важный исторический документ. () После прочтения сжечь — подрывная литература. () Не обращайтесь и продолжайте заниматься тем, чем занимались до вскрытия конверта.

(S) Сударь, () Сударыня, () Дружище,

Недавно до нас дошло известие, что вы, в официальном качестве директора школы имени Аарона Барра, сказали на общем собрании, не моргнув глазом, что смерть от напалма «на самом деле не более мучительна, чем от гриппа» и что у восточных людей «более толстая кожа, чем у белых, поэтому они менее чувствительны».

В Нашем официальном качестве Верховного Жреца Главного Храма Совета Апостолов Эриды Мы поздравляем вас за помощь в возвращении американского образования на должный уровень, к зависти и отчаянию всех других (и, следовательно, худших) образовательных систем.

Настоящим вы назначаетесь генералом Бюро Подотдела Департамента Ордена Рыцарей Пятистенного Замка (Клика Кихота) и наделяетесь полномочиями стрелять шрапнелью по друзьям и бомбить соседей.

Если у вас появятся ответы, мы с радостью предоставим вам исчерпывающие и подробные вопросы.

Именем Ла-Манчи,
Теофобия Старший,

Верховный Жрец Главного Храма

Слава Эриде — Да здравствует Дискордия — Каллисти

На этот документ проставляются очень изящные, красные и синие

штампы: **«Официально! Не использовать в качестве туалетной бумаги»**, **«Лично! Секретно!»**, **«Кихот жив!»** и т. п., приклеиваются печати Пасхального Кролика, ленты и прочие красоты по выбору местной клики. Зачастую к письму прилагается генеральский нагрудный знак или шеврон, украшенный классическим изображением **Рыцаря Печального Образа**. Естественно, радикально настроенным школьникам рассылаются копии, чтобы в ближайшее время директор как можно чаще слышал имя Дон Кихота и не думал, что имеет дело с одним «безобидным сумасшедшим». (Надо ли говорить, что официальный символ Рыцарей Пятистенного Замка — пятиугольник с золотым яблоком внутри?)

К другим группам, почетное членство в которых можно получить за явно анэристическое поведение, относятся:

— «Братство Цикуты» — для университетского руководства, которое активно защищало студентов от тлетворных идей и (или) увольняло «неправильных» преподавателей;

— «Общество Св. Голода за Войну со Злом» — для людей, проявивших необычную заботу о моральном поведении соседей (Ежегодные встречи проводятся на Пире Св. Голода в Мексике, во «Дворце Инквизи-тадора», город Сан-Мигель-де-Альенде (Мексика));

— «Общество Плоской Земли» — для законодателей или гражданских групп, активно препятствующих распространению «модернистских» идей в образовании (Члены получают красивый вымпел, на котором написано: «В ГЛУБИНЕ ДУШИ ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО ОНА ПЛОСКАЯ»);

— «Братский орден ненависти» — для людей, называющих себя либералистами, но только в том случае, если они демонстрируют явно авторитарное поведение и создали философию, согласно которой такое поведение на самом деле является либералистским. (Группа, нашедшая лучшее либералистское оправдание для подавления свобод, награждается ежегодной премией имени Уильяма Бакли и почетным членством в «Обществе Св. Голода за Войну со Злом».);

— «Первая евангелическая и реформированная церковь Ранд, Брандена и Святого Голта» — для тех, кто одновременно является рационалистами и догматиками;

— «Авангардная партия решения проблем» — для всех Высоких Слуг Народа, которые продемонстрировали небывалое усердие по части избавления от самого народа как основного источника проблем.

Перечислим некоторые другие аспекты Операции «Мозготрах»:

— *Проект «Орел»*. Печатаются яркие плакаты, похожие на классические воззвания: «To the Polls Ye Sons of Freedom»[75]. В новом, улучшенном варианте изменено всего лишь одно маленькое словечко, и плакаты радостно призывают: «Burn the Polls Ye Sons of Freedom»[76]. Вывешиваются накануне выборов на самых видных местах.

— *Проект «Пан-понтификация»*. После того как его преподобие Керби Хенсли основал Церковь Вселенской Жизни и начал посвящать *всех желающих* в проповедники, Орден Паратео-Ана-метамистиков Эриды Эзотерической решил повысить ставки. Сейчас они распространяют такие карточки:

**ПРЕДЪЯВИТЕЛЬ ЭТОЙ КАРТОЧКИ -
НАСТОЯЩИЙ И ПОЛНОМОЧНЫЙ
ПАПА,**

так что *просим* относиться к нему соответственно.

СРОК ДЕЙСТВИЯ: ВЕЧНО

Выдано Советом Апостолов Эриды.

Каждый человек на Земле — настоящий и полномочный Папа.

В карточках для феминисток все слова ставятся в женском роде, а вместо «Папы» пишется «Мама».

— *Проекты «Граффити» и «Бамперные наклейки»* открыты для всех желающих. Надо просто придумать хороший эридианский лозунг и постараться, чтобы он получил максимально широкое распространение. Примеры: *«Полицейские вооружены и очень опасны»; «Даешь убийство свободного предпринимательства!»; «Почему правители должны получать весь кайф!»; «Уничтожим государственную почтовую монополию»; «Если бы голосование могло изменить Систему, оно было бы незаконным»; и т. д.*

— *«Граждане против злоупотребления наркотиками»*. Эта организация рассылает конгрессменам письма на изящных официальных бланках, призывая объявить незаконным употребление кошачьей мяты — наркотика, который курят некоторые молодые люди, когда у них нет марихуаны. Идея такова: правительство настолько утратило доверие молодежи из-за того, что вело войну с марихуаной (недавний опрос общественного мнения, проведенный ЭФО, показал, что в некоторых крупных городах значительная часть молодежи в возрасте до двадцати пяти лет не верит в реальность полетов человека на Луну и считает, что все «лунные» съемки проводились в американской пустыне), что кампания против похожей, но совсем уж смехотворной травки должна уничтожить последние остатки доверия к «людям в Вашингтоне».

Приложение Тет Брошюра Хагбарда

Уступая продолжительным и настойчивым просьбам авторов, Хагбард Челине наконец разрешил нам процитировать еще несколько поучительных отрывков из его брошюры *«Не свисти, когда писаешь»* (Как он нам сообщил, это название заимствовано из книги Р. Х. Блайта *«Дзэн в английской литературе и восточной классике»*. Блайт, изучая *дзадзэн* (сидячую медитацию) в одном монастыре в Киото, спросил *роси* (наставника), есть ли еще какая-то дисциплина, которой ему следовало бы овладеть, чтобы ускорить свой прогресс. Роси ответил кратко: *«Не свисти, когда писаешь»*). (Сначала он хотел, чтобы мы напечатали все произведение целиком.)

Итак, перед вами несколько ключей к странной голове Хагбарда Челине.

* * *

Однажды я стал свидетелем спора двух ботаников по поводу Проклятой Штуковины, которая нагло выросла во дворе колледжа. Один утверждал, что эта Проклятая Штуковина — дерево, второй же считал ее кустарником. У каждого из них были веские научные аргументы, и, когда я уходил, дискуссия была далека от завершения.

Мир постоянно порождает такие Проклятые Штуковины — штуковины, которые не назовешь ни деревом, ни кустарником, ни рыбой, ни птицей, ни черным, ни белым, — и философ, привыкший мыслить категориями, не может

не считать этот колющий и жужжащий мир чувственных данных глубочайшим оскорблением его картотечной системе классификаций. Отвратительнее всего те данные, которые противоречат «здравому смыслу», этой ужасной трясине предубеждений и инертности мышления. Вся история науки — это одиссея безумного классификатора, бесконечно плавающего между такими Проклятыми Штуковинами и отчаянно пытающегося впихнуть их в свои классификации; вся история политики — это бесконечный эпос о бесполезных попытках построить все Проклятые Штуковины и заставить их маршировать строем.

Каждая идеология означает ментальное убийство, сведение живых динамических процессов к статическим классификациям, и каждый акт классификации — это Проклятие, как каждое включение — это исключение. В оживленной и шумной вселенной, где нет двух одинаковых снежинок, двух одинаковых деревьев и двух одинаковых людей (и даже, как нас уверяют, мельчайшая субатомная частица через микросекунду перестает быть тождественной самой себе), любая система классификаций — это самообман. «Или, формулируя более милосердно, — как говорил Ницше, — все мы большие творцы, чем себе представляем».

Нетрудно понять, что ярлык «еврей» был Проклятием в нацистской Германии, но на самом деле этот ярлык — Проклятие повсюду, даже там, где не знают о существовании антисемитизма. «Он еврей», «он врач» и «он поэт» для картотечного центра в коре головного мозга означает, что мои впечатления о *нем* будут такими же, как о других евреях, других врачах и других поэтах. Итак, когда утверждается тождественность — отрицается индивидуальность!

Понаблюдайте за этим механизмом в действии в любом месте, где встречаются незнакомые люди. За внешним дружелюбием всегда просматривается осторожное зондирование: каждый ищет ярлык, который отождествит и Проклянет другого. Наконец ярлык обнаруживается: «А, так он рекламный агент», «А, так он токарь». Оба расслабляются, потому что теперь знают, как себя вести и какие играть роли в этой игре. Девяносто девять процентов каждого из них Проклято; собеседник реагирует только на тот один оставшийся процент, на котором наклеен классификационный ярлык.

Безусловно, некоторые Проклятия социально и интеллектуально необходимы. Кремовый торт, брошенный в лицо комика, будет Проклят физиком с точки зрения ньютоновских законов механики. Физические уравнения расскажут нам все, что мы захотим узнать, о силе столкновения торта с лицом, но не скажут ни слова о том, что тортометание означает *для людей*. Культуролог — антрополог, анализируя социальную функцию комика как шамана, придворного шута и суррогатного короля, объяснит, что тортометание — это пережиток Пира Дураков и убийство королевского двойника. Он Проклинает то же событие совсем по-другому. Психоаналитик, обнаруживший здесь эдипов ритуал кастрации, выполнит третье Проклятие, а марксист, учувявший подавляемую ненависть рабочих к боссу, — четвертое... У каждого Проклятия есть своя ценность и свое применение, но, тем не менее, оно останется Проклятием, *пока не будет признан его частичный и условный характер*.

Поэт, который сравнивает торт на лице комика с Упадком Запада или с потерей любви, совершает пятое Проклятие, но в этом случае игровой элемент и капризность символизма вполне очевидны. По крайней мере, на

это можно надеяться, хотя периодическое чтение «новых критиков» заставляет в этом усомниться.

Человеческое общество может быть структурировано либо по принципу власти, либо по принципу свободы. Власть — это статическая социальная конфигурация, в которой люди действуют как начальники и подчиненные: это садомазохистские отношения. Свобода — это динамическая социальная конфигурация, в которой люди ведут себя как равные: это отношения эротические. В каждом взаимодействии между людьми либо Власть, либо Свобода оказывается доминирующим фактором. Семьи, церкви, ложи, клубы и корпорации либо более авторитарны, чем демократичны, либо более демократичны, чем авторитарны.

Чем дальше, тем более очевидно, что самая агрессивная и нетерпимая форма власти — это Государство, даже сегодня осмеливающееся претендовать на абсолютизм, от которого давно отказалась даже сама Церковь, и обеспечивающее послушание с помощью старых и позорных методов церковной инквизиции. Впрочем, любая форма авторитаризма представляет собой маленькое «Государство», даже если состоит только из двух членов. Наблюдение Фрейда, что заблуждение одного человека — это невроз, а заблуждение многих — религия, можно обобщить: авторитаризм одного человека — это преступление, а авторитаризм многих — Государство. Бенджамин Такер правильно писал: Агрессия — это просто синоним правительства. Агрессия, интервенция, правительство — термины взаимозаменяемые. Сущность правительства — управление или попытка управлять. Тот, кто пытается управлять другими, — правитель, агрессор, интервент; и характер такой интервенции не меняется, осуществляет ли ее один человек по отношению к другому человеку на манер обычного преступника, или один человек по отношению к другим людям на манер абсолютного монарха, или все люди по отношению к одному человеку на манер современной демократии. Такер удивительно точно употребил слово «интервенция», учитывая, что он писал это более пятидесяти лет назад, до фундаментальных открытий этологии. Каждый акт власти — это фактически интервенция, или вторжение на чужую психическую и физическую территорию.

Каждый научный факт когда-то был Проклят. Каждое изобретение считалось неосуществимым. Каждое открытие вызывало нервный шок у какой-нибудь ортодоксии. Каждое новаторство в искусстве объявлялось подделкой и глупостью. Вся ткань культуры и «прогресса», все на Земле, что сделано человеческими руками, а не дано нам природой, есть вещественное проявление отказа того или иного человека кланяться Власти. Мы ничем бы не обладали, ничего не знали и были бы такими же, как первые человекообразные обезьяны, не будь на свете мятежников, раскольников и диссидентов. Как верно подметил Оскар Уайльд, «Непослушание было Первородной Добродетелью человека».

Человеческий мозг, который любит читать о себе как о самом удивительном *органе восприятия* во вселенной, гораздо более удивителен как *орган неприятия*. Голые факты нашей экономической игры легко проверяемы и неоспоримы, но консерваторы — к которым, как правило, относятся люди, ежедневно извлекающие выгоду из этих фактов, — умудряются их не замечать или же смотреть на них через очень кривые розовые очки. (В свою очередь, революционер игнорирует все свидетельства истории о том, что естественный ход революции — это насилие, затем хаос,

затем возвращение «на круги своя».)

Мы должны помнить о том, что *мысль — это абстракция*. Как подметил Эйнштейн, связь между физическим фактом и нашим ментальным восприятием этого факта не похожа на связь между мясом и мясным бульоном как продуктом вытяжки и сжижения; скорее она похожа на связь между нашим пальто и номерком, который нам выдают, когда мы сдаем пальто в гардероб. Другими словами, человеческое восприятие больше подразумевает *кодирование*, чем примитивное *чувствование*. Каркас языка, или математики, или школы искусств, или любой системы человеческой абстракции придает нашим мысленным конструкциям структуру, причем не реального факта, а символической системы, в которой он закодирован, точно так же как картограф закрашивает страну пурпурным цветом не потому, что она *действительно* пурпурная, а потому, что этого требует его кодировка. Но каждый код одни вещи исключает, другие затемняет, а третьи слишком подчеркивает. Знаменитый прыжок Нижинского через окно в финале «*Призрака розы*» лучше всего кодируется в системе представлений балета, которой пользуются хореографы. Язык слов совершенно не способен его выразить. Живопись или скульптура могут в совершенстве поймать и передать волшебство одного мгновения, но только одного, из всего прыжка. Уравнение физики **Сила = Масса × Ускорение** проясняет один аспект прыжка, не описанный другими кодировками, но упускает все остальное. Каждый акт восприятия определяется формируется и структурируется излюбленными привычками кодировки (или привычками мысленной игры) воспринимающего.

Вообще власть — это функция от кодировки (или правил игры). Вновь и вновь появляются люди, которые, вооружившись вилами, дают бой армиям, оснащенным артиллерией; но вновь и вновь люди послушно повинуются самым безвольным и нерешительным тиранам. Все зависит от того, до какой степени кодировка искажает восприятие и формирует физические (и ментальные) условные рефлексy.

На первый взгляд кажется, что власть вообще не могла бы существовать, если бы все люди были трусливы или если бы трусливых людей не было вовсе, и на самом деле власть процветает только потому, что большинство людей — трусы, а часть людей — воры. На самом деле как правящий класс, так и класс рабов редко отдает себе сознательный отчет в этой внутренней динамике трусости и покорности с одной стороны — и героизма и бунтарства с другой. Подчинение отождествляется не с трусостью, но с добродетелью, а бунтарство не с героизмом, но со злом. Для римского рабовладельца Спартак был не героем, а послушные рабы — не трусами; нет, Спартак был злодеем, а послушные рабы — добродетельными. Послушные рабы в это тоже верили. Послушный всегда считает себя добродетельным, а не трусливым.

Если власть подразумевает подчинение, свобода подразумевает равенство; власть существует, когда один человек подчиняется другому, а свобода — когда люди не подчиняются другим людям. Таким образом, фраза «власть существует» равносильна фразам «существуют классы и касты» или «существуют подчинение и неравенство». Фраза «свобода существует» равносильна фразам «существует бесклассовость», «существует равенство и братство».

Разделяя людей на классы, власть порождает расслоение, раскол, антагонизм, страх, разобщенность. Свобода, ставя людей в равное положение, порождает сотрудничество, сплоченность, согласие, ощущение

безопасности. Когда отношения между людьми основаны на власти и принуждении, они расходятся; когда на свободе и отсутствии агрессии — люди тянутся друг к другу.

Эти факты самоочевидны и не требуют доказательств. Если бы авторитаризм не обладал встроенной, заранее запрограммированной структурой Бесконечной Игры, люди давным-давно от него отказались бы и выбрали свободу.

Обычный пацифист, жалуясь на войну и на то, что молодых людей отправляют на смерть старики-бюрократы, которые сидят в своих кабинетах и ничем не рискуют, упускает самое главное. Требования призывать в армию самих стариков, чтобы они сражались на им же развязанных войнах, или в первый же день войны отправлять на передовую руководителей воюющих государств, и т. п., взывают к так называемому «чувству справедливости», которого попросту не существует. Типичный послушный гражданин авторитарного общества считает нормальным, очевидным и «естественным», что он должен слушаться старших и доминирующих самцов, даже рискуя жизнью, даже вопреки интересам его близких, даже в случаях, которые явно несправедливы и абсурдны.

«Атака легкой бригады» — история группы молодых самцов, отправившихся на явную смерть в вопиюще идиотской ситуации только потому, что они подчинились бессмысленному приказу, — была и остается популярной поэмой [77], поскольку бездумное подчинение молодых самцов старшим самцам было и остается наиболее ценным из всех условных рефлексов и в обществе приматов, и в обществе людей.

Необходимость подчиняться власти вводится в человеческое сознание с помощью такого механизма, как *кодирование восприятия*. То, что соответствует коду, считается приемлемым; все остальное Проклинается. А все Проклятое игнорируется, оставляется без внимания, не замечается, а в идеале — полностью забывается.

Самая отвратительная форма Проклятия резервируется для тех вещей, которые невозможно игнорировать. Сначала их покрывают толстым слоем сознательно навязываемых предубеждений, пока они не станут совершенно неузнаваемыми. А потом уже их можно загнать в систему, классифицировать, инвентаризировать и благополучно похоронить. Именно это происходит с каждой Проклятой Штуковиной, которая слишком колюча и цепка, чтобы ее можно было полностью искоренить. Как подметил Джосая Уоррен, «Опасно понимать новые вещи слишком быстро». Мы их практически никогда не понимали. Мы их убивали и мумифицировали трупы.

Возможно, *монополия на средства коммуникации* характеризует правящую элиту точнее, чем знаменитая марксистская формула «монополия на средства производства». Поскольку человек расширяет свою нервную систему с помощью таких каналов передачи информации, как письменное слово, телефон, радио и т. п., тот, кто контролирует эти средства, контролирует часть нервной системы каждого члена общества. Информационное содержание средств коммуникации становится частью содержания сознания каждого отдельного человека.

Так, в дописьменных обществах табу на устное слово были более многочисленными и жесткими, чем на любом более сложном уровне общественной организации. С изобретением письменности — иероглифической, идеографической или алфавитной — табуированию подвергается уже в основном этот носитель информации; общество

проявляет меньше внимания к тому, что люди *говорят*, и больше к тому, что *пишут*. (Очевидно, в некоторых первых обществах, где появилась письменность, вроде Египта или культуры майя, знание иероглифов сохранялось в религиозной тайне, доступ к которой имели лишь высшие представители жречества и царских семей.) И этот процесс бесконечен: каждый шаг вперед в технологии передачи информации табуируется намного жестче, чем все предыдущие шаги. В современной Америке (после Ленни Брюса) редко услышишь об обвинительных приговорах, вынесенных за изреченное кощунство или ругательство. По-прежнему продолжают преследования книг, но суды высших инстанций все чаще толкуют законы либерально, и многие писатели уверены, что могут печатать практически все. Фильмы утратили былой сакральный характер почти в такой же степени, как и книги, хотя в этой области битва еще в полном разгаре. И только телевидение, новое средство массовой информации, по-прежнему опутано сетями первобытных табу. (Когда телевизионные шаманы совершили акт *оскорбления величества* после выступления тогдашнего Доминирующего Самца, некоего Ричарда Никсона, один из его заместителей быстро их проинформировал, что они переступили черту, и все племя— кроме диссидентствующего меньшинства— приветствовало такую защиту традиции.) Когда появится более эффективная информационная среда, табу на телевидении станет меньше.

Примечания редактора

В третьей части...

В «Левиафане» все основные герои «Иллюминатуса!» завершают свои дискордианские инициации и собираются вокруг Хагбарда Челине. На рок-фестивале в Ингольштадте (Бавария) они принимают «последний и решительный бой» с иллюминатами, причем выясняется много любопытного о природе последних...

* * *

— Сегодня я видел лох-несское чудовище, — сказал Джордж. — Хагбард говорил о нем в женском роде, и это меня удивило. Но вообще я впервые слышу всю эту историю о змеях. Я считал символом иллюминатов глаз в пирамиде.

— Большой Глаз — это их самый главный символ, — сказал Малаклипс, — но вовсе не единственный. Есть еще Розовый Крест. Но особенно популярны змеиные символы. Глаз в пирамиде и змей часто изображаются вместе и символизируют морское чудовище, Левиафана, чьи щупальца суть змеи, а тело — пирамида с одним гигантским глазом. Символ свастики, широко распространенный в этих краях пару десятилетий назад, изначально был стилизованным изображением Левиафана с его многочисленными щупальцами. В первых вариантах у свастики было более четырех загнутых концов, а в ее центре часто изображался треугольник и даже глаз в треугольнике. Общеизвестная переходная форма свастики — это треугольник, стороны которого выступают наружу и загибаются на конце,

формируя щупальца. На каждый из трех углов приходится по два щупальца, что символизирует число *двадцать три*. Польские археологи обнаружили свастику, нарисованную на стене пещеры. Этот рисунок сделан в кроманьонский период, вскоре после падения Атлантиды, и на нем изображена прекрасная пирамида с охряным глазом в центре и двадцатью тремя щупальцами, закрученными вокруг нее.

— Вот пять альтернативных историй, — сказал Груад, озорно прищурив старые мудрые глаза. — Каждый из вас будет отвечать за распространение свидетельств, позволяющих считать одну из этих историй совершенно достоверной. Ву Топод, ты займешься историей Каркозы. Эвоэ, на тебе будет континент Му. — Он вручил каждому по увесистому конверту. — Гао Дводин, ты займешься этой очаровательной змеиной историей: я хочу, чтобы различные ее варианты встречались по всей Африке и Азии. — Он вручил еще один конверт. — Уника, ты получаешь историю Урантии, но она должна быть обнародована лишь к самому концу Игры. — Он взял пятый конверт и снова улыбнулся. — Каджеси, любовь моя, ты будешь распространять историю Атлантиды, но с некоторыми изменениями, которые выставят нас самыми отъявленными негодяями в земной истории. А теперь я объясню вам смысл всего этого...

* * *

Единственным местом встречи всех пяти Первоиллюминатов был большой зал Груада в Агхарт, иллюминатской цитадели в Гималаях, сооруженной 30 000 лет назад и имеющей выход в гигантское подземное Валусийское море.

— Будем докладывать в обычном порядке, — сказал брат Гракх Груад, нажимая на кнопку в столе и включая магнитофонную запись для иллюминатских архивов. — Прежде всего Фернандо-По. Теперь реализация наших планов зависит от капитана Эрнесто Текилья-и-Моты, одного из немногих белых, которые еще остались на Фернандо-По. У него есть большие связи среди богатых буби, поддерживающих сепаратизм, и к тому же он безмерно честолюбив. Не думаю, что нам нужно вносить изменения в сроки.

— Надеюсь, что не придется, — сказал брат Марк Маркони. — Было бы просто стыдно не имманентизировать Эсхатон первого мая!

— Мы пока не можем с полной уверенностью рассчитывать на первое мая, — сказал брат Гракх Груад. — Но если у нас будет три различных плана, работающих на эту дату, один из них обязательно сработает. Слушаем тебя, брат Марк.

— Чарльз Мочениго уже подбирается к идее «антракс-лепра-мю». Еще несколько своевременных ночных кошмаров, и дело будет в шляпе.

Следующей говорила сестра Феда Феодора.

— Атланта Хоуп и «Божья молния» становятся все более влиятельными. Когда придет время, Президент будет бояться ее до смерти и решится стать еще большим тоталитаристом, чем она, лишь бы не допустить ее к власти.

— Я не доверяю Дрейку, — сказал брат Марк Маркони.

— Естественно, — сказал брат Гракх Груад. — Но он построил себе дом у моря.

— А строящий у моря строит на песке, — заметил брат Отто Огатай. — Моя очередь. Наша пластинка *«Подавайте, сострадайте, подавляйте»* стала международным хитом. Наше следующее гастрольное турне по Европе

обещает грандиозный успех. Тогда мы сможем начать, не торопясь и очень осторожно, переговоры насчет фестиваля «Вальпургиева ночь». Разумеется, любого, кто попытается преждевременно форсировать эту идею, придется осаживать.

— Или ликвидировать, — сказал брат Гракх Груад. Он посмотрел на того, кто сидел отдельно от всех, на дальнем конце стола: — Теперь твоя очередь. Все это время ты молчал. Что ты можешь сказать?

Тот расхохотался.

— Пару слов от скелета на празднике, а? — Это был пятый и самый грозный Первоиллюминат, брат Генри Хастур, единственный, кому хватило наглости назвать себя именем ллойгора. — Сказано, что вселенная — это грубая шутка, которую общее сыграло над частным. Не спешите смеяться или плакать, если вы согласны с этим изречением. Я могу вам сказать лишь одно: существует серьезная угроза осуществлению всех ваших планов. Я вас предупреждаю. Вы предупреждены. Вы все можете погибнуть. Вы боитесь смерти? Отвечать не обязательно — я вижу, что боитесь. И сам этот страх может быть ошибкой. Я пытался вам объяснить, почему не стоит бояться смерти, но вы меня не слушали. И в этом источник всех ваших проблем...

Краткая история саги об Иллюминатах

Роберт Антон Уилсон (перевод Андрея Костенко, с сокращениями)

Боб Шей и я начали писать трилогию «Иллюминатус!» в 1969 году, и вдохновила нас на это наша работа в качестве редакторов «Форума Плейбоя», посвященного гражданским свободам, правам личности и злоупотреблениям властью.

Разумеется, кроме многочисленных писем от разумных людей, справедливо возмущавшихся подлинными случаями неконституционного поведения судей и законодателей, на наш «Форум» — особенно в те годы — приходило немало параноидальных разоблачений всяческих воображаемых, порой очень причудливых заговоров. Однажды уже не помню кто из нас — то ли Шей, то ли я — сказал полушутя: «Послушай, а что, если все эти психи правы и все эти заговоры, на которые они жалуются, реально существуют?»

Так и родилась наша сага об Иллюминатах. Идея была очень проста: написать нечто среднее между сатирическим романом и мелодрамой и постараться сохранить тонкое равновесие между «доказательствами» многочисленных заговоров и фактами, опровергающими эти «доказательства». Конечно, обладая мы с Шеем хоть малейшим «чувством рынка», мы бы поняли, что такое намеренно неоднозначное произведение вряд ли будет иметь большой коммерческий успех. Во всяком случае, в ближайшее время. Но, как только мы начали, эта работа оказалась столь увлекательной, что мы просто забыли о пресловутом «простом читателе из глубинки». К сожалению, мы писали для Элиты (или даже Секты) и, хуже всего, даже не представляли себе, что это за Элита-Секта такая, для которой мы пишем. В результате мы создали и разгадали тайну (пожалуй, до конца все-таки не-разгадываемую), которая не только интригует, как Агата Кристи, но заставляет поражаться, изумляться и изрядно помучиться, как Ницше, Витгенштейн и вообще вся современная философия.

Впрочем, коммерческие результаты этого «онтологического партизанства» оказались не так плохи, как можно было бы ожидать. Да,

конечно, нам пришлось более пяти лет искать издателя для такой немыслимой книги, причем мы столь же часто слышали от Старших Редакторов фразу «Я ни хрена в ней не понимаю», как от Младших

Редакторов — «Я ее просто обожаю». Но, когда трилогия наконец была напечатана (в 1975 году), она почти повсюду получила очень хорошие отзывы. В первый же год нам выплатили весьма неплохие авторские отчисления (мы оба были еще столь неопытны, что даже не поняли, как нам в данном случае повезло: обычно «кровные» авторские еще попробуй получи!). В 1976 году по «Иллюминатусу!» была поставлена успешная рок-опера в Лондоне, которая была так же хорошо принята в Ливерпуле, Амстердаме и Франкфурте. Книга была издана в Англии, вскоре появился и немецкий перевод.

Все больше отсылок к трилогии стало появляться в романах других авторов, кинофильмах и музыкальных клипах. Наше произведение было признано «андеграундной классикой». Я стал довольно успешным лектором (и даже сделал небольшую карьеру в качестве эстрадного комика), что позволило мне повстречаться со многими поклонниками «Иллюминатуса!» — с той самой Элитой (или Сектой?), для которой, не зная ее, мы с Робертом Шеем писали. В основном это люди молодые и очень разношерстные — политики-либертарики, фанаты научной фантастики (что странно: мы с Шеем, сочиняя нашу трилогию, меньше всего думали о ней как о НФ), неоязычники, футуристы, сторонники идеи космических колоний, люди, «задвинутые» на долголетию и витаминах, и (если говорить о более «зрелой» публике) многочисленные психологи, психиатры, медики-радикалы и прочие профессионалы, озабоченные болезнями американской нации. А также множество людей, которые ненавидят ФБР и налоговую службу...

После «Иллюминатуса!» Роберт Шей начал создавать вполне «мейнстримовые» романы. Я же пишу все более «странные» и «навороченные» сатирические или фантасмагорические (это *вам* решать) произведения, которые, как и «Иллюминатус!», продаются то лучше, то хуже. Сейчас все они переизданы в очередной раз и продаются лучше, чем когда-либо. (Наверное, мир становится таким непредсказуемым, что мой сюрреализм теперь кажется чем-то *нормальным*.)

Не знаю, лучший ли это путь для писателя, но, кажется, это единственно возможный путь *для меня*. Как только я пробую писать для «обычного читателя», у меня получается муть, которую никто не хочет печатать. Когда же я пишу так, как мне хочется, мои работы издаются. Кривая продаж то поднимается, то падает, то снова поднимается, но в конечном счете каждая книга находит своего преданного читателя.